

№ 1 • 1964

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურა

ლიტერატურная Грузия

10.335/
1964/2

2.5
10335/2

1964/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ РУЗИЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

РЕВАЗ МАРГИАНИ. Возжаждал я... Мечта о июне. Рица. Когда я буду вправе. Стихи. Перевод с грузинского Вл. Соколова	3
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Я, бабушка, Илико и Илларнион. Повесть. Перевод с грузинского З. Ахвледиани	5
ГЕОРГИЙ ГУБЛИА. Осень. Молодое вино. Стихи. Перевод с абхазского Евг. Евтушенко	20
ГИВИ ГОГИЧАИШВИЛИ. Новогодняя ночь. Рассказ. Перевод с грузинского Эм. Фейгина	21
✓ ЛИЯ СТУРУА. Два глаза — две точки. Стихи. Перевод с грузинского Ю. Мориц	31
ТАРИЭЛ ЧАНТУРИЯ. Кос твоих мгла. Стихи. Перевод с грузинского Г. Плисецкого	31
ВИКТОРИЯ ПОПОВА. Когда я думаю о мире... Мое поколение. Стихи	32
✓ ГОГИ ЧАРКВИАНИ. Стремление. Стихи. Перевод с грузинского Ю. Мориц	32
СОЛОМОН ДЕМУРХАНАШВИЛИ. В поезде. Рассказ. Перевод с грузинского Ж. Чочневой	33
А. Т. СТУЧЕНКО, генерал-полковник. Завидная наша судьба	36

25/32

1

РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА — В ЖИЗНЬ!

МИХАИЛ ДАВИТАШВИЛИ. Эликсир плодородия	55
--	----

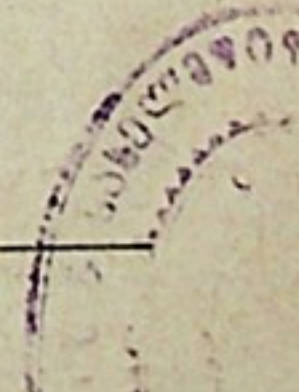
Я Н В А Р Ь

ИСКУССТВО

1 9 6 4

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА. Деятели литературы и искусства о Ладо Гудиашвили	60
--	----

См. на обороте.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕВАЗ ТВАРАДЗЕ. Заметки о поэтической культуре.	66
ГИВИ ГАЧЕЧИЛАДЗЕ. На конгрессе Международной федерации переводчиков	76
ГУРАМ БАТИАШВИЛИ. От книги — к книге . . .	79

ЛЕО КИАЧЕЛИ	80
------------------------------	----

ОЧЕРКИ

ЛИЛЯ БРАЙЛОВСКАЯ. Спокойное солнце и беспо- койные люди	82
--	----

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

МАМИЯ АСАТИАНИ. Кутаисские встречи	87
--	----

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	93
------------------------------------	----

В этом номере на вкладке цветные репродукции новых работ народного художника Грузии Ладо Гудиашвили.

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Адрес редакции: Тбилиси, 8, улица Ленина, 5.

Реваз МАРГИАНИ

ВОЗЖАЖДАЛ Я...

Возжаждал я грузинской речи,
Но слова молвить не с кем было,
Когда, увидев виноградник,
Ее возжаждал с новой силой.
Созрел ячмень, овсы созрели.
Когда их шелесту внимаю
И слышу крик перепелиный —
Им по-грузински подпеваю.
Возжаждал я грузинской речи,
Как соловья, что возле дома.
Она — то, как паденье листьев,
То, как в горах раскаты грома.
Возжаждал я грузинской речи,
Той, что как легкий ветер леса,
Той, что подчас и грозди слаще,
И виноградного бекмеса.
Возжаждал я грузинской речи,
Такой, с какою шли в походы,

Подобной Кведруле ревущей,
Когда ее разбухнут воды.
Возжаждал я высокой речи,
Что, обжигая, окрыляет,
Чей гордый звук и перед Лихи,
И на путях, что после Лихи,
Надежду в путника вселяет.
Возжаждал я грузинской речи
Во всем богатстве и размахе,
Ее парчей, ее рубинов
В Мулахи, в Лихи,
В Карданахи.
Возжаждал я грузинской речи,
Спокойной, как на Бараконе.
И если вы мне разрешите,
В честь этой дружественной встречи
Ваш виноградник, ваше поле
Я научу грузинской речи.

МЕЧТА О ИЮНЕ

Я грежу июнем,
Косьбой в лугах.
Мечтаю о том
Негасимом свете я,
Что жарко сияет в твоих глазах,
В твоих,
Сновиденье мое,
Сванетия.
И вот — покос,
Корзина, а в ней
Полуденный завтрак.
А солнце раннее
Слепит мне глаза,
Печет все сильнее.
Мне радостно:
Травы, цветы, сиянье.
Косы —

Символы небытия,
Слезами цветов
Так и блещут, острые,
Сверкают они,
Как радуги пестрые.
Тоскую о детских руках твоих
Я.
Вилы
В траве отдыхают еще.
И грабли лежат.
Я узнал тебя издали!
Тебя твои пчелы
Жужжанием выдали.
Что шепчет тебе
Ветерок горячо?
Я, может быть,
Выдержу взоры твои,

Не испепелюсь,
Как с другими случается.
Два солнца они.
Я стою в забыти.
Покос шелестит.
Твоя шаль развевается.
И бабочка
Вслед за тобой увивается,

И сердце мое
Сознается в любви...
Я жажду июня,
Я грежу о вас,
Покосы, луга и лужаек соцветия.
Я жажду сияния этих глаз.
Без них даже мне
Нипочем Сванетия.

Р И Ц А

Баграту Шинкуба

Рица.
Рица.
Рица.
Глаз лазурный Дали¹.
Зелень. Гор граница
Заслоняет дали.

Бог древнейший, чудо,
Над водою ровной.
С грудой изумрудов
Звезд кошель огромный.

Мать форелей, снова
Ты моя отрада.
Ты быстрее любого,
Рица, водопада.

Дно твоё бездонно.
Стать хочу звездою,
Чтоб я отраженно
Плыл твоей водою.

Так мне это снится,
Как ничто на свете,
Рица моя, Рица,
Быстрая, как ветер.

Нет меня влюбленной.
Украду, — как птица,
У меня в ладони
Ты забьешься, Рица.

А когда под старость,
В миг непобедимый,
Под доской останусь,
Под землей родимой,

И сорвутся косо
Звезды в перезвонах,
Расплетешь ты косы
Воли неугомонных.

Тяжело задышишь,
Душу опечалишь:
Больше не услышишь
И не повстречаешь.

И дождем — всей силой
Верю, а не снится —
Над моей могилой
Ты прольешься, Рица.

КОГДА Я БУДУ ВПРАВЕ

Лишь только у мечты затмятся крылья,
Упрек мне снится: что же ты сложил?
Когда я буду в праве, буду в силе
Сказать, что я его не заслужил!

Когда я буду в силе стать настолько
Кристалльным перед отчею землей,
Чтоб пенье, спор иль разговор застольный
С моих стихов повел грузин любой.

Как част он, этот голос осужденья,
Он в шепоте мне чудится чужом.

Тогда охвачен я в одно мгновенье
И опален невидимым огнем.

Когда идешь тропинкой по подъему,
Поднимешься, а там тебя не ждут,
Да еще кто-то вышутит, то к дому
Идти обратно —
Невеселый труд.

Нет, не хочу, забыв о верном даре,
Уйти, стыдясь, в молчанье ледяном.
Уж пусть меня припомнят, как маджари,
Коль не успею сделаться вином.

Перевод с грузинского Вл. Соколова

¹ Дали — богиня охоты.

БАБУШКА,

ИЛИКО

И ИЛЛАРИОН

Нодар ДУМБАДЗЕ

П О В Е С Т Ъ

Перевод с грузинского З. Ахвледиани

Справа от моего села протекает река Губазоули, слева — небольшая речушка Лаша, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной разбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды черные сваи.

И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии. Я люблю его больше всех сел на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада...

Моя бабушка — мудрая женщина. Она постоянно твердит мне:

— Учись, негодник, учись, не то неучем останешься!

О науке у бабушки своеобразное представление. Однажды, когда я сидел на балконе и во весь голос твердил наизусть правила из грузинской грамматики, бабушка спросила:

— Что это ты там зубришь, сынок?

— Лицо глагола, бабушка.

— Что?! Где это слыхано — лицо у глагола! Лицо может быть только у человека!

— Это другое лицо, бабушка, совсем не то, что ты думаешь.

— Лицо на свете одно, и все тут.

— Ладно, — сказал я и захлопнул книгу, — отвечай тогда, что такое лицо?

— Что такое лицо? Лицо — это... лицо!

— Садись, бабушка. Урока не знаешь, ставлю двойку!

— Я тебе покажу двойку, прохвост! Сию же секунду иди и привяжи козу, не то так вздую — своих не узнаешь!

— Хорошо, задам тебе еще один вопрос и пойду. Сколько существует лиц?

— Лиц столько, сколько людей на свете. Но лицо дано не для того, чтобы строить глупые гримасы, болван! У одних лицо худое, у других — круглое и толстое, у третьих вообще не разберешь что, размазня одна. А еще бывают лицемерные и двуличные люди.

— Жулики тоже бывают, — сказал я.

— Правильно, например, наш почтальон. Сдирает с конвертов марки, а потом говорит — оно без марки, мол, было, давай рубль.

— А я какой, бабушка?

— Ты? Ты прохвост, шалопай, бездельник, плут, пройдоха и нехристь к тому же.

Нет во всей Гурии женщины, которая умела бы проклинать лучше, чем моя бабушка. Но мне не страшны ее проклятия: однажды бабушка обмолвилась — «уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя».

Надо сказать, моя бабушка весьма отрицательно относится к бездушному решению Наркомпроса, которое обязывает учащихся ежедневно высиживать в школе полные шесть уроков. Хотя я лично никогда не давал ей повода для недовольства: свой учебный день я как правило еле дотягиваю до четвертого урока. Потом, потеряв всякое представление о времени и пространстве, голосом, несколько громче обычного, я спрашиваю соседа по парте:

— Ромули, дорогой мой, что это так долго не звонят? Звонок пропал или сторож?

Ромули скалит зубы, а учитель, указывая на меня пальцем (я ведь показательный ученик), ласково процеживает сквозь зубы:

— Сейчас же встань и убирайся вон. И пока не приведешь родных, чтобы духа твоего здесь не было!

Я уже не спрашиваю «почему?», так как знаю по опыту, что после такой дискуссии в спор вмешиваются мел и линейка. Я молча беру ранец и фуражку и направляюсь к двери.

— До свидания! — говорю я Ромули.

— До скорой встречи! — говорит он мне и машет рукой.

На второй день я веду в школу бабушку, затем бабушка ведет меня домой, и на следующий день опять я веду бабушку в школу, и снова бабушка отводит меня домой... Можно смело сказать, что десятилетку я и бабушка заканчивали вместе. По-моему, это единственный случай в истории человечества.

Я обыкновенный деревенский мальчик. У меня в ранце всегда в запасе фрукты, рогатка и пугач. До первых заморозков я хожу в школу босиком. Имею одни залатанные штаны и ежегодно — по две переэкзаменовки. Из-за моей собаки Мурада, которая вечно бежит за мной хвостом, в деревне меня называют собачником, в школе — плутом и лентяем, а бабушка раз и навсегда окрестила прохвостом. Настоящее же мое имя — Зурико.

Когда бабушка сердита на меня, я ночую в давилъне, как помиримся — я снова перебираюсь в комнату. Днем бабушка, призывая на мою грешную голову грома небесные, гоняется за мной с хворостиной в руке. Вечером, дождавшись, когда я усну, тихо целует...

Как я веду себя в школе? На этот счет существует официальный документ — «Протокол заседания педсовета». Выглядит этот документ примерно так:

«Протокол заседания педагогического совета средней школы от 18 марта 1940 года.

Присутствовали: все преподаватели.

Слушали: Сообщение руководителя VI класса о поведении ученика того же класса Зураба Вашаломидзе.

Высказались:

Преподаватель физики — «В природе не существует энергии, которая могла бы расшевелить Вашаломидзе. Мальчик этот — погруженное в жидкость тело, на которое не действует никакая выталкивающая сила».

Преподаватель математики — «Для меня Вашаломидзе — уравнение со ста неизвестными. Решить такое уравнение я не в силах».

Преподаватель химии — «Никакой реакции! Сидит весь урок и выматывает мне нервы. Это какой-то необыкновенный лакмус: он никогда не краснеет!».

Преподаватель русского языка — «По-моему, он просто идиот».

Преподаватель географии — «Познания Вашаломидзе весьма рельефны. Мальчик или аномальный, или истощенный».

Преподаватель истории — «Это скорее человек каменного века, чем цивилизованный представитель двадцатого столетия. Невозможно зафиксировать момент нахождения Вашаломидзе в состоянии покоя на уроке. Никакого прогресса. Вашаломидзе — позор для всего класса».

Школьный сторож — «Да что вы пристали к бедному ребенку? Уж если он такой дурак, как же вы его переводите из класса в класс?».

Завуч — «Тебя не спрашивают! Твое дело — приходить вовремя и звонить!».

Преподаватель грузинского языка (мой близкий родственник) — «Я вас не понимаю! Можно подумать, что на этом Вашаломидзе свет клином сошелся! Да кто у вас в классе лучше него? Может председательский сынок? Круглый пятерочник, а такого идиота я в жизни своей не встречал! Сидит на уроках, точно сыч в дупле!»

Преподаватель физкультуры — «А почему ты пишешь ему пятерки?»

Преподаватель грузинского языка — «Попробуй, не напиши!»

Завуч — «Замолчите!.. А ты что скажешь, Вашаломидзе?».

Вашаломидзе — «Учитель грузинского языка прав!».

Завуч — «Истукан! Не об этом спрашиваю! Что ты скажешь о себе?»

Вашаломидзе — «О себе? На этот раз простите, а в дальнейшем я исправлюсь!»

Наслушавшись подобных отзывов о собственной персоне, я долго сомневался в своем здравом уме и здоровье, но счастливый случай рассеял мои подозрения.

Как-то раз пришлось мне целую неделю не ходить в школу — мотыжил кукурузу. А чтобы за пропуск занятий не исключили из школы, требовалась справка о болезни. В те времена в нашей деревне таких справок здоровым людям, к сожалению, не выдавали. Поэтому пришлось уложить меня на один час в постель и вызвать врача. С утра меня морили голодом, чтобы придать моему лицу болезненную бледность, повязали голову полотенцем. Наконец бабушка отправилась за врачом. Через полчаса врач осадил коня в нашем дворе.

— Что с тобой, парень? — спросил врач, присаживаясь ко мне на кровать.

— Умираю... — простонал я.

— Хорошо... А все же, что у тебя болит?

Такого вопроса я, признаться, не ожидал и поэтому в испуге взглянул на бабушку.

— Все болит, — сказала бабушка.

— Волосы болят?

— Болят, — простонал я.

В это время в комнату вошли наши соседи — Илико и Илларион. Они знали о моей «болезни» и тут же вступили в разговор.

— Что-то в последнее время стал я замечать, ослаб наш мальчик, — сказал Илларион.

— Точнее...

— Точнее? Аппетит у него пропал. Прошлый раз насилу заставил его съесть три тарелки лобио¹ и одно мчади². И ни кусочка больше!

— Да ну?! — удивился врач.

— Тобой клянусь!.. Раньше, бывало, он съедал еще круг сыра, а в тот день как заупрямится — «не хочу, да не хочу!» Дома, говорит, уже обедал.

¹ Лобио — фасоль.

² Мчади — кукурузная лепешка.

— Это правда? — спросил меня врач.

— Правда, доктор. Как увижу лобно, сразу тошнить начинается!

— Мда-а... А как насчет жареного цыпленка с чесночной подливкой или свежего сулгуни с мятой, или отваренной курочки с эстрагоном, или, друг ты мой любезный, может быть, лучше рубец с острой приправой, или, скажем, усач и форель в ореховом соусе? Что скажешь?

— С ума сведет ребенка этот болван, — пробормотала бабушка.

Илико не выдержал такого испытания и, закашлявшись, выскочил на балкон. Илларион же оказался более стойким. Отвернувшись, он стал разглядывать фотографии в альбоме.

— Что еще у него болит? — спросил с улыбкой врач.

Потом снял с моей головы полотенце и заботливо утер мне нос.

— Еще... еще чихает! — ответил Илларион.

— Так... на что еще жалуешься, молодой человек?

— Хи-хи! — кашлянул Илико. — Еще он немного... того... — и он выразительно покрутил пальцем у своего виска. Я понял, на что он намекал.

— Да?... А ну, сколько это? — спросил врач и поднес к моему носу растопыренную пятерню.

— Семь! — сказал я и как можно глупее улыбнулся.

— Правильно! — воскликнул врач.

Илларион от удивления уронил очки, бабушка в испуге отшатнулась. Врач вывернул мне веки, опустил, потом снова поднял, заглянул мне в глаза, с сожалением покачал головой и спросил:

— Родственников и близких узнает?

— С трудом, — вздохнул Илларион.

— Так... Кто этот человек? — спросил меня врач, указывая на Илико.

— Это не человек, это зверь! — сказал я и придал своему лицу такое идиотское выражение, какого и Илико не ожидал.

— Зурико, это же я, твой Илико, неужели не узнаешь? — сокрушенно произнес Илико. Я отрицательно покачал головой и скосил глаза к переносице. Бабушка закусила нижнюю губу и схватилась за голову.

— Чем лечите больного? — спросил врач.

— Натираем виски водкой.

— Принесите сюда эту водку!

Бабушка торопливо принесла бутылку с водкой.

— Передайте мне вон тот чайный стакан!

Подали. Врач наполнил стакан и начал:

— Положение ребенка весьма серьезное, боюсь, не протянет до утра. Нужно немедленно везти его в больницу на операцию!

— На какую операцию?! — Я вскочил с постели.

— Придется вскрыть черепную коробку...

— Только через мой труп! — закричала бабушка. — Ишь ты, «вскрыть черепную коробку!» Это тебе не тыква! Да что ты понимаешь в болезнях? Мальчик здоров, как бык, а он — «в больницу!» Вставай, сынок, вставай, а то он и впрямь загонит тебя в могилу!

— Ну вот и отлично! Здоров, говорите? Дай бог и впредь всем вам здоровья! — сказал с улыбкой врач и залпом осушил стакан.

— А закусить? — сказал Илларион и подал ему грушу. Врач с хрустом надкусил грушу, потрепал меня по щеке, простился со всеми и, направляясь к выходу, сказал:

— А такого здорового мальчишки, действительно, во всей деревне не найдешь!

Потом он вскочил на коня, помахал нам рукой и ускакал...

Спустя неделю после моего чудесного исцеления к нам во двор зашел Илларион. Он прилег на траву под грушевым деревом, закурил самкрутку и, сладко потягиваясь, спросил:

— Ну, что, собачник, перенес операцию?

— Вам, конечно, начхать, а я чуть было не погиб!

— Скажи, пожалуйста, «погиб!» А какая тебе грозила опасность? Ну, вскрыли бы твой паршивый череп и тут же бы и захлопнули. Чего копать-то в пустоте?

— Ладно, ладно... «В пустоте»... Зато ты да твой дружок Илико — ума палата!

Помолчали...

— Что это твоей собаки не видать? — спросил Илларион, и в тот же миг, словно в ответ на его слова, раздался отчаянный собачий визг.

— Убью скотину, убью! Пропади ты пропадом, Зурикела, негодник, вместе со своей собакой! И где ты ее выкопал, эту безродную тварь?! Слыханное ли дело! Сперва таскала яйца из-под наседки, а теперь принялась за цыплят!

По дороге между изгородями, громко голося и размахивая палкой, вразвалку семенила соседка Эфросине. Впереди нее, жалобно скуля и поджимая заднюю ногу, бежал мой бедный Мурада.

— Держи его! — вопил из своего двора муж Эфросине.

— Да что ты раскричалась, соседка! Что случилось?! — Бабушка выскочила из дому. — Это кто же, по-твоему, безродная тварь? Наш Мурада? Да он, если хочешь знать, породистее твоего мужа и всей вашей родни!.. Безродный! Да я за него столько сыру отдала мельнику Симона!.. Проваливай лучше, пока не поздно!

Эфросине, которая больше всего на свете боялась бабушки, тотчас же повернула обратно, а Мурада прилег у моих ног. Не сводя глаз с удалявшейся Эфросине, он плутовски повизгивал. Как только женщина скрылась за поворотом, собака умолкла.

— Здравствуй, Мурада! — поздоровался с собакой Илларион.

— Здравствуй, — ответил про себя Мурада и приветливо вильнул хвостом.

— Ах, ты лисья порода! — улыбнулся Илларион, смахивая с пасти собаки цыплячий пух. — За что тебя пробрали?

— А бог их знает, — проговорил про себя Мурада, — оставляют без присмотра цыплят на улице, а потом сами же обижаются...

— Крепко тебе досталось?

— Порядком, — подумал Мурада и взглянул на ушибленную ногу.

— Не огорчайся, пройдет...

— Да не так уж и больно, как хотелось бы Эфросине, — улыбнулся Мурада, тряхнул ушами и лизнул Иллариону руку.

— Что с его мордой?

— Обжегся, дурак. Вчера вздумалось ему стащить со сковороды мчади, вот и угодил носом в огонь...

— Это правда, Мурада?

— Эх, на сей раз не повезло, поторопился малость, — вздохнул Мурада и облизнулся.

— Да ты, брат, не собака, а настоящее сокровище! — произнес с уважением Илларион. — Вот Зурикела какой вымахал и все на бабушкиной шее сидит, а ты уже сам о себе заботишься. Молодец! Однако воровать все же нельзя, это ты учти! Краденый кусок впрок не идет. Вот возьми хоть нашего завскладом Датико — он уже одной ногой в могиле.

А какой ненасытный был, все тащил. Теперь вот валяется в постели, как списанный товар. Слышишь?

— Ладно, иди к себе и не вздумай убежать со двора, не то поколочу, сукин ты сын! — сказал я и легонько пнул собаку ногой.

Илларион скрутил сигарку, затянулся и сказал:

— Утром обошел я колхозные поля; кусты сои сплошь обглоданы. Не иначе, как зайцы шалят. Следы видел. Не мешало бы пройтись завтра утром с ружьем...

— Знаю я твоих зайцев! Прошлый раз ты тоже потащил меня, а следы оказались козьими.

— А сейчас, говорю тебе, — заячьи! Кроме того, помет заячий!

— Ну, ладно, пойдем. Смотри только, как бы заячий помет тоже не оказался козьим!

— Не учи меня, сопляк! Приготовь-ка к утру ружье, да захвати своего глупого пса, авось, пригодится... — сказал Илларион, нахлобучил мне на самый нос фуражку и ушел.

На другое утро, чуть свет, мы пробирались по высокой — по колено — росистой траве. Впереди шагал Илларион, за ним я, за мной трусил весь мокрый, облепленный репеем, Мурада.

— Вот это собака! — насмеялся Илларион. — Никак за зайцев нас принимает — по следу идет. Скажи ей, пусть бежит вперед!

— Марш вперед! — приказал я собаке. Мурада в ответ уселся.

— Устал пес. Может, и нам отдохнуть и перекусить чего-нибудь, а? — спросил Илларион и опустился на землю.

— Что ж, отдохнем, — согласился я и устроился рядом. Илларион извлек из сумки вареную курицу, мчади, молодой сыр, бутылку виноградной водки и разложил все это на большом плоском валуне. Я со своей стороны добавил к столу пхали¹, лобио, отваренную картошку, соль. И пиршество началось.

— Смотри, Илларион, не чавкай громко, зайцев распугаешь! — предупредил я.

— Ты над кем смеешься, урод?! Зайцев здесь — хоть пруд пруди. только выслеживать их нужно с головой! — рассердился Илларион.

Он наполнил стакан и, произнеся обычное «будем здоровы», осушил его.

— Будем здоровы! — сказал я и тоже выпил.

— Закуси чем-нибудь, сгоришь!

— Подумаешь! Не видал я сивухи!

— Мерзавец! Сивуху поищи у своей бабушки!.. Ну, давай по второй!

— Давай! — охотно согласился я, выпил и вдруг повеселел. — Ну и пробирает! Бьет прямо в почки!

— Еще бы — чистая чача!²

— Выпьем по третьей, — предложил я.

— Выпьем!

Илларион быстро опрокинул стакан и достал кисет с табаком.

— На вот, возьми мой кисет, табак у меня знатный, стамбульский! — сказал я, протягивая полный кисет.

Илларион взял кисет, понюхал табак, подозрительно взглянул на меня, но все же скрутил сигарку, зажег, затянулся и... опрокинулся на спину.

— Что с тобой, Илларион?! — кинулся я к нему.

Илларион лежал побледневший, с закатывшимися глазами, и молчал.

¹ Национальное блюдо из овощей или трав с ореховой приправой.

² Игра слов: чача по-грузински — «почка» и «виноградная водка».

— Мурада, скорее воды! — крикнул я. Илларион отрицательно покачал головой, медленно приподнялся, долго смотрел на меня покрасневшими глазами, потом глубоко вздохнул и спросил замогильным голосом:

— Откуда у тебя этот табак?

— Илико подарил. А что?

Илларион наполнил стакан, смахнул слезу, потом воздел руки к небу и медленно, торжественно произнес:

— Боже всемогущий, покарай всех жуликов и подлецов на свете! Ниспошли на Илико Чигогидзе кару, чтобы корчился он в адских муках и некому было бы подать ему руку помощи, кроме меня! Аминь!

— В чем дело, дядя Илларион?

— К табаку примешан перец!

— Ну, тогда выпьем по четвертой, и пусть бог накажет Илико! — сказал я, выпил, и вдруг мне захотелось поцеловать длинный нос Иллариона. — Дядюшка Илларион, дорогой мой, ты лучше всех на свете! Если бы ты знал, как я тебя люблю! У тебя длинный нос и доброе сердце. Если бы не ты, мне вообще незачем жить на этом свете. Поверь мне, дядюшка Илларион! Дай-ка я тебя поцелую!

— Ну, говоря откровенно, Зурико, другого такого мальчика, как ты, свет не видал! Это пустяки, что я старше тебя на тридцать лет! Был я твоим ровесником? Был. Будешь ты моим ровесником? Будешь. Спрашивается, какая же между нами разница? Никакой! Разве имеет значение у кого больше волос на голове? Не имеет. Мы друзья! А потому — выпьем!..

...Средь друзей хожу печальный
Я — Симона, эх Долидзе... —

затянул я песню.

— Как это — «печальный»? Что тебя печалит, дорогой? В школе обижают, да? Так вот, запомни мое слово — спалю я вашу проклятую школу! Или, может, враг у тебя завелся? Ты только скажи мне, кто он! — И Илларион потряс ружьем.

— Давай, пли, Илларион! Пусть узнает весь мир, что мы — это мы! Ау-у-у!..

Илларион спустил оба курка, ружье громынуло. Эхо, словно пташка в клетке, долго бросалось от горы к горе, потом, найдя выход, выпорхнуло и умчалось вдаль.

...Я проснулся от холода, протер глаза, огляделся. По-видимому, Мурада давно закончил завтрак, убрал все со стола и куда-то ушел.

Я разбудил Иллариона.

— Не стой над головой, точно стражник! — огрызнулся он. — И убери, ради бога, ружье; еще выстрелит, чего доброго, тогда берегись, расквашу твой дурацкий нос!

— Пройдусь немного, может, зайца встречу...

— Иди, иди... Будешь стрелять — не забудь закрыть левый глаз! — крикнул мне вдогонку Илларион.

Не успел я сделать и десятка шагов, как услышал отчаянную ругань Иллариона:

— Ах, чтоб ты околела, паршивая! Дерьмо ты, а не собака! Лаять, что ли, тебе лень, ублюдок несчастный?!

— Что случилось, Илларион? — подбежал я с ружьем наготове.

— Вот, полюбуйся, пожалуйста, — сказал он, протягивая ладонь. На ней чернело несколько зернышек заячьего помета.

— Совсем еще теплые, понимаешь? — простонал Илларион. — Заяц только что был здесь, а твой проклятый пес и не учуял его!

— Где ты их подобрал?

— Да говорю же тебе, вот тут, рядом, в двух шагах!

— Ну-ка, жибо, заходи сверху, а я покараулю здесь! Заяц не мог уйти далеко!

Я взвел курок и медленно двинулся вверх по косогору. Вскоре я увидел общипанные побеги сои и заячьи следы. Они вели к большому кусту орешника. Я несколько раз обошел куст, потом сильно пнул его ногой, и вдруг из куста выскочил заяц — настоящий заяц, длинноухий, косой, с белой полоской на спине.

— Держи! — яростно взвизгнул я и выстрелил.

Заяц, смешно прижав уши, стрелой помчался вниз.

— Илларион, не пускай его! — орал я.

— Я здесь, не бойся!

На минуту воцарилась гробовая тишина, затем я услышал щелканье курка, потом Илларион громко сплюнул, потом что-то плюхнулось, раздались проклятия, стоны, вздохи и потом вдруг:

— Держи, держи, Зурикела, он бежит к тебе!

Я присел и вскинул ружье... Неожиданно где-то внизу бабахнул выстрел, другой, и в тот же миг раздался душераздирающий собачий визг. В глазах у меня потемнело, ноги подкосились, и я без сил опустился на землю...

— Мурада, дорогой, взгляни на меня! — Я поцеловал своего верного пса и горько зарыдал.

— Не плачь, сынок, возьми себя в руки, — сказал Илларион, смахивая слезу.

Мурада приоткрыл глаза и взглянул на нас. Плакали все трое — я, Илларион и Мурада.

— Эх, почему у меня не отсохнут руки и не ослепнут глаза! — запричитал Илларион.

— Ладно уж, Илларион, не убивайся... не нарочно ведь — спьяна... Кроме того, знаю же я нрав твоего ружья — из него выстрелишь во врага, угодишь в друга... Помнишь, точно так же ты подстрелил свою собаку... Так что не стоит сокрушаться... Я на тебя не в обиде... Одно досадно: Эфросине будет рада! А впрочем бог с ней, пусть радуется.., — сказав все это про себя, Мурада ласково потерся мордой о колени Иллариона.

— Мурада, крепись, дружище! Потерпи немного! — склонился я к Мураде.

— Ну, нет, брат, плохи мои дела... Как это у вас говорится — «Заживет, как на собаке»? А я вот умираю... Умираю, Зурикела...

— Крепись, крепись, Мурада. Будь до конца мужественной собакой, — упрашивал Илларион. — Кончился, — наконец тихо произнес он и вытер рукавом слезы.

Вопли и причитания бабушки всполошили все село. Примчались перепуганные соседи. Узнав, в чем дело, они возмутились:

— Да вы что, с ума посходили? Слыханное ли дело — поднимать такой шум из-за дохлого пса?! Что за ненормальная семья!

И разошлись...

Илларион весь день ходил, словно убийца перед казнью. Под вечер он подозвал меня и заявил:

— Мы должны его похоронить. Вон там, под чинарой!

Вдвоем мы выкопали яму и торжественно предали земле останки нашего погибшего друга. Потом я выпросил у бабушки кувшин вина, и мы справили поминки на могиле Мурада.

Первый тост произнес Илларион:

— Зурико, сынок мой, — начал он. — Тяжелое, безутешное горе привело нас сегодня сюда, к этой могиле. От нас ушел наш любимый друг товарищ. Он всегда, как собака, был верен нам, и если на том свете существует собачий рай, то врата его открыты для Мурада. Светлая память о нем всегда будет жить в наших сердцах. За упокой души Мурада! Выпьем!

— Благодарю тебя, Илларион... Выпьем!

— Вторым стаканом я хочу выпить за здоровье близких и родственников покойного. Желаю тебе счастья, благополучия, и чтобы это горе было последним в твоей семье, дорогой Зурикела!

— Спасибо, Илларион!

...Во двор воровато прокралась черная собака. Она несколько раз обошла могилку Мурада, потом уселась поодаль и жалобно завывала.

— Плакальщики пришли, — сказал Илларион.

— Это мать Мурада, собака мельника Симона, — пояснил я.

— Господи помилуй! Поди сюда, собака!

Собака приблизилась к Иллариону. Он бросил ей кусочек мяса. Собака отвернулась и легла на землю.

— Собака, а ведь тоже чувствует! — заметил я.

— За родителей Мурада! Будь здорова, собака! Это я, окаянный, взял грех на душу! — сказал Илларион и выпил.

Выпил и я.

Во двор по очереди, одна за другой, вошли еще четыре собаки.

— Гляди, вот собака Асало... Эта — Датиго... Вон та — Деспине... Эта — Маки... А где же головастый пес Матроны? Почему он не пришел? — спросил Илларион.

— Он был в ссоре с Мурада. В прошлом году я стравил их, и Мурада больно его искоусал, — ответил я.

— Хозяин! — слышалось у калитки.

— Кто там?

— Можно к вам?

— Пожалуйста!

Во двор вошел семилетний сын Махаре Гогичайшвили.

— В чем дело, малыш? — спросил Илларион.

— Телеграмма на ваше имя!

— Покажи!

Мальчик протянул телеграмму. Илларион не спеша достал из кармана очки, тщательно протер их платком, водрузил на нос и начал читать:

— Молния Зурикела собачнику и Иллариону носатому Примите мое глубокое соболезнование по поводу трагической гибели дорогого Мурада Вместе с Вами горько оплакиваю его утрату Горе мое безгранично не знаю переживу ли Скорблю что не могу присутствовать лично Не знаю как утешить вас Будь вы неладны оба горе-охотники олухи царя небесного Когда еще раз соберетесь устроить охоту на собак непременно захватите меня с собой Целую обоих в лоб

Ваш скорбящий друг

— Без подписи! — сказал Илларион. — От кого бы это, а? Поди сюда, сынок! — обратился он к мальчику. — Иди, иди, не бойся!

Мальчик подошел. Илларион так схватил его за ухо, что мальчишка завопил, как гудок чайной фабрики.

— Говори, кто дал телеграмму?

— Не скажу, убьет!

— Не скажешь, тогда я убью тебя! Выбирай! — сказал Илларион.

— Илико Чигогидзе дал три рубля, велел отнести телеграмму и молчать, не то язык вырвет.

Илларион отпустил мальчика и кулаком ударил себя в грудь.

— Ну погоди же, кривой черт! Ты у меня еще попляшешь!..

Мне искренне стало жаль Илико.

Наступила ночь — обыкновенная сельская ночь. И все вокруг было мирно и спокойно, словно в тот день никто в нашей семье не умирал...

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Нынешний учебный год я опять закончил с переэкзаменовкой по русскому языку. Два раза в неделю я ходил заниматься на дом к преподавательнице. Вознаграждение за труды выплачивалось ей натурой: полпуда лобно, четыре круга сыра и пуд вина с нового урожая. По сравнению с прошлым годом мзда выглядела ничтожной — в прошлом году у меня были две переэкзаменовки.

Мой учебный день начинался так:

— Вставай, вставай, бездельник! Хватит тебе валяться! Опоздаешь! — доносился со двора голос бабушки.

Я тотчас же вскакивал, несколько раз пробегал по комнате, громко стуча ботинками, с грохотом передвигал стулья, затем на цыпочках возвращался к кровати, забирался под простыню и продолжал прерванный сон. Окончательное пробуждение наступало в момент, когда вместе с ушатом холодной воды на мою грешную голову обрушивались громы и молнии, исторгаемые бабушкой:

— В кого ты уродился, этакий бездельник непутевый?! Чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный ты человек!

Прокламация сопровождалась знакомым свистом хворостины, и я поспешно бежал к дому учительницы.

— Здравствуйте! — представал я пред очи учительницы Заблони.

— Здравствуй! Что мы сегодня будем делать? — вопрошала она.

— Сегодня? Закончу прополку кукурузы, потом выгоню корову на выпас, потом сбегаю на мельницу, потом наколю дров, а потом — уроки, — говорил я, мешая русские и грузинские слова.

— Ну, давай! — благословляла учительница, и я приступал к занятиям. После полудня начиналось выспрашивание пройденного материала.

— Как с кукурузой?

— Все в порядке, учительница!

— На мельницу сходил?

— Сходил, учительница!

— Корову напоил?

— Напоил, учительница!

— Дрова?

— Хватит на неделю!

— Что такое грамматика?

— Грамматика — греческое слово!

— Правильно, ты хороший мальчик! Ну, беги домой!

Однажды утром, прислушиваясь к угрожающим интонациям бабушкиного голоса, я уже совсем было подготовился к очередным занятиям, как вдруг пожаловал Илико:

— Ольга, дорогая моя, одолжи-ка сегодня мне своего Зурикела!

— Да? А русскому языку ты его будешь обучать, что ли?

— Такому русскому, какому его учит Заблони, я тоже могу учить. Поставлю его на прополку огорода, и так он у меня намахается мотыгой..

что не только по-русски, по-китайски заговорит! И ни лобио, ни вина за это не возьму!

— Чтоб у тебя язык отсох, кривой черт! А все-таки, зачем тебе понадобился?

— Это уж не твоя забота, дорогая! Ты только отпусти его...

— Ладно, прохвост, ступай с кривым, чтобы ему и второй глаз птицы выклевали. Посмотрим, чему он тебя научит!

— Вперיות! — скомандовал Илико по-русски и бодро зашагал к воротам.

— В чем дело, Илико? — спросил я.

— Просьба у меня к тебе, Зурикела: хочу послать тебя к Иллариону...

— Это еще зачем?

— Нужно выудить у него пуда три вина, — знаешь ведь, вино у Иллариона — лучшее в селе!

— Лучше попроси у бабушки, она не откажет.

— Благодарю покорно! Мне вино нужно, а не рассол! Я не огурцы собираюсь солить.

— Так и передам бабушке.

— Передашь — зашью тебе этот рот, что растянул до самых ушей. Лучше делай, что говорю. Иди к Иллариону и попроси — пусть продаст или одолжит вино. Он уважает тебя и не откажет...

— Кому нужно вино? Тебе? Вот ты сам и проси...

— Зурико, дорогой мой, милый, без ножа меня зарезать хочешь? Сделай одолжение, выполни мою просьбу, ведь он после той телеграммы меня на ружейный выстрел к себе не подпускает... А если он откажет, тогда...

— Что тогда?

— Тогда... Тогда ты должен пометить кувшин, в котором он хранит цоликаури¹. И я выкину с ним такой фокус, что вся деревня ахнет.

— Какой фокус?!

— А вот какой: вино из помеченного кувшина Иллариона в полночь перекоцует в мой кувшин. Понял?

— Да ты с ума спятил, Илико!

— Не ори, болван! Забыл, чей табак куришь?

— Подумаешь! От твоего табака того и гляди чахотку наживешь!

— Ну, ладно, лучше поговорим о деле. Десять пригоршней табака, и ты — могила! Идет?

— Сейчас же дашь?

— Ну, конечно!

— Ладно, иди домой, я сам приду к тебе с ответом.

— Ну, смотри!

— До свидания!

Илико поцеловал меня в лоб, потрепал по щеке и, просверлив меня единственным глазом, проникновенно сказал:

— Слышь, Зурикела: изменить Илико Чигогидзе — все равно, что изменить родине. Не забывай об этом...

— За кого ты меня принимаешь! — обиделся я.

Успокоенный Илико бодро зашагал домой, а я отправился к Иллариону.

Солнце щедро подрумянивало яблоки, рассыпанные по всему балкону для сушки. Сам Илларион полулежал на разостланной под липой козьей шкуре и с усердием читал газеты недельной давности. В нашем

¹ Цоликаури — сорт вина.

селе вообще не существует сегодняшней, вчерашней и позавчерашней почты. Все газеты у нас недельной давности.

— Здравствуй, Илларион!

— Зурикеле привет!.. Что привело к вам чуть свет этого черта?

— Просто так зашел!

— Все же?

— Вино, говорит, хочу. Пойди, говорит, к Иллариону, пусть, говорит, одолжит или продаст три пуда.

— А стрихнина он не хочет?

— Нет, вино, говорит, хочу.

— Такой бурды, чтоб ему не жалко было дать, у меня нет!

— Пожалей его, дай!

— А он нас пожалел, когда подсунул наперченный табак? А про телеграмму с соболезнованием ты уже забыл? Нет, милый, не дам. И не уговаривай меня!

— Знаешь, что он сказал?

— Ну?

— Если, говорит, Илларион откажет, ты, говорит, пометь кувшин с лучшим вином, а я, говорит, его в полночь опустошу в два счета...

— Ах, вот как? Ну, Зурикела, теперь мне нужна твоя помощь! За мной, знаешь ведь, не пропадет!..

Вечером я сидел у Илико и отчаянно торговался.

— Вот тебе две пригоршни табаку. Больше не проси!

— Что такое? Выходит, даром я кувшин помечал?

— Ну, черт с тобой, бери четыре!

— Десять!

— Четыре!

— Десять!

— Сдохнешь, дурак! Пожалей свои легкие!

— Это не твоя забота! Гони табак!

— Пять!

— Или давай все десять, или я сейчас же иду к Иллариону и выкладываю ему все!.. До свидания!

— На, на, чтоб лопнуло твое ненасытное брюхо, мерзавец! — Илико в сердцах насыпал передо мной десять пригоршней золотистого табака и добавил: — Только пойдешь со мной ночью и поможешь!

В полночь я и Илико лежали в мокрой от росы траве под выломанным забором у самого марани¹ Иллариона.

— Апчхи!.. Апчхи!.. Апчхи!.. — чихнул я три раза подряд.

— Чтобы ты не вырос больше, зараза ты этакая! Верзила, а не можешь справиться с собственным носом, — рассердился Илико и дал мне тумака.

— Вон тот кувшин... тридцатипудовый, видишь, палка воткнута, — шепнул я Илико.

Илико протиснулся в проделанную в заборе дыру и по-пластунски пополз к кувшину. Я запихал бурдюк за пазуху и последовал за ним.

— Ну, начнем! — шепотом приказал Илико и протянул мне мотыгу.

Работали быстро и бесшумно. Спустя пятнадцать минут показалась крышка кувшина.

— Открывай! — сказал Илико и приготовил бурдюк. Горло кувшина было так велико, что мы вдвоем свободно пролезли бы внутрь.

¹Марани — помещение для хранения вина.

Я с трудом приподнял крышку. Илико быстро нагнулся, всунул гол-
лову в кувшин и вдруг зарычал:

— Что это? Кувшин пустой!!

— Ну что ты, Илико: он просто неполный, ты глубже загляни!

Илико залез в кувшин по самые плечи.

— Держи воров! Ух, вы, мошенники! — раздался вдруг громовой
клич, и Илларион коршуном соскочил с дерева. — Ни с места, стрелять
буду!

— Спасайся! — гаркнул я, хватая Илико за ноги.

Тот в испуге вырвался и... провалился в кувшин. Илларион схватил
меня.

— Ты кто? Говори, не то прикончу на месте!

— Это я, Илларион! Не убивай меня! — взмолился я дрожащим
голосом.

— А где второй?

— Не знаю!

— Говори, не то прикончу!

— Не знаю, дядя Илларион!

— Кто он?

— Не знаю!

— Как не знаешь, вы же вместе были!

— Не знаю!

— Сейчас же зарой обратно этот кувшин, пока я из тебя душу не
вытряс, а потом я с тобой еще поговорю! — сказал Илларион и закатил
мне такую оплеуху, что вместо предусмотренного по плану хныканья у
меня вырвался отчаянный вопль. Я быстро закрыл крышку, придавил ее
большим камнем и, взявшись за мотыгу, собрался было засыпать кувшин
землей, как вдруг из чрева его раздался голос:

— Всесильный боже, святые угодники! Пусть разверзнется земля
и поглотит всех плутов, подлецов, прохвостов и двуличных людей...
Господь всемогущий, ниспошли гром и молнию на головы Иллариона Ше-
варднадзе и Зурикела Вашаломидзе! Одурачили меня, нехристи!

— Эй, кто там? Говори, не то башку размозжу! — крикнул Илла-
рион, откидывая крышку и просовывая в кувшин дуло ружья.

— Это я, Илико. Убери ружье, носатый черт, не бери греха на душу!

— Подонок ты, а не Илико! Что тебе нужно в пустом кувшине?

Я чуть не задохнулся от смеха.

— Илларион, заживо хоронишь меня? Побойся бога!

— Нечего мне бояться! Вот замурую тебя, чертова сына, бог даже
благодарить меня будет!

— Выпусти, Илларион!

— Пойди-ка, Зурикела, разбуди соседей, пусть все увидят, какой
у меня тут в кувшине одноглазый барсук сидит!

— Илларион Шеварднадзе! Не срами на все село! Хватит с меня
того, что я задыхаюсь в этом гнилом кувшине! Довольно мучить!

— А я и не шучу вовсе.

— Зурикела! Продал меня, как козу, подлец?!

— А ты лучше про наперченный табак вспомни и про телеграмму!

— Сиди теперь в кувшине и помалкивай!

— Хватит вам издеваться над человеком, безбожники! Остаток дней
в кувшине доживать мне, что ли?

— Ты и так никогда не знал, что на белом свете делается, сиди сей-
час в кувшине, никакой для тебя разницы! — сказал Илларион.

— Выпустим его, жалко! — сказал я.

— Ладно уж, пусть вылезает! Только пускай громко крикнет: «Я/ олух!».

— Согласен? — спросил я Илико.

— Олух я, олух, — обреченно выкрикнул Илико.

Выбравшись из кувшина, он так глубоко вдохнул влажный ночной воздух, как будто был матросом подводной лодки, всплывшей после длительного погружения. Потом поднял бурдюк и, согнув указательный палец, сказал:

— Что ж, ваша взяла, сдаюсь!

Отвернувшись и, что-то бормоча, направился к выходу.

— Ты куда, неблагодарный! Не хочешь благословить нас? — крикнул Илларион.

— Благословит вас бог, большое вам спасибо, уважили меня! — сказал Илико.

— Да не так, кривой! погоди!.. А ну-ка, откопай кувшин, Зурикела, — приказал мне Илларион, указывая на полный кувшин.

Прежде чем взяться за мотыгу, я достал полученный от Илико табак и скрутил сигарку.

— Не кури, Зурикела, табак перченный, — робко предупредил меня Илико.

До последних петухов в марани Иллариона не затихали песни и проникновенные тосты.

Утром я и Илларион с трудом волокли домой Илико и огромный бурдюк с вином...

СТОРОЖ

Как-то я возвращался из школы через чайные плантации. Созревшая изабелла¹ лукаво поглядывала на меня сквозь зелень листвы. Я не вытерпел, повесил сумку на сук и мигом очутился на самой верхушке. Виноград оказался изумительным! Горожане почему-то говорят, что изабелла отдает клопами. Не берусь судить — клопов я никогда не пробовал, но если это действительно так, то слава клопам! Сперва я глотал ягоды целиком, насытившись, стал есть медленнее, смакуя их и выплевывая кожуру.

— Эй, кто там на дереве? Кто это расхищает колхозное добро?! — раздался вдруг грозный окрик.

От неожиданности я чуть не свалился с дерева, но вовремя схватился за ветку и затаил дыхание.

— Кому говорят? Оглох ты, что ли?!

Я поглядел вниз. Под деревом стоял Илико — в соломенной широкополой шляпе, с перекинутой через плечо веревкой и топором за поясом. Тут же рядом тощая коза, смешно шевеля губами, подбирала виноградную кожуру.

— Ты что, не слышишь меня?! А?! Говори, кто ты такой? Кто дал тебе право распоряжаться колхозным имуществом? Нечистая сила ты, что ли? Отвечай сейчас же!

— Дьявол я, дьявол!

— Будь ты трижды дьявол, все равно должен знать, что колхозная плантация — это тебе не райский сад, чтобы каждый голодный проходивец обжирался тут виноградом! Спускайся вниз, не то живо стряхну тебя оттуда!

— Поднимись лучше сюда, здесь поговорим!

¹Изабелла — сорт винограда.

— Сойди вниз, говорят тебе!
— Не сойду!
— Не сойдешь?
— И не подумаю!
— Ну и сиди, пожалуйста, посмотрим, сколько выдержишь! А мне спешить некуда! — И Илико уселся под деревом. Я продолжал спокойно уплетать виноград.

Прошел час. Наконец Илико не вытерпел и окликнул меня:

— Черт проклятый, что ты там делаешь?!

— Гнездо себе вью! — ответил я.

— По-хорошему тебе говорю: спустись вниз и добровольно следуй за мной в контору!

— Подожди, пока поем!

— Да ты человек или давиляня?! Спускайся немедленно!

— Не спущусь!

— Значит, не подчиняешься властям?

— Нет!

— Хорошо. Тогда вот тебе веревка, вот топор, иди и сам сторожи!

— Чего ты пристал ко мне! Вот человек! Иди своей дорогой и оставь меня в покое!

— Последний раз предупреждаю: сойди с дерева! Иначе — позову людей! — Тут только Илико заметил мой ранец.

— Ага! Сейчас-то ты никуда не денешься! Узнаю ведь, кто ты такой!

Илико устроился поудобнее, взял ранец за углы и одним рывком вытряхнул на землю все его содержимое.

— «Декамерон»... — прочел он и отложил книгу в сторону. — «Как закалялась сталь»... «Один среди людоедов»... «Тристан и Изольда»... «Витязь в тигровой шкуре»... Да кто ты такой, в конце концов, чертов сын?! И где ты учишься, в какой школе, что ни тетради, ни карандаша у тебя нет! — обозлился совсем потерявший надежду Илико.

— Это я, Зурикела, дядя Илико!

— О-о-о, чтоб тебя разорвало, прохвост ты этакий! Ну и извел же меня, подлец! Скатывайся сейчас же вниз да захвати с собой пару гроздей!

Продолжение следует

Георгий ГУБЛИА

ОСЕНЬ

Над рощами до будущего года
веселых птиц утихли хороводы,
и осень вся в себя погружена.
Примеркой платья, сшитого природой,
сияя, занимается она.
Земля уже местами поседела,
и листья облетелые шуршат.
Кто может в этот день сидеть без дела?
Все люди чем-то заняты, спешат.
Хурма руками веток опирается,
отяжелев, о палки-костыли,
и яблони, кряхтя, стоять стараются
под ношей, гнущей ветви до земли.
А изабелла бредит погребам,
собой чаны пошатывая все,
и, улыбаясь, красными зубами
блестят гранаты в утренней росе.
Инжир лиловый набухает грузно.
Плоды айвы, как луны на ветвях,

и желтые початки кукурузы,
как слитки солнца, светят в кузовах.
Я с осенью в задумчивой беседе,
и медленно, как движутся века,
в сараи на телегах сено едет,
на них разлегшись, будто облака.
В полях поют, усталость прочь отбросив,
поют — и людям подпевают тишь,
и, празднично раздувшийся от гроздьев,
на землю сквозь листву летит амцвыш.¹
Ах, осень! — на тебя не наглядеться!..
Я принимаю все, как праздник свой:
и в школах топот ног беспечных детских,
и град орехов грецких грозовой.
Неся своих подарков груз огромный,
идешь ты, осень, в песнях и косьбе.
И я в ответ, как мой отдарок скромный,
дарю стихотворение тебе.

МОЛОДОЕ ВИНО

Стихает все. Все дремлет вкрадчиво.
Уняло солнце свой задор.
Лучи тихонько укорачивая,
оно садится на забор.
Кому же это так бормочется?
Ах, — это чан, а в нем маджар!
Маджар вздыхает. Он ворочается.
Он испускает теплый пар.
Маджаром пахнет, кожей, паклею,
Очаг старинный в землю врос.
Его огонь чуть тронешь палкою —
в нее он вцепится, как пес.
Захватит, лапами грабастая,
зубами шелкая, судя,
и будет тень твоя громадная
качаться на боку чана.
Ложатся отблески закатные,
и отблеск этого огня —
на рукава парней закатанные,
на шею черную коня.

И виноград под прессом давится,
но ты не верь его слезам —
ведь виноградом этим дарится
веселье праздничное нам.
И вот, пузатые, задорные,
сомкнув ряды свои, стоят
у дома бочки стоведерные
и подбочениться хотят.
И происходит проба первая,
На славу кончен долгий труд.
Маджар с чуть-чуть шипящей пеною,
сняв шапки, труженики пьют.
И первым Бадра его пробует,
затем другим уже дает.
И вот во всех маджари прыгает,
во всех смеется и поет..
Маджар течет по горлу бархатно.
Стакан, любуясь, Бадра сжал:
«Пусть наша жизнь сверкает, дадраа²,
искрясь и пенясь, как маджар».

Перевод с абхазского Евг. Евтушенко

¹ Амцвыш — конусообразная корзина для сбора винограда.

² Да д р а а — друзья, товарищи.

Гиви ГОГИЧАЙШВИЛИ

Новогодняя ночь

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Эм. Фейгина

— Может, они думают, что я ничего не слышу. Но они не умеют разговаривать тихо, да и к тому же дверь на кухню приоткрыта.

— Ты с ума сошла, — сердито говорит моя жена, — столько я тебе не дам.

— Ну, мама! Ну, что за деньги десять рублей, — упрямо твердит наша семнадцатилетняя дочь. — Мальчики собирают по двадцать, девушки по десять.

— Десять рублей — это сто рублей...

— Опять ты свое, все уже забыли о старых деньгах, а ты... Десять рублей — это десять рублей. И ничего больше. Разве можно быть такой скупой, мама!

— Посмотрите на нее!.. — моя жена всплескивает руками. — Что ты в жизни понимаешь, что видела?..

Я сижу у стола, перелистываю газеты и журналы, но все мое внимание поглощает этот разговор на кухне, очень неприятный мне разговор.

— В твои годы я черному куску хлеба была рада, — продолжает

жена, — а тебе к Новому году платье пошили, это раз, в Бакуриани ты должна поехать, это два... Как же, как же, не останешь же ты от подруг.

— Знаю, наизусть знаю, что ты скажешь, — прерывает ее наша дочь, — кормишь, одеваешь, обувашь... и новый джемпер на зиму обещала купить, и лыжи...

— Ну да, и джемпер, и лыжи. А они недешево стоят. Нет, не дам тебе сто рублей.

— Ох, мамочка... не сто, а десять, — вздыхает дочь.

— Ну, пусть десять, — соглашается моя жена. — Да и что это за порядок кутить напролет целую ночь. Лучше пойдите в театр, а после театра пожалуйста к нам. Я стол накрою... Чем богаты, тем и рады. Поздравите друг друга с Новым годом и — по домам.

— Ну, что ты говоришь, — чуть не плача восклицает дочь, — да меня же наши засмеют... Французы уже купили четырех индеек и пять поросят, вино из Кахетии привезли. Англичане побольше собирают. А чем мы, немцы, хуже них!

Наша дочь учится в институте иностранных языков, на немецком факультете. Она первокурсница и по-немецки едва ли знает десять слов, но уже окрестила себя немкой. А иначе, что общего имеют наши черноглазые парни и девушки с англичанами, французами и немцами.

— Посмотрите на этих кутил, — иронически смеется моя жена, — четыре индюшки, пять поросят... Ох, всыпать бы вам по одному месту.

Первый раз встречает наша дочь Новый год среди своих новых друзей — студентов. До сих пор мать из дому ее не отпускала. Обычно мы проводили предновогодний вечер у телевизора. К двенадцати часам моя жена наполняла бокалы сладкой наливкой и поздравляла нас с Новым годом. Теперь девочка стремится к самостоятельности. Птенцу захотелось на простор и свободу. Жену мою это раздражает. Не может она смириться с тем, что девчонки и мальчишки так широко встречают Новый год. Жену возмущают их барские замашки. А я в их спор не вмешиваюсь. Молча перелистываю газеты и журналы. Худо мне сегодня — нога беспокоит. Все кажется, что пятка правой ноги горит. А правой ноги у меня нет уже двадцать лет. Я хожу на протезе. Двадцать лет — не шутка, а я все не могу привыкнуть, что нет у меня ноги. Я уже почти не слышу, о чем они говорят там, на кухне, — моя жена и наша так быстро повзрослевшая дочь, потому что вдруг нахлынули на меня непрощенные воспоминания. «Новый год, Новый год!» — слышу я голос моей дочери. А тогда еще не было у меня дочери. Да, это было давно, давным-давно, двадцать лет тому назад, тридцать первого января сорок второго года.

В то утро я приехал из Баку. Три месяца лежал я там в госпитале. А до этого был истощенный вой пикирующего «Юнкерса» и грохот взрыва. Как оторвало мне ногу в том последнем моем бою — не помню. Боль была потом, ужасная, нечеловеческая боль.

И вот я стою на перроне Тбилисского вокзала, опираясь на костыли. Отвоевался солдат. Ходить тяжело и стоять тяжело. Одно мучение.

Чемодан мой вынес из вагона проводник, поставил его на перрон, извинился и пошел по своим делам.

Дул холодный ветер. Я поднял воротник шинели и наскреб в пустом кармане щепотку махорки. На одну закрутку. Спичек у меня нет, ну да ладно, у кого-нибудь прикурю, не в лесу ведь, в родном городе. Да, это верно, Тбилиси мой родной город, только никто меня здесь не ждет. Отец на фронте.

Последнее письмо от него я получил шесть месяцев тому назад. Мать у меня давно умерла. Есть у меня на улице Петриашвили маленькая комната, пустая и холодная. Ну что ж, и это неплохо.

Я поднял чемодан и уронил костыль. Долго мучился, пока поднял его, и с горечью сообразил, что сам и шагу не сделаю. Не научился еще.

— Вы одни? — слышалось сзади.

Я повернул голову. Около меня стояла девушка в шинели. Она была обута в грубые, не по мерке, кирзовые сапоги, и ушанка на ней была большая, не по мерке. По самые брови надвинута. А из-под бровей глядят на меня глаза, карие, светлые.

— У вас спичек не будет? — вместо ответа спросил я.

— Нет, — ответила девушка. — Вас должны были встретить?

— Никто не ожидает меня. — пробормотал я.

— Вы далеко живете?

— На улице Петриашвили.

— Не знаю, — сказала она. — Ничего я здесь не знаю. Я первый раз в Тбилиси. Далеко отсюда улица Петриашвили?

— Так себе...

— Пойдемте. Я помогу, — сказала она и взяла мой чемодан. — Хоть до остановки трамвая донесу.

— Оставьте, — запротестовал я. — Неудобно вас беспокоить.

— Какое же это беспокойство.

Я никуда не спешу. Поезд мой отходит завтра утром.

— Далеко едете?

— Туда...

— На фронт?

— Ага. Где остановка трамвая?

— Вот там... — показал я.

Девушке трудно было нести чемодан. Но она и виду не показывала, даже поддержала меня, когда мы спускались по лестнице.

— Спасибо! — сказал я девушке. — Тут уж я как-нибудь сам.

— Я подожду, посажу вас в трамвай. Мне спешить некуда.

У остановки собралось много людей. Все смотрели на нас. Железнодорожник с седыми усами спросил меня:

— Давно с фронта, парень?

— Три месяца тому назад меня ранили.

— Где воевал?

Я ответил.

— Куда держишь путь? — спросил железнодорожник.

— На Петриашвили.

— Трамвай не дождетесь... Они теперь как дохлые ходят.

На привокзальную площадь въехала грузовая автомашина. Когда она приблизилась, железнодорожник преградил ей путь.

Шофер затормозил машину.

— Куда ты едешь?

— Какое твое дело, — сердито ответил шофер. — Тоже мне начальник!

— По Петриашвили не поедешь?

— Что у тебя, голова болит? Не видишь разве, что военная машина. На номер посмотри, читать умеешь?

— Парень, почему сердиться, — ласково сказал железнодорожник и тихо, чтобы я не услышал, добавил: — С фронта одноногий приехал, на Петриашвили живет. А трамвай не видно.

— А ну-ка, покажи.

Железнодорожник указал на меня.

— Ох, мамочка родная! — вздохнул шофер и обратился ко мне. — Садись, браток! Девушка с тобой?

— Они вместе, — ответил за меня железнодорожник.

— Давайте! Как-нибудь обоих втисну в кабину.

Девушка замешкалась, но ей не дали опомниться. Сначала устроили меня, девушку посадили рядом и на ее колени положили чемодан.

Шофер тронул машину.

На перекрестке регулировщик — женщина-милиционер. Заметив еще издали, что нас трое в кабине, она приложила к губам свисток, но разглядев наши военные шинели, только погрозила шоферу пальцем.

— Ну и времячко настало! — подмигнул мне шофер. — До войны за такое нарушение отобрали бы права. А сейчас барышня-милиционер только пальчиком мне грозит. Испугала, аж колени дрожат.

В кабине было тесно. Спутница наша молчала, я тоже, а шоферу хотелось поговорить.

— Как там идут дела? Крепко бьете гадов? — спросил он.

— Стараемся! — ответил я и не узнал своего голоса.

— Скоро, наверно, и я махну на фронт. Узнают фашисты мою руку. Ты сколько укокошил?

Я усмехнулся. Наверно, шофер думает, что на фронте фашисты расставлены, как мишени на стрельбище.

— Мой лейтенант, наверно, сейчас на часы смотрит. — Шофер вздохнул. — Влепит за опоздание пару суток, как пить дать. Ну, вот твоя улица! В каком номере живете?

— Вон, у той калитки останови! — показал я.

Сперва спрыгнула девушка, поставила на землю чемодан, поддержала меня за плечи, помогла спуститься.

— Спасибо! — сказал я шоферу и полез в карман.

— Ты что! За кого меня принимаешь! — обиделся шофер.

Я протянул ему руку, он крепко тряхнул ее и лукаво подмигнул мне. — А подружка у тебя хороша, браток. Что надо!

Он прихлопнул дверцу, крикнул:

— Ну, будьте здоровы! — и умчался на своей автомашине.

Мы остановились у калитки.

— Заходите! — предложил я.
— Спасибо, я пойду! — не глядя на меня, ответила девушка.

— Здесь я хозяин. Не обижайте меня!

— Нет, что вы, — смущенно пробормотала девушка. — Я так далеко ушла от вокзала, а город незнакомый.

— А вам спешить некуда. Поезд ваш уходит утром, — напомнил я. — Посидите немного, погрейтесь, потом я провожу вас.

Домик наш одноэтажный, маленький, всего на две семьи. Мой отец и я занимали одну комнату, остальные две — соседи. Ключи перед уходом на фронт мы оставили у них.

Я постучался к соседям. Никакого ответа. «Нет их дома, что ли», — подумал я и нажал плечом на дверь. Заперто. Вдруг открылись двери моей комнаты, и оттуда вышла молодая, красивая женщина. От неожиданности я растерялся.

— Кого хотите? — спросила она.

— Извините... мы ищем Мурусидзе...

— Мурусидзе? Мурусидзе здесь не живет. Может, адрес спутали.

— Нет, — ответил я, — не спутал.

— Заходите к нам, — приветливо предложила женщина. — Отдохните. Может быть, мама знает.

Зашли.

Почти ничего не изменилось в моей комнате. Стол, две кровати. Как стояли, так и стоят. Над столом моя фотокарточка. Давняя. Фотографировался в день окончания школы. У плиты сидела старушка, за столом — мальчик лет десяти готовил уроки.

— Кто вы? — спросила старушка.

— Какого-то Мурусидзе ищут, — ответила молодая женщина.

Увидев безногого, старушка засуетилась, она велела мальчику встать, предложила мне единственный стул, а девушку посадила на кровать.

— Как же ты не помнишь Мурусидзе, — рассердилась на молодую старушка. — Когда нас сюда все-

лили, в тот же месяц перешли они в Ваке. Там у них теперь свой дом.

— Адреса их не знаете?

— Адрес они оставили. Вот только куда я его... — Старушка сморщила и без того морщинистый лоб. — Вспомнила, слава богу. — Она повернула мою фотокарточку и вытащила оттуда клочок бумаги. Подошла к окошку.

— Кобулетская улица, номер пятнадцать.

Девушка встала, посмотрела на мою фотокарточку, потом перевела взгляд на меня.

— Это вы?

Я ничего не ответил. Что я мог ей сказать? Между тем мальчиком на фотографии и мною пролегла война. Непроходимая пропасть. Какими словами об этом можно сказать? Нет таких слов.

Старушка долго смотрела на меня.

— Ох, убей меня бог, — воскликнула старушка, — оказывается, ты пришел в свой дом, а мы еще спрашиваем, кто ты.

Молодая хозяйка растерялась.

— Во всем ты виновата, — набросилась старушка на молодую женщину. — Ну, безголовая у меня невестка... Извини, сынок, в твою комнату мы не силой вошли. Горсовет временно нас сюда вселил. Все твои вещи сберегли. До ниточки. Пока как-нибудь вместе устроимся. А завтра я в горсовет пойду. Переселят нас, как же иначе.

— Что вы, мать, — сказал я. — Не беспокойтесь.

— Твоя жена? — спросила старушка, кивнув на девушку.

Девушка покраснела.

— Нет, — растерялся я. — Она завтра на фронт едет.

— Ты, милая, на фронт! Ох... — Старушка обняла девушку и потом обратилась ко мне. — Насовсем приехал?

Я криво усмехнулся. Старушка прикусила губу.

— Прости, сынок, не напрасно говорит моя невестка, что я давно из ума выжила...

— Мама!

— И она, бедняга, не виновата.

День и ночь на заводе. Сегодня воскресенье, потому и дома. Трудно ей без мужа.

Молодая женщина опустила голову, покраснела и от этого стала еще красивее.

— Завтра Новый год, а чем мы его встречаем, — с горечью говорила старушка. — Еще ночью поставила я на плитку американское лобно, бобы по-ихнему, чтоб они... Семь раз доливала воды, никак не сварятся. — Старушка подошла к невестке, что-то шепнула ей.

— Хлеб... — услышал я.

— Не беспокойтесь, — догадался я и открыл свой чемодан. Неотрывно смотрели они, как я выкладывал на стол колбасу, консервы, черный хлеб — выданный мне в госпитале сухой паек.

У мальчика глаза расширились. Я видел, как он судорожно проглотил слюну.

Девушка достала из кармана сало и хлеб. У нее оказался также кусок сахара.

— Пожалуйста, кушайте, — пригласил я.

— Что вы!.. — пробормотала старушка. — Это же ваш паек. Если вот немножко мальчику дадите.

— Ну, конечно, — сказала девушка. — И мальчику, и вам. Мы все вместе поедим.

Стол пододвинули к кровати. Мальчик жадно ел. Женщины ели стеснительно и все же не могли скрыть удовольствия. Видно, давно уже не было у них столько вкусной еды.

— Жаль, выпить нечего. — Старушка вздохнула. — Даже вода не всегда идет.

— Мама, а то, что для Шалико спрятали, — шепотом и почему-то снова краснея сказала молодая.

— Правда, — обрадовалась старушка, — принеси.

Женщина встала.

— Мой сын в Батуми, у границы стоит. Недавно написал, что их скоро на фронт отправят. Наверно, через Тбилиси поедут. Как думаешь, домой его не отпустят? Нам бы только обнять его...

— Наверно, отпустят, — сказал я.

— Хотя бы таким вернулся, как ты. Большого у бога не прошу.

Молодая принесла бутылку. Водки в ней было немного, пожалуй, не больше стакана.

— Ты выпей, сынок. Как раз туг мужская порция, — обратилась ко мне старушка. — А перед подругой твоей извиняемся.

— Ничего, разделим на всех.

— Овчинка выделки не стоит.

Молодая хозяйка вместо стакана поставила баночку. Я налил себе немного.

— Будьте здоровы! — сказал я и выпил.

Потом налил старушке. Старушка отодвинула банку к девушке. Та не хотела пить. Старушка настаивала: «теплее станет» и даже заклинала отцом и матерью. Девушка выпила.

— Остальное тебе, сынок, — сказала мне старушка, опорожняющая бутылку.

— Нет, — отказался я, — оставьте для сына.

— Хоть бы Новый год принес нам счастье, — пожелала старушка.

Встали. Девушка взялась за чемодан.

— Оставьте его здесь, — сказала старушка. — Да и вы оставайтесь. Куда же вы пойдете. Ну так хоть вечером приходите, у нас переночуете. В тесноте, да не в обиде.

Чемодан я оставил.

Темные, низкие тучи обложили небо. Ветер утих, но все-таки было очень холодно.

— Я пойду, вы оставайтесь тут, — сказала девушка.

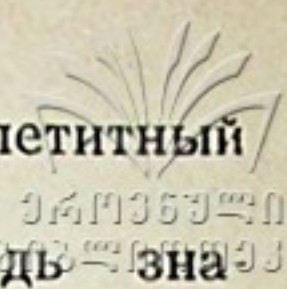
— Нет, вместе пойдём. Город для вас чужой, ничего вы здесь не знаете.

Девушка засмеялась.

— Потеряюсь, что ли?

— Всякое бывает, — сказал я. — Давайте пойдём к моим старым соседям. Может быть, они знают что-нибудь об отце. Кобулетская, 15.

— Далеко?

— Нет, близко.

— Ну что ж, пойдём. Трудно вам ходить?

— К костылям пока ещё не привык.

— Ничего. Кончится война, сделаете хороший протез, совсем не будет заметно.

— Эх... — Я махнул рукой. — Протез! Какое это житье...

— Не обижайся на бога! — сказала она, сама не заметив, как перешла на «ты». — Ты счастлив... А сколько таких, которым ни костылей, ни протезов уже не нужно.

Когда мы подошли к зданию университета, я вздрогнул: наше белое, чистое здание университета было покрашено черной краской и, как женщина в трауре, смотрело на пустую улицу.

Около университета мы повернули налево и поднялись по Кобулетской улице. Вот и пятнадцатый номер.

Долго стучали в железную калитку. Наконец нам открыли. Зашли во двор.

— Кого хотите? — недоброжелательно оглядев нас, спросила румяная девушка.

— Ивана Мурусидзе.

— Дома, заходите!

— Кто спрашивает? — Из окна высунул голову дядя Иван. Он потолстел, щеки у него вздулись.

— К вам!

Мы поднялись по лестнице. Иван встретил нас в коридоре.

— Слушаю! — холодно обратился он к нам. В комнаты не пригласил. Не узнал.

— Дядя Иван, это я, Нодари.

В коридор вышла жена Ивана, Маринэ. Она тотчас же узнала меня. Я видел, что она обрадовалась мне, но перед мужем не посмела показать этого.

— Не узнал? — обратилась она к Ивану. — Это наш бывший сосед, Нодари.

— Здравствуй! — Иван подал мне руку. — Вернулся?

— Как видите.

Рядом с коридором, видимо, была кухня. Там что-то жарилось и ши-

пело. Ноздри щекотал аппетитный запах.

— О моем отце что-нибудь знаете? — спросил я.

— Ничего, — ответил Иван. — Мы уже год, как сюда переехали.

— Извините, я думал, что-нибудь новое скажете. Поэтому и побеспокоил.

Девушка глазами показала: «пойдем».

— Ну что ж, прощайте, — сказал я и повернулся.

— Можно ли вас так отпустить, — неискренне извинился Иван. — Ведь завтра Новый год. Но знаете же, война... Во всем нужда. На душу дают четыреста граммов хлеба, не хватает.

— Нам ничего от вас не надо. — пробормотал я.

— Этот дом доконал меня. В долгах, как в шелках.

— До свидания, — сказал я и спустился по лестнице.

— До встречи, — сказал Иван. — Я как-нибудь зайду к тебе. — Но так сказал, что даже ребенок понял бы: он и не подумает зайти. Просто обрадовался, что мы так быстро уходим.

Маринэ проводила нас. Когда вышли мы на улицу, оглянулась и, убедившись, что мужа не видно, тепло шепнула:

— Мужайся, сынок!

— Спасибо, тетя Маринэ.

Она всхлипнула, торопливо обняла меня правой рукой, а левой что-то сунула мне в карман шинели. Зашуршали бумажки.

— Тетя Маринэ...

— Прости, дорогой, что так. Но сам знаешь — в доме я не хозяйка.

— Что вы, тетя Маринэ!

Я ничего не успел предпринять. Едва сдерживая рыдания, Маринэ скрылась во дворе и захлопнула за собой железную калитку.

Я держал сторублевки в руке и не знал, что с ними делать.

— Бери, — посоветовала девушка, — это от доброго сердца подарено.

— Знаю, что от доброго серд-

ца, — сказал я. — Но деньги я верну. Постучи, пожалуйста, в калитку.

— Не надо сейчас, — сказала девушка, — попадет ей от мужа. Он, видать, скотина, каких мало. Лучше завтра.

— Ладно, — согласился я. — А сейчас я покажу тебе проспект Руставели.

— Можешь ходить?

— Посмотрим.

Вечерело. Трудно мне было на костылях. Девушка шла медленным шагом за мной.

Пока дошли до памятника Руставели, совсем стемнело.

— Отсюда начинается проспект Руставели.

Ничего не было видно. Ни один фонарь не горел. Всегда полный людьми проспект был пуст. Окна домов затемнены. Светомаскировка.

— Здесь театр оперы и балета, — объяснял я попутчице. — А вон на той стороне магазин Лагидзевских шипучих вод. Здесь театр имени Руставели.

У входа в концертный зал молчаливая очередь.

— Что здесь такое? — спросил я.

— Новогодний концерт, — ответили мне. — Участвуют мастера искусства.

— Зайдем, — предложил я девушке.

— Неудобно, — сказала она. — Я так одета.

— Что ты, — возразил я. — На тебе прекрасное платье, самое прекрасное для нашего времени.

Она вздохнула.

— Женщины так насмешливы.

— Не бойся, — сказал я. — Многие позавидуют тебе.

Я взял билеты. Мы сдали шинели на вешалку и поднялись по лестнице в большой ярко освещенный зал.

После темноты яркий свет ослеплял глаза. Ласковым, давно не испытанным теплом дохнуло на меня.

Зал был полон. Я осмотрелся. У всех штатских мужчин верхний карман пиджака на правой стороне был зашит.

— Новая мода, что ли? — удивился я вслух.

Девушка засмеялась.

— Эта мода по нужде. Не видишь — у них перелицованы пиджаки.

И женщины не выделялись нарядами.

Я взял руку девушки и легко сжал ее пальцы.

Она ответила мне молчаливой лаской.

Концерт начался. Никогда я не видел вместе так много светил нашего театрального искусства: Книппер-Чехова и Москвин, Тарханов и Качалов, Хорава и Климов, Верико Анджапаридзе и Пашенная.

Особенно пленил нас Качалов: какой голос, какая игра! Сперва Качалов один представил сцену из «Царя Феодора Иоанновича». Разговор Феодора, Годунова и Шуйского. Три таких разных, непохожих человека, а Качалов один.

Какое несравненное мастерство!

Потом вместе с Верико Анджапаридзе Качалов показал отрывок из «Гамлета». В конце он прочел басню Алексея Толстого «Свинья художница». По залу волнами перекачивался смех.

Качалову долго не давали уйти со сцены. То и дело поправляя песню, он стоял у самой ramпы, ожидая, пока стихнут аплодисменты, затем он начал читать стихотворение Пушкина, и, когда произнес последние строки: «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!», зал на минутку затих. Мы почувствовали, нет, не только почувствовали, мы все увидели, как рассеялись над нашей родиной черные тучи и как засветило животворящее солнце, солнце победы, радости и счастья.

У девушки на глазах показались слезы, она прижалась плечом к моему плечу. Я наклонился и поцеловал ее каштановые волосы. Она подняла на меня свои светлые глаза и долго упорно смотрела. Потом, как будто освобождаясь от дум, покачала головой и выпрямилась.

Концерт кончился в одиннадцать часов.

Мы вышли на улицу.

Пока мы сидели на концерте, вы-

пал снег, улица побелела, и от этого ночь не казалась уже такой беспрочно темной.

— Сейчас куда? — спросил я.

— Провожу тебя до дому, а потом на вокзал.

— На Петриашвили не пойду, — сказал я, — трое там в маленькой комнате, зачем стеснять их.

— И я не хочу, чтобы ты туда пошел, — сказала она шепотом.

Я засмеялся.

— Чего ты смеешься, — обиделась она. — Если хочешь, иди!

— Пройдемся лучше.

— Пройдемся, — согласилась она. — Но тебе же трудно ходить по снегу.

— Ничего... В театре я хорошо отдохнул и должен же я привыкнуть к костылям. А ты не устала?

— Нет... Может быть, я в последний раз вижу Тбилиси.

— Почему в последний?

Девушка горько засмеялась.

— Не в санаторий же еду. Война!

Костыли скользили по снегу... Лишь бы девушка не заметила, как мне трудно с ними управляться.

Когда мы вышли на площадь, часы на башне Тбилсовета ударили двенадцать раз.

— Новый год! — вскрикнула девушка. — Поздравляю тебя с Новым годом!

Она повернулась ко мне, поцеловала.

Мы обогнули площадь и вновь очутились на проспекте Руставели.

Около оперного театра нас остановили патрульные. Их было двое. Один пожилой, уже седоусый, другой молодой, совсем еще юнец с виду. Карманными фонарями они осветили наши лица.

— Ваши пропуска! — строго потребовал молодой.

Мы растерялись.

— Ну что же вы! Ваши пропуска! — повторил патрульный.

— Мы только сегодня приехали, — ответила девушка. — Он из госпиталя, а я завтра на фронт еду.

— Документы!

Мы показали. Молодой долго

просматривал наши документы, потом передал товарищу.

— Отведем в комендатуру? — спросил молодой.

— Документы в порядке. Пусть идут...

— Без пропусков все-таки. Нарушение.

— Куда идете? — спросил пожилой.

— Мы... Мы...

— На улицу Петриашвили, — сказал я.

— Далековато, без пропуска не дойдете. На каждом углу патрули стоят. Ну, да ладно. Мы вас отпустим. Но если натолкнетесь на капитана, не дай бог. Он верхом ездит. Остерегайтесь. Строгий он у нас.

— Приютитесь где-нибудь, — посоветовал молодой.

— Где? — Мне и самому не понравился такой глупый вопрос.

— Ваше дело. Найдете, — рассмеялся молодой.

Нам вернули документы.

— Спасибо, — поблагодарила девушка и вдруг рассмеялась. Тихо, почти беззвучно.

— Что ты? — спросил пожилой патрульный.

— Чуть не забыла, — уже без смеха сказала девушка, — с Новым годом, товарищи! Желаю вам...

— И вам желаю, — сказал пожилой. Патрульный не сказал, чего он нам желает, и так было ясно, что могут пожелать друг другу в эту новогоднюю ночь люди, которых грозное и тяжкое время одело в серые солдатские шинели.

Патрульные удалились.

— Что нам теперь делать? — спросила девушка.

— Зайдем в какой-нибудь подъезд, — сказал я.

— Ну, что ж, другого выхода нет... — согласилась девушка.

Послышался цокот конских подков.

— Это, наверно, строгий капитан. Мы быстро пересекли проспект. Когда я ступил на тротуар, костыли поскользнулись. Я упал.

Девушка помогла мне встать.

«Скорей, скорей!..»

Цокот подков приближался.

Мы бросились в первый же подъезд. Вошли и прикрыли за собой двери. Стало совсем темно.

— Сюда иди, — шепотом позвала меня девушка. — Здесь ступеньки, сядем.

— Где?

— Подожди!

Девушка подошла, взяла меня за руки.

— Здесь. Садись.

Я сел. Она отпустила мою руку и села где-то в стороне.

— Где ты? — спросил я и руками пошарил в темноте. — Садись поближе.

Девушка приблизилась. Села рядом. Я взял ее руки, они были холодные как лед.

— Ты озябла?

— Да...

Мы сидели молча, тесно прижавшись друг к другу. Слышно было только наше частое дыхание. Мы никак не могли привыкнуть к темноте.

Девушка прижалась ко мне.

— Странно, — приглушенным голосом сказала девушка. — Как все это случилось. Я же только хотела тебя до трамвая проводить. По неволе проводила домой... И потом этот концерт. И вот мы с тобой где-то в чужом подъезде... Почему...

— Свой свободный день потеряла ради инвалида!..

— Хочешь меня обидеть?! Дай бог, останусь живой, тогда я тебе покажу, какой ты инвалид!.. Только бы живой мне остаться!

— Боишься смерти?

— Тебе что, ты уже победил смерть.

— Я остался инвалидом.

— Не представляй себя жалким.

— Тогда скажи прямо, — голос у меня задрожал, — вот ты такая хорошая, такая красивая девушка... Если бы в жизни встретила такого, как я... — я умолк. Испугался. Нелегко, наверное, отвечать на такой вопрос. Но и задать его мне было нелегко.

— Говори!

— Полюбила бы?

Она не отвечала, только прильнула губами к моим губам.

— Скажи, как тебя зовут?

— Для чего, — возразила она. Если останусь живой, найду тебя. Если нет... — Я почувствовал, как ее горячие слезы обожгли мои щеки.

— Будешь меня ждать?

— Буду, долго, всегда... — обещал я. — Ох, закурить бы мне сейчас. — Я вывернул карманы.

— Что ты ищешь?

— Махорку.

— Потерпи, милый! Лучше расскажи мне что-нибудь.

— Что рассказать?

— Расскажи о первой своей любви!

— Первая любовь!.. — Я поцеловал ее в губы. — Вот моя первая любовь.

— Не смейся надо мной.

— Не смеюсь.

— И не обманываешь?

— Нет.

— Поклянись.

— Клянусь!

— И с девушкой не целовался?

— Поцелуй это еще не любовь.

— Меня же целуешь.

— Это совсем другое.

— Правда, любишь? Наверное, думаешь, что встретился с ветреной девушкой.

— Да, — смеясь сказал я, — ты моя ветреная девушка.

— Сколько еще до утра? — вдруг спросила она.

— Спешешь?

— Нет, устала...

— Приляг, отдохни.

Она легла на ступеньки и положила голову на мои колени.

— Знаешь, твой Тбилиси казался мне каким-то молчаливым, грустным.

— Война...

— А я представляла его кипучим, веселым городом.

— Таким он и был. Я и сам сейчас не узнаю Тбилиси.

— Окончится война, все на земле будет хорошо. Наверно, меня как

фронтвичку без конкурса примут в медицинский институт. Я так мечтаю стать врачом.

— Наверно! — ответил я.

— И я буду лечить только больных, не будет раненых.

— Это почему?

— Не будет же войны?

— Но раненые все-таки будут. Мало ли что бывает в жизни. Драка, поножовщина.

— Нет, — твердо сказала девушка, — после войны все люди хорошими станут.

— Ты милая моя! — Я ласково погладил ее по голове.

— Вот увидишь, так и будет.

— Так и будет! — ответил я тихо.

— Ох, как хочется дождаться победы.

— Увидим, — сказал я, — обязательно увидим! Ты спать не хочешь?

— Не знаю, — ответила она. — Расскажи мне сказку, милый.

— В некотором царстве, — начал я, — в некотором государстве жила-была одна красивая, хорошая, милая девушка...

Голова у нее отяжелела. Через некоторое время ее частое дыхание перешло на ровное. Я прикрыл ее своей шинелью.

Когда стало рассветать, я осторожно разбудил девушку.

Она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Посмотрела на меня, затем на часы.

— Через два часа отходит мой поезд.

Я подал ей руку.

Наверху кто-то открыл двери и стал спускаться по лестнице.

— Пошли, — сказала она, — проводишь?

— Конечно!

Вышли на улицу. Вчерашнего снега уже не было. В Тбилиси снег держится недолго.

Мы пришли на вокзал к началу посадки. Постояли перед вагоном. Она долго, молча смотрела на меня.

— Что, — пошутил я, — боишься, что не запомнишь моего лица?

— Глупый! — пробормотала она. — Глупый!..

До отхода поезда осталось пять минут.

— Хоть сейчас скажи, как тебя зовут?

— Для чего... Если вернусь, найду тебя.

— Найдешь?

— Обязательно найду. Будешь ждать?

— Буду, родная, буду.

Поезд тронулся. Девушка прыгнула в вагон.

...Моя жена и дочь все еще спорят на кухне. Жена готовится к Новому году. Внезапно спор прекратился и послышался счастливый смех нашей девочки. Размахивая десятирублевкой, она вбежала в комнату.

— Вот и празднуем! Мама ворчала, ворчала, но все-таки дала. О чем задумался, папа?

— Так.

— Все-таки.

— Вспомнил, как встречал сорок второй год.

— Ох, какая древняя старина. Меня еще не было тогда на белом свете. А ты хорошо встретил Новый год?

— Я не один его встретил. Мы встречали его вдвоем с одной славной девушкой.

— Романтическая история? Расскажи.

Хочу рассказать нашей дочурке про ту новогоднюю ночь, но воздерживаюсь, потому что девушка с карими глазами не ее мать. Не смогла та девушка сдержать свое слово: не нашла меня. Беспощадная большая война поглотила ее молодость, ее первую не распустившуюся любовь.

— Расскажи, — умоляет наша дочь.

— Эх, — махнул я рукой. — Так и быть расскажу... В некотором царстве, в некотором государстве жила-была...

Лия СТУРУА

ДВА ГЛАЗА — ДВЕ ТОЧКИ

Перевод с грузинского Ю. Морци

Я люблю, когда на земле,
Посреди проезжей дороги,
У подножья высоких домов
Дети рисуют людей.
Эти люди все время смеются
И совсем не боятся машин.
Два глаза — две точки
И рот — до ушей.
Ведь именно, именно так
Изображают дети
Любимых своих человечков.
Дети самоотверженны,

Они рисуют людей
И дают им одновременно
Прекрасные нежные имена.
Два глаза — две точки
И рот — до ушей.
И прямо на серой земле,
Посреди проезжей дороги,
У подножья высоких домов
Плашмя лежат человечки.
Это дети живут и рисуют мечту.
Два глаза — две точки
И рот — до ушей.

Таризл ЧАНТУРИЯ

КОС ТВОИХ МГЛА

Перевод с грузинского Г. Плисецкого

Нагревается за день река
и становится ночью теплее.
И рука твоя — тоже,
рука,
в темноте мне обвившая шею.
Ночь идет, еле ноги свои волоча.
С ветки падает дикая груша.
Бормотанье ручья
и листвы засыпающей
слушай!
Ты тепла, как река.
Ты пылающий полдень вобрала.

Ты надежно-зыбка,
как понтонная переправа.
Приближается кос твоих мгла,
над сиянием лба заплетенных.
Ты смирна и слаба,
как голодный ручной олененок.
И качает понтон.
И слегка
в синем свете дрожит Имерети.
Кто-то нас окликает?
Река!
И теплы твои руки, как реки...

Виктория ПОПОВА

КОГДА Я ДУМАЮ О МИРЕ...

Когда я думаю о мире,
Я — те стихи, что сочинили,
Но не читали, не успели:
Они с поэтом вместе пали.
Я — песни те, что не допели,

Фиалки те, что не сорвали.
Я — крик и ненависть, и сила
Живых, закопанных в могилы.
И я кулак, сурово сжавший
Повестку о геройски павшем.
Рожденная войной,
Я — митинг против нее,
Я думаю о мире. Моя сила
В том, что я не забыла, не простила.

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Еще не взрослый, уже не мальчишка,
Жизнь свою человек начинает.
Еще недавно, сидя за партой,
Он вырезал гордое слово «Куба».
Теперь — по-взрослому смотрит на карту,
Сжимая тревожно упрямые губы.
Человеку восемнадцатый лишь идет,
Но Землю — захочет — удержит в ладони.
Для него сейчас только слово — вперед,
И нет для него запретной зоны.
Эй, человек! Я тоже иду.
Такая же сильная, как и ты.
Нам написано на роду
Идти улицами мечты.
Если хочешь, пойдем рядом.
Крепость ног испробую своих.
Слышишь, жизнь, нам иного не надо —
Нам бы трудностей на двоих.
Нас планета с тобою недаром ждала.
Мы протянем над нею мечты — провода,
В грунт упрямый вдавим следы — дела.
Завидуйте — молодость только одна.
Вступать с нею в жизнь так хорошо,
К жизни жажды нашей не вычерпать до дна
Даже Медведицы звёздным ковшом.

Тоги ЧАРКВИАНИ

СТРЕМЛЕНИЕ

Перевод с грузинского Ю. Мориц

А дерево сияло на окраине зеленой,
Оно махало весело машине запыленной,
Синему небу — синему глобусу,
Красной машине — красному автобусу.
А дерево хотело попутного ветра
До самого города, до самого центра.
Не то чтоб надоели трава и кусты,
Просто захотелось городской красоты.
А дерево просило: «Пустите, пустите!
Хотя бы вот столько по мне погрузите.
Я хочу увидеть только, единственно,
Этот город, построенный так таинственно».

— Скорее, скорее закройте сквер!
Наше лучшее дерево сошло с ума! —
Кричали кусты и тянули вверх
Ветки рыжие, как хурма.
Мы толще тебя, но сквер велик,
И в нем достаточно места.
Ты просто сходишь с ума, старик.
И они кричали: «Ни с места!»
А дерево сияло на окраине зеленой,
Оно махало весело машине запыленной,
Синему небу — синему глобусу,
Красной машине — красному автобусу.

Соломон ДЕМУРХАНАШВИЛИ

В поезде

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Ж. Чочиевой

К полудню снегопад прекратился. Небо прояснилось, но мороз усилился. На перроне было безлюдно. Мераб поднял воротник пальто и, прислонившись спиной к ограде, стал закуривать. Ветер задул огонек спички. Он достал из коробка вторую и подумал: «Если погаснет и эта, с мамой что-то случилось». Прикрыв рукой огонек, прикурил, затянулся и с облегчением подумал: «Нет, конечно, я зря волнуюсь». Потом вытащил из нагрудного кармана телеграмму и уже в который раз прочел: «Срочно выезжай».

За этими двумя словами могло скрываться что угодно — и дурное, и хорошее. Но, конечно, первым делом в голову лезло самое страшное, то, чего он боялся больше всего: «А если что-нибудь с мамой?.. Застану ли я ее в живых?.. Нет, нет... лучше об этом не думать».

Его мать, маленькая, хрупкая женщина, когда-то в молодости, работая в винограднике, подняла тя-

желый камень и, видимо, надорвалась. С тех пор она и болеет. Врачи говорят — опущение желудка. Но она никогда не жаловалась, и только когда ставила на огонь воду для прелки, дети догадывались, что ей нехорошо. Они рано лишились отца, и всю тяжесть семьи несла на себе мать.

«Кажется, дунешь — упадет, а какая сила в этой маленькой, больной женщине», — не переставали удивляться соседи. Мераб и сейчас испытывал к матери такую же почти-тельную любовь, как тогда, в далеком детстве. Детство... Да, многое изменилось в его жизни с тех пор.

Вот уже третий год, как приехал он в Чиатура — маленький городок, словно зажатый обступившими его горами. В первые дни Мерабу здесь не нравилось, его все тянуло обратно в деревню. Но постепенно он обжился, привык и даже стал находить в этом городке какую-то своеобразную красоту. Особенно нра-

вился ему городок вечером: когда в домах, разбросанных по склонам гор, загорались огни, казалось, что целые полчища светлячков двинулись на притаившийся во тьме город, но вдруг застыли в изумлении...

Все это время матери не было с ним, она оставалась в деревне. Но мысль, что она живет где-то недалеко и думает о нем, согревала Мераба. Представить себе жизнь без матери он не мог. Без нее, наверное, он будет чувствовать себя маленьким ребенком, заблудившимся на улицах большого города...

Мороз все усиливался, ноги одеревенели, но Мерабу не хотелось идти в зал ожидания. Сидящие в зале действовали ему на нервы. «Конечно, им всем наплевать на мое горе. Люди черствы и равнодушны», — думал он, но все же пошел к двери.

В помещении было тепло, снег быстро таял на его сапогах, оставляя мокрые следы.

В зале стоял глухой гул.

«Сидят. Никто не подумает, что и другому хочется отдохнуть».

Будто угадав его мысли, кто-то встал. Мераб поспешил занять освободившееся место.

Ему все еще было холодно, и он сидел, уткнувшись носом в воротник пальто. Немного отогревшись, взглянул на часы: до прибытия поезда оставалось еще полчаса. Он стал рассматривать соседей. Напротив него сидела пожилая толстая женщина, рядом с ней — молодая, очень похожая на нее лицом, с ребенком на руках, и мужчина.

«Это муж и жена, — подумал Мераб. — Жена красивее него... И он недурен, но она все-таки лучше». Молодая женщина действительно была хороша. И особенно красили ее большие задумчивые глаза. У парня лицо было бледное, тонкое.

Молодая женщина ласково посмотрела на Мераба. «Наверное, с мамой ничего не случилось... У меня сейчас нет никаких тревожных предчувствий... А может, именно отсутствие их и есть дурной знак?..

Вдруг ее уже нет в живых?..» — с ужасом подумал Мераб. Он встал, нервно прошелся по залу, подошел к окну. Холодное заходящее солнце выглянуло из-за туч, бросая на снег зловещий красный отсвет.

Вдруг пассажиры засуетились и потянулись на перрон. Мераб поплелся за ними. На крышах вагонов лежал снег. Мераб влез в одиннадцатый вагон. Там было тепло, но неприятно пахло дымом. Он отыскал свое купе. Здесь уже обосновалась толстуха со своим семейством и еще какая-то седая женщина. «Нужно же было попасть именно в это купе», — подумал он с досадой. Хотя не все ли равно? Не снимая пальто, Мераб опустился на свободное место.

Поезд тронулся. Монотонно застучали колеса.

— Как клонит ко сну, — сказала толстуха.

— Ну и спи, — ответил зять.

— Что ты! Чтоб я уснула среди бела дня? — возмутилась женщина. Помолчав немного, она обратилась к Мерабу.

— А вы где сходите?

— В Риони.

Больше никто ничего не сказал, но у Мераба потеплело на душе. Он почувствовал себя с этими людьми как-то по-домашнему, и ему захотелось тут же рассказать им о телеграмме и своих опасениях.

Борясь с этим желанием, Мераб поднялся, некоторое время рассеянно смотрел в окно, затем, тяжело вздохнув, снова сел и прикрыл глаза рукой. Ссутулившись, долго сидел молча.

Толстая женщина с участием смотрела на него, потом, переглянувшись с зятем, спросила:

— Вы откуда?

— Из Маяковски.

— Вы, случайно, не в Чиатура работаете? — спросил теперь зять.

— Да.

— На шахте?

Мераб утвердительно кивнул.

— Да. На Ленинской.

— Знаете Чикваидзе?

— Серго? Конечно, он же наш мастер... А вы откуда его знаете?

— Я три года с ним работал.

Снова наступило молчание.

— Ужасно ездить в такую погоду, — проговорила пожилая женщина, недовольно морщась.

— Что поделаешь, — отозвался Мераб. И вдруг он решил все рассказать этим людям. — Из дому получил телеграмму, срочно вызывают, боюсь, вдруг с мамой что-нибудь...

— А старенькая она у вас?

— Ей шестьдесят лет.

— Болеет?

— Да, у нее с желудком что-то...

— Желудок?! Ну, это ничего. Посмотрите-ка на меня, а ведь уже десять лет, как я болею.

— Но она у меня такая слабенькая.

— Нет, нет, вы зря беспокоитесь, уверяю вас! Здесь что-то другое. Избави господи, сынок, но если что случилось, прямо бы написали, к чему скрывать, ведь рано или поздно все равно узнаешь... Зря ты убиваешься! — Толстуха повернулась к зятю. — Помнишь, какую телеграмму мы тебе прислали?

— Да, здорово вы тогда меня напугали, — сказал, улыбаясь, парень. — Знаешь, — обратился он к Мерабу, — однажды и мне довелось получить такую телеграмму. Это было, когда я работал в Чиатура. Я поспешил домой. В дороге черт знает что не приходило в голову. И что же? Оказывается, вот эти две уважаемые особы нашли покупателя на дом (мы тогда продавали его), а он был оформлен на меня. Ну и вызвали меня срочной телеграммой... Да, заставили вы меня тогда поволноваться. — Парень все улыбался.

Невольно улыбнулся и Мераб. Парень достал портсигар.

— Закурим?

Мераб взял папиросу, чиркнул спичкой и дал ему прикурить.

— Уснул! — впервые заговорила молодая женщина, с любовью глядя на спящего малыша.

— Сколько ему? — спросил Мераб.

— Семь месяцев.

— О, уже взрослый мужчина!

Все заулыбались.

— Здесь ребенок, а мы курим! — спохватился Мераб и затушил свою папиросу.

— Курить вообще не следует, — наставительно сказала толстуха.

— Сколько раз пытался, но так и не смог бросить. Сейчас дал слово, если моя мама жива-здоровая, бросаю курить!

— Не беспокойся, жива твоя мама.

— Обязательно возьму ее к себе, ни за что не оставлю в деревне.

— Она живет одна?

— Да, совсем одна! Брат живет отдельно.

— Ну, конечно, нужно взять ее к себе. И квартиру вам дадут.

— Да, квартиру... Где мы сейчас? — Мераб выглянул в окно. — Скоро Риони!

Он встал, медленно застегнул пуговицы пальто и, распрощавшись со всеми, вышел.

Смеркалось. Далеко на холме виднелась деревня, в домах уже горели огни.

Мераб долго смотрел вслед удалявшемуся поезду, потом повернулся и тяжело зашагал по дороге. Им снова овладел страх, но рядом уже не было ни толстухи, ни ее словоохотливого зятя.

А. Т. СТУЧЕНКО,
генерал-полковник

Завидная наша судьба

В этом номере начинается печатание автобиографической книги генерал-полковника А. Т. Стученко «Завидная наша судьба». Автор ее прошел боевой путь от бойца и курсанта первых лет организации Советской Армии до одного из видных ее военачальников, командующего Закавказским военным округом. История жизни А. Т. Стученко представляет собой поучительный пример того, как росли и мужали ведущие командные кадры нашей Армии, овладевшие вершинами военной науки и прошедшие школу гражданской и Великой Отечественной войны. Этот пример особенно поучителен для молодого поколения нашей страны, которому и посвящает автор свою книгу.

І. ТАК МЫ ЗАКАЛЯЛИСЬ

ГЛАВА 1

Родина... Когда произносишь это слово или слышишь его из других уст, глубокое волнение охватывает тебя. А если слышишь это слово в песне, то от волнения какой-то комок подкатывается к горлу, самому хочется петь, хочется, чтобы каждый человек и ты сам были бы лучше, чище, вернее служил своей стране.

Когда думаешь о Родине, то почему-то перед глазами встают картины того города, где ты родился, той улицы, где ты жил, учился, работал, переживал радости и горе, где ты впервые сознательными глазами взглянул на окружающее и как-то по-иному оценил его. А позже, когда приходит зрелость и расширяются рамки твоего мышления, понимания, все равно это великое волнующее слово «Родина», из-за которого не задумываясь идешь на смерть, связываешь со своими родными местами. И если ты находишься вдали от них, то очень хочется, до боли хочется взглянуть на них еще и еще раз, даже и тогда, когда они взрастили тебя больше в горе, чем в радости.

Это чувство, видимо, знакомо всем. Оно не раз приводило и меня — до Великой Отечественной войны и после нее — в один из чудесных уголков нашей великой Родины — Киев. Смотришь на это чудо и думаешь: какое

счастье жить людям в нем сейчас. Как не похожа жизнь людей этого города, как и остальных городов нашей страны, на ту, какой жили люди раньше. Какое можно найти слово, чтобы выразить благодарность партии Ленина, создавшей такую жизнь для человека. Глянешь на детей, на молодежь, живущую на тех же улицах, где жили и мы в таком возрасте, и от волнения слезы выступают на глазах. Не так мы жили, не так!

Дорогожицкая улица (ныне улица Мельника), берущая свое начало у Лукьяновского базара, верхним концом упиралась в церковь св. Федора и далее переходила в Овручскую улицу. Чудесная улица, вся в зелени и фруктовых садах. А против церкви находилось четырехклассное церковно-приходское училище (дом этот сохранился и до нынешнего времени), учеником которого мне и пришлось быть в течение трех лет.

Учительница Антонина Ивановна Петрушевская, молодая красивая женщина очень высокой культуры, изумительной выдержки никогда на нас не сердилась и не кричала. Влияние ее на нас было огромно. Укоризненный взгляд ее больших, красивых и выразительных черных глаз воспринимался нами как большое наказание, и мы, в большинстве, старались ее ничем не огорчать.

Но зато полной противоположностью ей был отец Ираклий. Этот огромного роста, круглолицый священник с большой, густой рыжеватой бородой и колючими, глубоко посаженными глазками приводил нас в трепет. Его очень боялись, зная, что от его щелчков в лоб, которыми он любил награждать учеников, чуть ли не лопалась голова. Даже самые способные терялись при ответах и ничего от страха не могли вымолвить.

— Ираклий плывет, — крикнет кто-нибудь, увидев его фигуру, которая в расе казалось еще более огромной. В классе все замирает. Каждый из нас старается вспомнить — кто урок закона божьего, кто — был ли он в воскресенье в церкви, и если не был, то чем оправдаться. Ираклий входит, широко крестится на икону и одновременно, кося глазами то в одну, то в другую сторону, следит за классом.

— Дежурный, молитву! — командует поп. После молитвы отец Ираклий не спеша, тяжело садится на венский стул, который страшно скрипит, а мы замираем от страха, что он не выдержит тяжести и рухнет. О... что же тогда может быть? Это выше нашего представления.

Он долго сморкается, вытирает усы и бороду большим клетчатым платком, который достает из брюк под рясой, от-

чего полы рясы откидываются и тогда показываються обычные брюки, какие носят все смертные.

Я сижу в крайнем ряду на второй парте, у окна, и вижу его сбоку. Меня мучает мысль — почему он носит обыкновенные штаны, как у всех, а не юбку? Это, наверно, грех. Задумавшись, я только после второго окрика слышу: «Стученко, к доске!». Вздрагиваю, иду к доске, поворачиваюсь кругом, лицом к классу и выжидательно гляжу на попа. Сверлит мысль, что он спросит: урок или почему уже два воскресенья я не был в церкви? В церковно-приходском училище посещение всем классом богослужений было обязательным. А пропускать иногда приходилось, потому что жили мы на новой квартире у самого Подола и на ходьбу до училища я затрачивал часа полтора. Приходить в училище надо было к 8 часам утра, поэтому ежедневно мне приходилось вставать на рассвете вместе с отцом.

Наскоро позавтракав, мы вместе уходили из дому, он на работу, а я в училище. Выйдешь, на дворе темно, холодно и так тоскливо на душе, а спать, спать хочется безумно. Отец меня жалел и на ходу ронял: «Ничего, сынок, ничего, выдужась — атаманом будэш».

От этих скупых, но идущих от сердца батюшки слов, мне становилось легче и я бодрее шагал дальше. И, конечно, в воскресенье, когда мать поднимала меня «к обедне» почти в обычное буднее время, я протестовал, возмущался и ненавидел всех — и церковь, и училище, и мать, которая отдала меня в это училище, а не в городское начальное, как хотел того отец.

Но когда мать сама уходила «к ранней обедне» и поручала отцу отправить меня в церковь, то я блаженствовал: спал и высypался до прихода матери. Отец меня не поднимал. А на упреки и нападки возвратившейся матери в его адрес отец с чисто украинским юмором отвечал: «Тю, дурна, замовчи, ты цо ж лаешься, як та баба на базари, цэ ж грих. Дывись, — показывает он на икону, — як он, бог, на тебэ пальцем грозить!».

Иногда это действовало на мать, а иногда и нет, и ссора продолжалась до тех пор, пока отец, потеряв терпение, не уходил из дому на целый день.

— Отвечай урок! — слышу голос попа. Вздыхаю с облегчением, это ведь легче, чем объяснить причину непосещения церкви. Я отвечаю урок по закону божьему. Дошел до того места, где Иисус Христос, уже распятый на кресте, обращается к Иосифу, указывая на свою мать («мать божью»). Но что он точно сказал?.. Вылетело из головы. Несколько минут мучительно думаю и наконец, что-то вспомнив, говорю:

— И сказал Иисус Христос Иосифу: «Возьми себе деву Марию, береги ее и пусть она будет тебе хорошей женой».

Громкий хохот всего класса покрывает мои слова. У отца Ираклия от гнева трясутся щеки. Он пытается что-то сказать, размахивает руками, но от волнения не может выговорить ни слова. Наконец сильный удар его руки отбрасывает меня к окну. Я падаю на первую парту, затем поднимаюсь и бегу в конец класса, вслед раздается крик уже немного опомнившегося попа:

— Богохульник, язычник, анафема, будь ты проклят, пащенок... — И долго еще по моему адресу продолжается ругань разгневанного пастыря.

Наконец постепенно все успокаивается, а я поставлен в угол на колени, на рассыпанный горох, который нестерпимо больно вонзается в мои колени. И когда я пытаюсь чуть сдвинуться с места, чтобы уменьшить боль, слышу звериное рычание наблюдавшего за мной попа. Хочется заплакать от обиды и боли, но терплю, вспоминая наставления отца, которые он не раз мне давал, когда я приходил побитым в драке со сверстниками и друзьями по улице.

— Не смей хныкать, и чтобы этого никто не видел. Казаки не хнычут. А раз побылы, значить дурень, що сдачи не дал. Мовчи, а то добавлю.

Эта «философия» отца была усвоена мною хорошо.

Закон божий преподавался два раза в неделю. Два дня после моего «блестящего» ответа по закону божьему до следующего урока отца Ираклия я только и думал над одним — как отомстить. Наконец решение было найдено. План мести созрел тогда, когда Антонина Ивановна напомнила мне, что завтра, в пятницу, я дежурю по классу. Первым уроком в пятницу был урок отца Ираклия. В этот день я пришел раньше обычного. Принесенной отверткой я вывинтил все четыре винта, скрепляющие обруч с ножками стула. Чтобы обруч не упал, в дыры от винтов я вложил по две спички.

Поп вошел в класс. Я, как дежурный, прочел молитву, сел на свое место и с замиранием сердца стал ждать.

Отец Ираклий подошел к стулу, слегка отодвинул его от стола и сел... Грохот упавшей туши Ираклия и рассыпавшегося стула наполнили класс... Пострадавший смешно болтал ногами, упав назад, на спину. Но в классе никто не смеялся. Не смеялись и тогда, когда поп, перевалившись сначала набок, потом поднявшись, что-то бормоча, спешно выкатился из класса, поддерживая полы рясы, чего он никогда раньше не делал. Я, как дежурный, бросился к стулу и, быстро выбросив спички, вста-

вил винты в обруч, валявшийся отдельно от обломков стула. Когда несколько учеников кинулись помогать мне собирать обломки стула, то все уже было почти кончено и никто ничего не заметил. Ни у кого никаких подозрений не возникло, и месь осталась безнаказанной. После этого поп Ираклий, прежде чем сесть на стул, долго его испытывал, вызывая веселые улыбки всего класса.

Годы учебы в церковно-приходском училище забыть невозможно, как и многое другое. Помню, меня никогда не покидало чувство голода. Оно доводило меня до изнеможения, истощало мой детский организм. Голод особенно давал себя чувствовать зимой, во время учебы. В течение дня мне приходилось съесть лишь бублик и яблоко, часто подмороженное. Утром же, перед уходом в училище, можно было перехватить кусочек черного хлеба, стакан чая или молока. По возвращении из училища ждал меня обед и ужин одновременно, причем весьма скудный. После еды страшно хотелось спать, но большим усилием воли я заставлял себя сесть за уроки и готовить их в течение полутора-двух часов. Затем валялся на постель и спал как убитый до шести часов утра.

Выпадали и более радостные дни, обычно ранней осенью. Это бывало тогда, когда мы, возвращаясь из училища, делали набеги на генеральские сады по Дорогожицкой улице. На этой улице жило очень много отставных генералов. У каждого из них были большие фруктовые сады, за которыми смотрели наемные сторожа. Они же по поручению владельцев садов вели и торговлю фруктами. Этими сторожами обычно были старые, отслужившие военную службу солдаты, нередко бывшие денщики этих же генералов.

Разные они были люди, но в основном добродушные, любившие порассказать о войнах с турками и японцами, о доблести русского солдата, о том, как солдат черта перехитрил, о шуте Балакиреве, о Петре Великом и о многом другом. Мы, мальчишки, знали всех их по именам, знали их повадки, характеры, у кого когда бывает запой и похмелье, кто в самом деле может всадить заряд соли в спину налетчиков и в другое место пониже, а кто просто пугает и пойманных не только не наказывает, но даже угощает и с миром отпускает. Но к таким забираться в сады мы не любили, а тех, кто ходил к ним, мы презирали и давали им самые обидные клички. Мы любили забираться в сады к злым и жестоким сторожам, получали огромное удовольствие, когда поедали фрукты после удачных налетов, хватаясь друг перед другом, кто как вел себя в этой «операции». А «операции»

проводились обычно так: один-два участника отвлекают на себя сторожа в одном конце сада, умышленно поднимая шум, а другие в это время вторгаются с противоположного конца сада.

Воскресные дни для нас, ребят, проходили в обстановке, о которой теперешние дети не только не имеют представления, но, даже если прочтут об этом в книгах, то не все поймут.

С утра до окончания обедни в церквах, в жилищах рабочих семей было относительно тихо. Но часов с одиннадцати-двенадцати начинались скандалы, драки, ругань, визг избиваемых женщин, иногда и детей. Это буйствовали пьяные отцы семейств, подчас пуская в ход ножи, ломая свой жалкий скарб. Иногда так же буйно вели себя подвыпившие женщины и молодежь. И зачастую праздничный день завершался приездом кареты скорой помощи.

Но в эти воскресные дни выпадали и «счастливые» для нас минуты. Это было тогда, когда во двор заходил шарманщик. Звук шарманки привлекал всеобщее внимание. Скандалы прекращались, и все соседи собирались вокруг бродячего артиста.

Шарманщик пел хриплым жалобным голосом:

Уж вечер вечерет,
Все с фабрики идут,
Маруся отравилась,
В больницу ее везут...

Затем исполнялась тоже знакомая и любимая песня о героической борьбе буров против захватчиков-англичан:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Горишь ты вся в огне...

Особенно волновали всех слова этой песни о тринадцатилетнем парнишке, который вместе со взрослыми сражался за свободу и погиб.

Со слушателями, которые только что скандалили, похабно ругались и дрались, происходило что-то необъяснимое.

В такие вечера можно было раньше лечь спать и отдохнуть до утра.

* * *

Летом 1914 года, после убийства в Сараеве австро-венгерского наследного принца Франца-Фердинанда и его жены, все заговорили о войне с немцами, и вскоре, действительно, началась первая мировая война. Манифест царя о войне с Германией вызвал у части населения, в основном торгово-чиновничьей, буржуазно-шовинистический угар.

Черносотенцы организовывали «патриотические» манифестации, участниками которых были и священнослужители. Они шли в полном церковном облачении, с церковными хоругвями, портретами царя и членов его семьи и пели: «Боже, царя храни».

Воинственное настроение, которым были заражены многие в связи с начавшейся войной, видимо, как-то влияло и на нас, мальчишек. Мы тоже искали каких-нибудь конфликтов.

Эти конфликты чаще всего возникали при встречах с учениками гимназии, расположенной на Дорогожицкой улице, недалеко от нашего училища. Гимназическая форма своим сероватым оттенком напоминала цвет формы австрийских солдат — ее мы видели на пленных австрийцах, которые появились в Киеве к концу 1914 года. Мы стали называть гимназистов «австрияками» и все «сражения» обычно с этого и начинались.

После уроков мы подходили к зданию гимназии, в которой занятия кончались часом позже, чем у нас, и поджидали выхода гимназистов, устраивая на их пути засады.

При приближении «противника» к нашим засадам, обычно устраиваемым в палисадниках, мы выскакивали с криком «Бей австрияков!», набрасывались на них и заставляли спасаться бегством.

Вскоре «австрияки» разгадали нашу тактику «засад» и создали свою тактику: сначала появлялась небольшая группа и, подвергшись нападению, отбивалась, отступая, увлекая нас за собой. А когда мы уже считали победу за собой, вдруг им на помощь появлялись большие группы в несколько десятков человек, иногда даже из числа старшеклассников. Тогда нам приходилось туго.

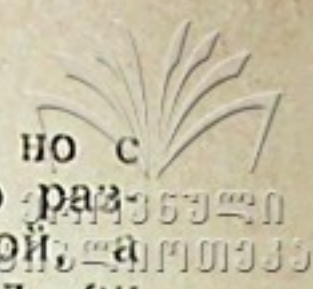
Наши «сражения» собирали иногда толпы любопытных, которые реагировали на происходившее по-разному (очевидно, по классовому признаку). Одни подбадривали нас, другие — нашего противника, а третьи — выражали возмущение и звали полицию.

Появление городских, а иногда — живущего рядом с гимназией околоточного надзирателя обращало в бегство обе враждующие стороны.

Особенно жестокие «сражения» разгорались зимой, когда сама природа давала в наши руки оружие в виде снега и кусков льда, которые мы искусно прятали в середину снежных комьев. Гимназисты защищались францами, как щитами, и, спасаясь бегством, покидали поле битвы.

Весной 1915 года наши сражения постепенно прекратились. Гимназию закрыли, а учеников ее перевели во вторую смену в другую гимназию. Здание же гимназии переоборудовалось под госпиталь для тяжелораненных.

Возвращаясь из училища, мы иногда подолгу простаивали около входа в госпиталь, наблюдая за тем, как разгружали вагоны с ранеными. Их к госпиталю привозили, как правило, в наспех переоборудованных городских открытых трамваях. Обычно к этому времени со-

бирались толпы прохожих, которые очень жалели раненых, некоторые плакали и передавали им разные подарки. С особым уважением и теплотой относились к тем, у кого на шинелях, лежавших поверх носилок, белели солдатские георгиевские кресты.

Летом 1915 года ушел на фронт отец. Я этим очень гордился и всем своим друзьям показывал фотоснимок, на котором перед уходом на фронт был запечатлен отец в солдатской форме и с винтовкой. Одним лишь я был очень огорчен и даже оскорблен — что он оказался в пехоте, а не в казачьих частях и даже не в пластунских. Но об этом я никому не говорил и своего огорчения никому не показывал.

Жить нам стало трудно. Солдатское пособие было невелико, а семья состояла из трех человек.

Было решено, что в этот год летом я буду работать и помогать семье. Пришлось поступить мальчиком сначала в галантерейный магазин Котлярского, а позже, спустя полтора месяца, перейти в писчебумажный магазин Блохмана. Оба магазина размещались на Львовской улице около Сенной площади. Жалованье мое было три рубля в месяц на хозяйских харчах.

Работать у Котлярского оказалось очень тяжело. Я был обязан к 7 часам утра бежать в магазин. За полчаса до открытия в магазин приходил старший приказчик Степан, еще молодой, но уже обривший от частых выпивок человек. Он отпирает заднюю дверь магазина и впускал меня со двора. За 30 минут я должен был принести воду и побрызгать полы в магазине, протереть окна витрин, прилавки, принести из трактира чай в чайнике и сайку с маслом для старшего приказчика, а затем приходили хозяин и остальные приказчики.

Вертеться надо было с молниеносной быстротой, чтобы успеть все это сделать. Малейшее недовольство старшего приказчика моими действиями выражалось в отборной ругани, затрещинах, а чаще всего он брал меня за ворот рубашки, подводил к стенке и, методично стучая головой об стенку, требовал, чтобы я за ним повторял: «Я дурак, я дурак, я балда, я балда».

Сначала я пытался не подчиниться, но страшная боль заставляла меня это произносить, хотя про себя местоимение «я» заменял местоимением «ты» — «Ты дурак, ты балда».

Через пару недель я исполнял свои обязанности настолько четко, что этим экзекуциям стал подвергаться реже и даже успевал последить за тем, что делает до открытия магазина старший приказчик. А он, кроме завтрака, занимался еще и воровством. Он выбирал из коробок, лежащих на полках, дамские кружева, перчатки, мужские крах-

мальные сорочки без воротников, но с манишками, и все это очень ловко размещал под своей верхней одеждой, когда магазин закрывался на обед, он куда-то все сплавлял. Ненавидел я его всей душой и все думал над тем, как его разоблачить.

Моя карьера в магазине Котлярского закончилась неожиданно. Обозленный как-то придирками старшего приказчика, я ему крикнул:

— Ты вор! погоди, я скажу хозяину, как ты каждое утро товар воруюшь.

Это происходило уже при закрытии магазина, когда покупателей не было, ушел и хозяин. Оставались только приказчики, убиравшие товар с прилавков. Мои крики они слышали. Степан вне себя закричал: «Брешешь!..» и бросился на меня с кулаками. Я в это время держал в руках оловянный чайник с водой, и, когда он приблизился ко мне, я нанес ему сильный удар по голове...

Степан схватился обеими руками за голову и, прорывав ругательство, со стоном прислонился к стене. Приказчики бросились ко мне. Швырнув в них чайник и крикнув им всем — «сволочи!», я выбежал из магазина, чтобы больше туда уже никогда не возвращаться.

Через несколько дней мне удалось поступить на работу в магазин Блохмана. Это был небольшой магазинчик без приказчиков. Отпускал и принимал товар сам хозяин — старик лет 70-ти, маленький, очень тихий, с длинными, спускавшимися почти до плеч седыми волосами. Он был одинок и все время проводил в магазине, даже ночевал в нем, в задней маленькой комнатке. Мои обязанности здесь были такие же, что и у Котлярского. Но ели мы вместе с хозяином в магазине. Утром и вечером чай с колбасой и сайкой, в полдень настоящий обед из двух блюд, который я приносил из того же трактира. Старик никогда на меня не кричал, относился ко мне спокойно и даже ласково. Мне он нравился. Я даже начал помогать ему немножко в торговле, доставая требуемые покупателями книги с верхних полок, что самому Блохману делать было трудно.

Работал я все лето и даже прихватил один месяц нового учебного года. Заработанными деньгами я не только помогал семье, но даже сумел на них купить себе ботинки и дешевый ученический костюм, что доставило мне очень много радости. Ведь все куплено на мною заработанные деньги. Еще я был рад тому, что мать согласилась, чтобы я прекратил учебу в церковно-приходском училище и перешел в городское начальное училище на Малой Дмитриевской улице. Это означало, что теперь мне не придется так рано вставать, так как это училище было в два раза ближе от дома, чем церковно-приходское.

Обстановка в городском училище была несколько иная, чем в церковно-приходском. Не было такого контроля за посещением церкви, уроков закона божьего было меньше, и вообще в этом училище дышалось свободнее.

Как-то раз всех взволновала неожиданная весть.

— Ребята! Царь едет в Киев, пойдем встречать его, — взволнованно сказала нам наша учительница Варвара Николаевна.

Нас день-два тренировали, научили кричать хором «ура» и петь гимн «Боже, царя храни» и повели на площадь. Было тепло, настроение у всех приподнятое.

После длительного ожидания наконец снизу от Александровской улицы послышались крики «ура» и звуки гимна. По знаку учителей мы тоже запели гимн, а когда царский поезд приблизился к нам, стали кричать «ура». Впереди и по обе стороны царской семьи ехали конные жандармы с обнаженными пашками. В середине, в первом автомобиле ехал Николай II с офицерами своей свиты, за ним, во втором автомобиле, члены семьи. Наследника я хорошо видел. Одетый в матросскую форму, он не сидел, а стоял. За вторым автомобилем следовали еще один или два, а дальше шли экипажи.

Самого царя мы легко узнали по бородке. Он сидел на заднем сиденье и изредка вяло вскидывал руку в белой перчатке для приветствия. Николай II и все сидевшие с ним в автомобиле были в военной форме.

Впечатления царь на нас никакого не произвел. Мы были разочарованы и даже обижены: ждали чего-то сверхъестественного, потрясающего до дрожи в коленях, а на самом деле ничего особенного не увидели и не услышали.

ГЛАВА 2

Третий год уже идет война. Сотни тысяч погибших и калек. Тысячи осиротевших семей. Жить становится все более и более трудно. Все вздорожало. Многих продуктов не хватает или нет совсем. На фронте — поражение за поражением. Война становится ненавистна широким массам. Она теряет популярность и среди мелкой буржуазии и большинства интеллигенции. Уже на улицах не кричат «ура» и не поют «Боже, царя храни». Угар проходил, началось протрезвление. Упаднические настроения охватили средние слои населения и стали проникать в слои крупной буржуазии, подрывая их верноподданнические чувства к царю. Стали модными песенки А. Вертинского.

...Ваши пальцы пахнут ладаном,
И в ресницах спит печаль.

Ничего теперь не надо нам,
Ничего теперь не жаль...

Эти слова одной из песен Вертинского, посвященной известной кинозвезде Вере Холодной, достаточно ясно говорили, почему он, Вертинский, и подражающие ему певцы печали стали кумирами буржуазии и мещанства. На концерты Вертинского билеты можно было достать только по баснословным ценам, через барышников.

Случайность привела мою семью в дом на Кудрявскую улицу в качестве квартирантов. Владельцем дома был хорист знаменитого хора Софийского собора — Петр Андреевич Лукьяненко.

Это был старейший певец, обладавший исключительно мощным, красивого тембра голосом — октавой¹. Многие любители пения приходили на богослужение в Софийский собор только из-за того, чтобы послушать замечательный голос певца. В конце вокальных фраз его голос переходил в поражающий своей мощностью и красотой рокот. О его октаве складывались чуть ли не легенды.

Помнится, как очевидцы рассказывали:

В Киеве выступал с концертом П. И. Чайковский. После концерта Петра Ильича окружили почитатели его таланта. В числе их был и П. А. Лукьяненко, который воскликнул: «Браво, Чайковский!». Его голос перекрыл весь шум. Чайковский вздрогнул, повернулся, обнял Лукьяненко и крепко его расцеловал. Об этом писалось на второй день во всех газетах Киева.

Петр Андреевич, помимо всего, был и очень хорошим, отзывчивым человеком. Он помогал многим. Помог он и мне.

В первых числах сентября моя судьба неожиданно переменилась. Хорист П. А. Лукьяненко пристроил меня в хор Софийского собора, регентом которого был Я. С. Калишевский. Старостой хора был Никольский Николай Николаевич.

Он предложил переговорить с директором Екатерининского реального училища о том, чтобы меня приняли в училище бесплатным учеником, но за это я должен был петь в церковном хоре реального училища, учеба в котором уже началась. Директор согласился. Я стал учеником первого класса Екатерининского реального училища, располо-

¹ Октава — редкий голос, очень низкий бас. Октава являлась фундаментом хора, и певца с таким голосом высоко ценили и очень хорошо оплачивали. (Здесь и дальше примечания автора.)

женного на Михайловской — ныне Советской площади, и хористом двух хоров — в одной пел бесплатно за право учиться, в другом, наоборот, с хорошей оплатой помесечно и отдельной за вызовы («требы»). Финансовые дела семьи поправились, но мне стало очень и очень трудно. Нагрузка была для меня слишком большой.

Как-то вечером я зашел к своему однокласснику по реальному училищу. В доме у них были гости. Среди них — священник и молодой прапорщик, видимо, недавно произведенный в офицеры. Я с интересом разглядывал их обоих. Вскоре гости сели за стол. Каково же было мое удивление, когда я увидел из соседней комнаты, как поп прямо стаканами глушил водку и только покрывал, закусывая соленым огурцом. Но еще более удивил он меня тем, что после ужина сел играть в карты и выиграл у прапорщика наган. Когда совершалась передача проигрыша, я не выдержал, подошел к священнослужителю и спросил:

— Батюшка! А зачем вам наган, у вас же есть крест, вы же крестом можете защитить себя от любого разбойника?

— На бога надейся, сам не плошай, понял, глупыш? — расхохотался он и, задрав рясу, упрятал револьвер в карман черных брюк, заправленных в сапоги.

Этого случая я долго не мог забыть. Он послужил пищей для длительных размышлений, а позже, помнится, мы использовали его в антирелигиозной пропаганде, которую весьма активно вели среди новобранцев. Пусть читатель простит меня за это отступление и за многие другие, которые он встретит дальше.

Мою карьеру хориста прервала Октябрьская революция. Мы ждали отца с фронта. Мать, боясь отца, решила, что мне надо уходить из хора Софийского собора, который я и покинул в конце 1917 года, а после установления в Киеве Советской власти, когда реальное училище превратилось во 2-ю трудовую школу и учение стало бесплатным, я бросил петь и в церковном хоре училища.

* * *

В начале зимы, отвоевавшись, из Румынии, или, как говорили тогда, с румынского фронта, возвратился домой отец. Сначала семье стало жить немного легче, но зимой пришлось трудно, даже очень трудно. В Киеве утвердилось контрреволюционное украинское националистическое правительство «Центральная рада» под руководством Си-

мона Петлюры. В городе не было дров, воды, света, не было ни хлеба, ни соли, да и других продуктов тоже. За водой ходили на Петровскую улицу, доставали ее из колодцев при некотором сопротивлении жителей этой улицы. В качестве дров мы, как и все жители нашей улицы, жгли заборы или ездили за дровами на санях вдвоем с одиннадцатилетним братом в Голосневский лес.

Тратили мы на эту поездку около 16-18 часов и привозили всего два—два с половиной пуда сухостоя. Больше дотащить на санях мы с братом не могли, не хватало сил. А хлеб... хлеб для нас был почти неразрешимой проблемой. Стоим, бывало, в очереди за ним по нескольку дней всей семьей и достаем три—четыре фунта кукурузного темножелтого цвета хлеба, который обладает удивительной способностью через несколько часов превращаться в твердую, как камень, массу, по вкусу и цвету напоминающую засохшую глину.

«Центральная рада», захватив вероломным путем власть и загнав Киевский Совет в подполье, свирепствует. Днем и ночью совершаются облавы, задерживают рабочих. А гайдамаки, из наиболее озверевших, расстреливают их только за одни мозоли на руках. Отца нет дома уже несколько дней. Он ушел сразу после Нового года и не возвращался. Мать не находит себе места и теперь, в отсутствие отца, как-то особенно болезненно воспринимает каждый выстрел. Я же, в силу своего мужского самолюбия, внешне не показываю признаков беспокойства и уныния, но на душе дрянно и тоскливо. Ночью даже хочется плакать. И все из-за поцелуя отца. Когда он уходил в последний раз, то поцеловал младшего брата Георгия (который погиб под Смоленском в августе в 1941 г.) и маленькую сестренку, а потом и меня. Этот поцелуй не давал мне покоя и тревожил меня. Ведь это был второй поцелуй отца за все мои 13 лет жизни. Первый раз он поцеловал меня, когда мы провожали его на фронт в 1915 году. Правда, мать говорила, что он меня еще целовал, когда мой дед увозил меня, трехлетнего малыша, на Кубань, но этого я не помню.

В один из этих тревожных дней, утром, при выходе из дому, я столкнулся с Митькой — 17-летним парнем, живущим не то на соседней улице — Петровской, не то где-то на Вознесенском спуске. Он, по-видимому, поджидал меня.

— Андрейка, — позвал он и потянул меня за собой во двор. — Чуешь, — сказал он мне, — надо сделать одно дело... Батяка надо побачить, надо узнать, жив ли он. Его уже давно нэма дома, он

должен быть в Арсенале, а как туда добраться, ты знаешь.

— А почему туда не пробираешься сам? — говорю ему.

— Я не могу, я большой и моя рожка не нравится жупанникам (гайдамакам), я уже вчера хотел пробраться, но жупанники чуть меня не пришили.

— А... а... — протянул я понимающе и добавил: — Но моего отца тоже долго нет, я его самого собираюсь искать, только на Куреневке.

— А ты дуй туды, куда я сказал, може и своего батьку найдешь, — усмехнулся Митька. — Об этом своей матери ни гу-гу, — заключил он.

К полудню я добрался на Печерск. Как пробраться в Арсенал, я знал отлично. Со своими приятелями я уже два раза побывал на его территории, проникал туда через военный городок понтонного батальона со стороны Днепра и со стороны «Собачьей тропы» (ныне Кловский спуск), в надежде достать винтовку и патроны. Но мы их, конечно, не достали.

Сунувшись к городку понтонеров, я убедился, что через плотные заставы гайдамаков мне не пробраться. Я решил попытаться счастья через «Собачью тропу». Добравшись до нее и преодолев заснеженный овраг и какой-то сад с заборами, я очутился во дворе Арсенала против одноэтажного здания каких-то мастерских. Около мастерских стояли рабочие, вооруженные винтовками. Мимо меня под какой-то каменный свод протащили пулемет «Максим». Чувствовалось необычное оживление и серьезная деловитость в поведении рабочих¹. Недалеко от дверей мастерских, к моему великому удивлению, я увидел отца, разговаривавшего с двумя рабочими. Первой мыслью было незаметно проскользнуть, но отец уже заметил меня и без всяких признаков удивления громким голосом спросил:

— Ты как сюда попал, ты що тут робыш?

Я все ему рассказал. Отец, видимо, хотел ругнуть меня, но, услышав, как его собеседники восхищались моим «подвигом», с оттенком гордости в голосе сказал:

— Это мой казак — сын.

Расспросив о семье, он приказал мне передать матери и Митьке, чтобы не беспокоились и что батьки живы и здоровы. Через несколько минут, снабженный доброй буханкой хлеба и кульком сахара, я уже пробирался к дому. Мать, увидев меня после целого дня мучительных поисков и ожидания,

¹ Как выяснилось позднее, рабочие Арсенала готовили восстание против «Центральной Рады», которое началось 16 января 1918 года.

встретила радостным возгласом, а потом заплакала.

— Отец на войне был — плакала, пришел с войны — опять плачу, сын еще не вырос, а за ним уже тоже плачу. Господи! Когда же радость будет?

Мне всегда тяжело было видеть слезы матери и в душе я даже раскаивался, что заставил мать целый день так мучиться. Спал я плохо. А утром новое событие заставило забыть минувший день и на всю жизнь оставило в моей памяти неизгладимый след.

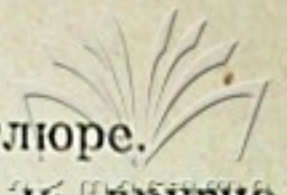
Утром, когда я спустился на Петровку, чтобы разыскать Митьку и выполнить поручение отца, его уже не было в живых. На рассвете гайдамаки, по-видимому, отчаявшись найти его отца, схватили вместо него сына и расстреляли почти на глазах у обезумевшей от горя матери: Митьку расстреляли на улице, против ограды духовной семинарии.

Митька лежал на правом боку с откинутой левой рукой, уткнувшись в землю лицом, а на утоптанном снегу была видна застывшая струйка крови. Вокруг толпился народ. Многие плакали, посылали проклятия убийцам. Мать Митьки увели, вернее, — унесли соседи.

Чувство острой жалости к Митьке и к его матери тонуло в более сильном чувстве — чувстве страшной ненависти к гайдамакам. Душу терзала безумная ярость. В голове кружились самые фантастические планы мести. Возникла мысль о поджоге здания «Центральной рады», которое находилось здесь же, недалеко от места расстрела Митьки. Но тут же родился более простой план мести — взять в чулане спрятанную отцом австрийскую винтовку и, укрывшись где-нибудь за забором, начать расстреливать гайдамаков, когда они будут проходить по улице. С этой мыслью я бросился к дому, но в чулане винтовки уже не оказалось.

Через год с небольшим мне все же представилась возможность в какой-то степени осуществить свой план мести. Когда части Щорса ворвались в Киев и вели уличные бои с теми же гайдамаками, но уже не «Центральной рады», а столь же националистического кулацкого правительства «Директории» во главе с теми же Петлюрой и Винниченко, я в течение нескольких дней помогал пулеметчикам Щорса, набивая пулеметные ленты патронами. А однажды даже в течение нескольких часов работал у пулемета вторым номером, обстреливая гайдамаков, засевших в здании духовной семинарии.

Петлюровскую «Директорию» поддерживали только крайние украинские националисты всех общественных слоев и кулачества. Русская интеллигенция и даже чиновничество Петлюру терпеть не могли. Это было заметно даже по то-

му, каким тоном и с какой кислой миной объявил нам, ученикам, директор реального училища о предстоящей торжественной встрече Петлюры. При этом он пояснил, что власти требуют безоговорочного выхода на встречу всех учеников, а также указал на то, что при появлении Петлюры надо кричать: «Слава!». При этом директор скорчил такую гримасу, что мы не удержались и улыбнулись, а некоторые даже громко засмеялись.

Вывели нас на площадь Богдана Хмельницкого и построили лицом к памятнику. Слева и справа к нам пристраивались другие учебные заведения. Было холодно. В лицо бил мелкий, колючий снег. Настроение было препаршивое и озлобленное.

Справа от меня стоит мой дружок Филя Грищенко, сын железнодорожника, слева барон Менгден¹, который довольно громко награждает Петлюру неслестными язвительными эпитетами.

Мы трое очень быстро договорились при появлении Петлюры кричать не «слава», а «халява», что мы и сделали. Как мне кажется, не мы одни исполнили этот «концерт» при появлении Петлюры. Видимо эта же идея приглянулась и другим.

Симон Петлюра появился перед нами как-то неожиданно. Среднего роста, с бабьим лицом, в синей казацкой свитке, в сапогах, в серой каракулевой папаче, не подпоясанный и без оружия, он на фоне сопровождавшей его свиты выглядел весьма не блестяще. Шел он быстро, бодрым коротким шагом, держа руки в карманах свитки. За ним шествовал чернобородый, представительный, в черном штатском пальто Винниченко, галантно раскланиваясь направо и налево. Рядом с ним и за ним шествовали другие правители из «Директории» и многочисленная свита сичевиков с гайдамацкими красными мешками и с золотыми китецами² на черных и серых папачах.

Позже, в эмиграции, Петлюру убили как собаку, за кровь, пролитую, на Украине.

Небезынтересна такая деталь в борьбе с Петлюрой и его гайдамаками, как ответ Щорса и Боженко Петлюре на его предложение прекратить борьбу. Этот ответ, насыщенный сочным украинским юмором, привожу ниже полностью:

¹ Семья барона Менгдена была весьма твердых монархических убеждений. Братья моего одноклассника служили: один — у гетмана Скоропадского, второй — у Деникина. После установления Советской власти в Киеве вся баронская семья куда-то сбежала.

² Китецы — кисти.

«Ответ пану гетману Петлюре.

Мы, тарашанцы, богунцы и другие украинцы-казаки, красноармейцы, получили твоё похабное воззвание.

Как встарь запорожцы султану, так мы тебе отвечаем. Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках. Сгинул проклятый.

Новый пан гетман объявился — Петлюра.

Продал галицийских бедных селян польским панам, заключив с панамипомещиками мир. Продал Украину французским, греческим, румынским щукам, вошел в союз с ними против нас, трудовых бедняков Украины. Продал родину-мать. Продал бедный народ. Скажи, Иуда, за сколько грошей продал ты Украину? Сколько платишь своим наймитам, чтоб песьим языком мутили селянство, поднимали его против бедноты?

Скажи, Иуда, скажи, предатель, только знай, не пановать панам больше на Украине! Мы, сыны ее, бедные труженники, головы сложим, а ее обороним, чтобы расцвела на ее вольной земле рожь на свободу и сжата была свободным селянством на свою пользу, а не жадным грабителям-кровососам, кулакам, помещикам. Да, мы братья российских рабочих и крестьянства, как братья всех, кто борется за освобождение трудящихся.

Твои же братья — польские шляхтичи, украинские живоглоты-кулаки, царские генералы, французские буржуи. И сам ты брехлив и блудлив, как польские шляхтичи: «Мол, всех перебьем!» Не говори «гоп», пока не перескочишь! Лужа для тебя готова, новый пан гетман буржуйный, французской да польской милостью!

Не доносить тебе штанов до этого лета. Уж мы тебе бока намяли под Коростенем, Бердичевым, Проскуровом. Уже союзники твои оставили Одессу. Свободная Венгрия протягивает к нам братские руки, и руки ограбленных панамипомещиками крестьян Польши, Галиции тянутся к горлу твоему, Иуда! Прочь, иди в петлю, проклятый. Давись, собака!

Именем крестьян-казаков Украины командиры Щорс, Боженко, Квятек и другие.

Апрель, 1919 года»¹.

Но вернемся к январским событиям 1918 года.

Через несколько дней после Митькиной смерти восставшие рабочие Киева разогнали «Центральную раду» и установили Советскую власть. Правда, вскоре с помощью немецких штыков

¹ Госархив Киевской области. Ф. листовок, инв. № 423.

на некоторое время она была свергнута, но в феврале 1919 года вновь восстановлена в результате ожесточенных боев за Киев Богунского и Таращанского полков легендарной дивизии Николая Щорса.

Спустя сорок лет после описанных событий, возвращаясь из отпуска домой, я побывал в Киеве. Вместе с женой и детьми мы пришли к месту расстрела Митьки, и там я рассказал им о событиях тех дней.

ГЛАВА 3

Гражданская война подходила к концу. 1920 год был на исходе.

Доблестные полки Рабоче-Крестьянской Красной Армии, руководимые партией коммунистов, великим Лениным, добились в Крыму последнего ставленника международной контрреволюции — барона Врангеля. Народ, следуя призывам партии большевиков, уже стал приниматься за восстановление разрушенного гражданской войной хозяйства. Но положение страны не улучшилось. По-прежнему население чувствует острый недостаток в продуктах питания, в одежде, в обуви и во многом другом. Вместо кожаной обуви мы все научились делать деревянные сандалии и даже деревянные ботинки (верх из брезента или другого материала, а подошва — деревянная).

В продаже, на витринах магазинов Киева, появились весьма «изысканные» образцы деревянной мужской и женской обуви. Вероятно, если бы теперь некоторые современные сверхмодницы и сверхмодники увидели эти образцы деревянной обуви, то обязательно бы их надели и, конечно, потрясли бы своим видом многих других модников и вызвали бы у них жгучую зависть.

Продовольственные карточки очень часто не отоваривались, и для того, чтобы на них что-нибудь получить, надо было стоять в очередях по нескольку дней.

Отец вновь был на фронте. Несколько раз и я пытался последовать за ним, но слезы и просьбы матери делали свое дело, и я сдавался.

Однажды я все-таки вырвался. Добрался до Чернигова и вступил, правда, не без труда, в конный отряд при Улраформе 12-й армии по борьбе с бандитизмом.

— Сколько тебе лет? — обратился ко мне командир отряда — человек громадного роста, в кожаном костюме и даже в кожаной фуражке, весь в ремнях, с револьвером и серебряной шашкой на боку.

— Семнадцатый... — соврал я, не моргнув глазом.

Командир отряда с сомнением взглянул на меня и промолвил:

— А не врешь? Уж больно ты мелок — прибавил годика два-три, верно?

От такого допроса у меня все похолодело. Ведь он был весьма близок к истине. «Неужели не возьмет, — с ужасом подумал я. — Неужели моя мечта стать бойцом Красной Армии — кавалеристом — не осуществится?» И перед глазами вновь возник плакат, уже около года не дававший мне покоя. На нем был нарисован кавалерист в полном боевом снаряжении, а над ним — призывная надпись: «Пролетарий, на коня!» Это был лозунг, провозглашенный РКП(б), когда Стране Советов понадобилась своя Рабоче-Крестьянская конница, чтобы противостоять белой коннице генералов Мамонтова, Шкуро, Улагая, Покровского и многих других контрреволюционных кавалерийских генералов.

Не однажды в мечтах я видел себя на коне и обязательно с пикой в руке. Кстати сказать, когда моя мечта вскоре сбылась, я, как и все, всегда старался при построении как-нибудь стать во вторую шеренгу, чтобы не брать пику¹.

Однако вернусь к своему «посвящению» в кавалеристы.

После дополнительных просьб и убеждений командира в моем казачьем происхождении меня зачислили в отряд добровольцем. Но вскоре я заболел тифом, а тут выяснился и мой возраст, и меня демобилизовали. Мы тогда стояли в Белой Церкви. Этого могло бы и не случиться, если б был жив мой шеф — командир отряда. Отважный солдат революции, он был убит в одной из стычек с бандитами.

В апреле 1921 года в Белую Церковь, как и в другие места нашей страны, начали приходить с фронта войска. В нашем городе расположились отдельные части 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, направленные сюда на работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства.

Комиссаром одной из таких частей — 17-го отдельного трудового батальона 25-й Чапаевской стрелковой дивизии² —

¹ В коннице пиками вооружалась только первая шеренга.

² В 1921 году полевые части многих дивизий Красной Армии получили название трудовых, так как стали помогать восстанавливать разрушенное гражданской войной народное хозяйство. Эти части полностью сохранили свою воинскую организацию, оружие и очень часто по боевой тревоге выезжали на борьбу с бандитами.

был Петухов. Петухов поселился в одной из комнат в том же доме, где жила уже и наша семья. Мы быстро с ним подружился. Это был обаятельный, красивый человек, очень культурный, достойно представлявший старый, времен гражданской войны, институт комиссаров.

Сначала Петухов не вызвал у нас особого к себе уважения. Во-первых, не было на нем ремней и шашки, как у конников, и единственное свое вооружение — револьвер системы «наган» — носил на простом поясном солдатском ремне в кобуре. А во-вторых — он не имел ни ботинок, ни сапог и, несмотря на довольно прохладную погоду, ходил... босиком, в обмотках.

Мы не сразу привыкли к такому необычному виду комиссара, но потом, узнав его поближе, очень полюбили. А я даже смастерил ему деревянные сандалии, которые он с удовольствием носил.

Узнав мое желание быть снова в армии, он зачислил меня добровольцем в свой батальон.

* * *

На Украине бушуют «батьки» всех мастей и оттенков. Их банды зверски расправляются с коммунистами, комсомольцами и сельскими активистами. В районе Звенигородка, Смела, Знаменка свирепствуют банды Богатыренко и Хмара.

Сводный отряд, состоящий из эскадрона конницы и 17-го отдельного трудбатальона 25-й Чапаевской дивизии, вот уже вторые сутки медленно двигается в теплушках по железной дороге из Белой Церкви в район местечка Смела. У меня в кармане лежал кусок хлеба с салом, бережно хранимый с каких уже пор.

Мысль о том, что мы прибываем на место назначения и сейчас начнется бой и мы можем быть убитыми, а мой хлеб с салом, такой редкий продукт нашего питания, пропадет, — грызла и мучила меня до такой степени, что я, представив себе картину, как хлеб будет затоптан в землю, не выдержал и застонал. Хлеб и сало были извлечены из кармана и съедены молниеносно. И только расправившись с хлебом, я почувствовал себя совершенно удовлетворенным и спокойным.

По дороге, когда мы проезжали мимо небольшого редкого леса, с его опушки началась беспорядочная стрельба по нашему отряду.

Мы сразу же развернулись в сторону леса и перешли в энергичную атаку. Бандиты стали отходить в глубь леса, отстреливаясь. Вдруг меня что-то толкнуло в спину и обожгло. «Зацепился за

сук», — подумал я, но, услышав выстрелы сзади и обернувшись на них, я увидел в двадцати—двадцати пяти метрах от себя упавшего бандита, сраженного выстрелами моих товарищей по отряду. В руках его был обрез, из которого он и ранил меня в спину.

Наш фельдшер (мы его звали «помощником смерти») задрал на мне гимнастерку и прямо пальцами извлек пулю из раны. Выпущенная из обреза пуля только наполовину вошла в тело. След бандитской пули остался на всю жизнь.

ГЛАВА 4

Разгромив банды в районах Смела, Цветково, Лебедин, Шпола, мы к осени 1921 года возвратились на свою стоянку в город Белая Церковь. Мне, как наиболее грамотному, поручили исполнять обязанности писаря 3-й роты. Я был крайне огорчен и скрывал от всех новую должность. Зима прошла относительно спокойно, а я стараниями того же комиссара Петухова получил возможность даже посещать школу 2-й ступени. Ходил я в шинели и в «буденновке» или в папахе с красным верхом. Моя форма вызывала зависть у моих однокашников, а у некоторых и неприязнь. Такая же неприязнь чувствовалась и со стороны директора школы и некоторых преподавателей. Но с основной массой однокашников я сдружился и разрешал им надевать мою папаху или «буденновку». Особенно любил покрасоваться в «буденновке» мой лучший друг Костя Резниченко (он инженер, живет сейчас в Киеве, но не работает, будучи уже много лет прикованным тяжелым недугом к постели). Летом, видя гуляющих или проезжающих в конном строю курсантов вторых кавалерийских курсов, размещенных здесь же, на окраине города, я очень переживал, что не служу в коннице. Получив боевую и общую характеристику, — опять-таки с помощью комиссара Петухова, — я направился на курсы.

И стал я курсантом-кавалеристом — надел красные шкеры (брюки-галифе), фуражку с белым околышем, получил шашку, винтовку и коня по кличке «Сенегал».

Попал я в 3-й взвод 1-го эскадрона. Эскадроном командовал бывший корнет — дворянин Пац-Помарнацкий. По манере держать себя, по внешнему виду, щегольству это был классический представитель старой гвардейской конницы. Молодой — лет 25-27, высокий, стройный, с бакенбардами и стеком в руке, в начищенных до глянца сапогах «бутылкой» и с папиросой в зубах, он как бы не замечал нас. Никогда с на-

ми не разговаривал и только вполголоса отдавал распоряжения вахмистру. На конно-строевых учениях команды подавал резким и нарочито хриплым голосом, но больше любил учения по сигналам. При ошибках или неточно выполненных кем-либо из всадников приемах — брезгливо морщился, выразительно грозил стеклом или обнаженной шашкой и протяжно, на кавалерийский лад, командовал: «Сто...й!» Или приказывал подать этот сигнал трубачу, который словами напевался так: «Стой!.. Равняйся!.. Стой!», и прием или перестроение повторялись. При «выездах на банды» он вел себя в бою подчеркнуто спокойно, любил этим позировать и бравировал опасностью. Такое поведение в царской армии считалось верхом кавалерийско-дворянского шика — аристократизмом. За глаза мы все его звали «Пацом».

Полной противоположностью ему был командир 2-го эскадрона Оковин. Он был из вахмистров или унтер-офицеров старой армии, храбрый, душевный человек и общий любимец всего состава курсов.

С ним через несколько лет мне пришлось вновь встретиться в городе Елизаветграде в кавалерийской школе, где он командовал тоже курсантским эскадром.

* * *

Стоял июль 1922 года. Эскадрон заканчивал вечернюю уборку лошадей. Засыпав кормушки овсом, мы в ожидании построения перебрасывались шутками, собираясь небольшими группами на плацу перед конюшнями. Вдруг появился запыхавшийся дежурный по нашему первому эскадрону...

— Товарищ вахмистр!¹ — обратился он к старшине эскадрона. — Командир эскадрона приказал вести людей повзводно в цейхгауз.

Остановившись у цейхгауза, мы ждали, что будет дальше. Вскоре появился вахмистр. По его распоряжению мы сняли фуражки-бескозырки с белым околышем и начали примерять английские суконные пилотки с голубым кантом, которые были захвачены где-то у англичан в качестве трофеев.

Шутки, остроты сопровождали примерку пилоток.

— Лебедев, а Лебедев, поверни пилотку боком и будешь совсем как Наполеон.

— Петро, — слышится в другом месте, — ты смотри, чтоб я тебя в темно-

те за контру не принял... Развалю пополам до пупа...

— Смотри, как бы я твой кочан раньше не снял бы вместе с этим колаком, — слышится в ответ под общий хохот.

А между курсантами в это время уже шнырял вездесущий и всезнающий Петров, который вечерами выполнял должность писаря эскадрона и вполголоса таинственно всем сообщал:

— Братва, новость есть, нашим курсам крышка. С Белой Церкви уходим в Крым; а второй эскадрон остается на Украине, но отсюда тоже уйдет.

Крым встретил нас очень жаркой погодой. После того, как мы разгрузились на станции Симферополь и привели в порядок себя и лошадей, мы построились. С любопытством осматривали непривычные для нашего глаза улицы, по которым ехали, татарские мечети с их высокими, тонкими, как игла, минаретами. Наше появление, особенно лихое пение кавалерийских песен, в свою очередь привлекло немало любопытных. Отнеслись они к нам по-разному. Более аристократическая часть глядела на нас недружелюбно. Население попроще — с большой симпатией.

Проследовав через город, мы прибыли во двор первых Крымских кавалерийских курсов. Расседлали коней, привязали их к длинным коновязям, седла сложили тут же потниками вверх для просушки.

Стоим сутки, двое. В город нас не пускают. Ночуем в специально отведенной для нас казарме на голых нарах. Кормят плохо, только кукурузной кашей, а главное — кроме уборки лошадей и чистки снаряжения, ничем не занимаемся.

На третий день появился начальник курсов, мужчина средних лет, с короткими усами, красивый, подтянутый, в черкеске. Его фамилия была Е. Шейдеман. Вместе с ним явился комиссар курсов Бабиш и заместитель по строевой части (бывший барон) Фон-Вольфенгаген, тоже очень щегольски одетый. Шейдеман что-то сказал вполголоса Пац-Помарнацкому, который тут же скомандовал:

— Эскадрон, седлать! Живо! Построение на плацу «при полной боевой».

Через несколько минут эскадрон уже стоял на плацу, выстроенный в две шеренги.

— Равняйся!.. Шашки вон, пики в руку, слуша...й! — раздавалась команда, и наш «Пац», выхватив свою шашку, помчался навстречу Шейдеману, держа ее подвысь. Приняв рапорт, начальник курсов внимательно осмотрел эскадрон, после чего обратился к нам:

— Братцы! Получено распоряжение командующего войсками Украины и

¹ До 1923 года в коннице старшины назывались вахмистрами, т. е. так, как назывались они в старой царской армии.

Крыма товарища Фрунзе о том, чтобы часть из вас влить в состав 1-х Крымских кавалерийских курсов курсантами, а остальную часть направить на Украину в состав полевых кавалерийских частей. Отбор на курсы проведем через 1-2 дня, после чего остальные будут отправлены по железной дороге со своими лошадьми и вооружением. Так что прошу не волноваться и спокойно ожидать.

...В тот же день заработала мандатная комиссия. Одним из первых в состав курсов был отобран и я, что меня совсем не устраивало.

Через три-четыре дня все было закончено. Отсеянные мандатной комиссией были построены и в конном строю отправлены в привокзальный район для погрузки в вагоны и отправки на Украину.

Когда с лихими песнями они покинули двор курсов, у меня как будто что-то оборвалось внутри, я чуть не заплакал.

Через пару часов под предлогом проминки я оседлал своего коня и рысью проскочил входные ворота. На оклик часового: «Стой! Куда?» — ответил: «В штаб, с запиской командира эскадрона».

Когда я на взмыленном коне, с шашкой, без винтовки подскочил к воинской платформе, погрузка еще не начиналась. Расседланные кони стояли на коновязи, а всадники занимались кто чем, в основном, закусывали.

— Братва! Гляди, сынок прискакал.

— Ты чего?

— Да ну их! Ребята, спрячьте, хочу с вами уехать. Не хочу оставаться на курсах, — одним духом выпалил я.

— Правильно!

— Давай с нами! — слышались голоса.

Я начал расседлывать коня.

— Ты что же это, — обратился ко мне подошедший военком маршевого эскадрона. — Почему убежал?

В это время верхом подъехал помощник дежурного по курсам.

— А ну давай со мной, — обратился он ко мне, — Ишь ты, герой!

Так под конвоем, провожаемый сочувственными взглядами кавалеристов, я отправился на курсы.

Вахмистр Складов презрительно-грозно глянул на меня, не сказал ни слова, но на пальцах показал решетку и цифру 5, что означало пять суток ареста с содержанием на гауптвахте. Но это меня не остановило. В голове рождались новые планы побега.

Утром меня предупредил взводный, чтобы я сразу же после уборки лошадей и завтрака собирался на гауптвахту.

Я отправился чистить лошадей. Улучив минуту, когда никого вокруг не было, я вывел коня через тыльные ворота и... помчался на воинскую платформу.

Погрузка уже заканчивалась. Найдя свободное место в вагоне, с помощью дружков я погрузил коня и с нетерпением стал ждать отправки эшелона.

Но и на этот раз мне не повезло.

Показались два всадника «при полной боевой». «За мной!» — мелькнула мысль. Юркнув в ближайший конский вагон, я спрятался между лошадьми.

— Ах ты чертов пацан, задал нам работу, — слышалось рядом с моим вагоном.

— Обыскать все вагоны! — слышу команду.

«Да, видно уж моя судьба такая — не везет», — с горечью подумал я и добровольно вылез из своего убежища. Меня сначала чуть ли не избили, но потом, успокоившись, заставили спузить коня, дали даже скрутить сигарку и «погнали» на курсы. Во дворе встретил нас дежурный по курсам комзвезд Иванов. Обложив меня трехэтажным матом, приказал моим конвоирам вести меня в штаб к комиссару Бабичу.

Ну, думаю, теперь хана, отдадут под суд. С таким настроением я постучал в дверь комиссара.

— А... Андрей... заходи, заходи, дружище, — встретил меня комиссар.

Охватило чувство растерянности от такого приема. «Агитировать, воспитывать сейчас меня будет, — подумал я с раздражением. — Какой я ему «Андрей» и «дружище», ведь мы с ним ни разу и не разговаривали, кроме как на мандатной комиссии, когда я отвечал ему на вопросы», — размышлял я, подходя к столу комиссара.

— Ну как дела, Андрюша? Все бегаешь?

— Бегаю, — отвечаю угрюмо.

— И долго еще будешь бегать?

— Не знаю, — буркнул я, глянув на него исподлобья.

— Хм... — хмыкнул Бабич и с откровенным любопытством стал рассматривать меня.

— Ты что, контра? Буржуй? Помещик или сын царского министра? А, может, ты кадет какой? А?

Мелькнула мысль: послать его по-дальше — и делу конец, чего он тут закручивает. Но взглянув на его дружелюбное лицо, встретив доброжелательную улыбку с хитрецей, я воздержался и даже немного успокоился.

— Батько-то твой — рабочий и Советскую власть защищал, как будто так, сынок?

— Ну, так, а что?

— А князья Потемкиных на наших курсах знаешь? Алешку и Владимира?

— Ну, знаю, а что? Я с ними не вожусь.

— А они тоже бегают? — настойчиво допрашивал меня комиссар.

— Не знаю, как будто нет.

— Так что же ты, сукин сын? —

вдруг переменял тон комиссар, — князья не бегают, а ты бегаешь. Они хотят быть красками, а ты нет! На кого же Советская власть будет опираться — на князей или на тебя — дурья твоя голова? Ты подумал об этом? Герой какой выискался. Снять с тебя штаны да выпороть как следует, чтобы вся дурь вылетела из головы и чтобы она по-рабочему, по-пролетарски думать начала.

Я молчал. Все мое боевое настроение пропало. Вспомнил многое из своей еще не длинной, но тяжелой жизни. Подумал и об отце. А что бы он сейчас сказал? От этих мыслей в жар бросило.

Перемену в моем настроении, видимо, заметил и Бабич. Вновь он перешел на дружеский тон и в заключение спросил:

— Ну как? Будешь еще бегать?

— Нет, — твердо ответил я.

— А учиться будешь? Оправдаешь доверие Советской власти?

— Да, оправдаю.

— Ну, иди. Желаю удачи. Будь хорошим командиром. Они Советской власти очень и очень нужны, запомни, Андрей.

Позже в моей командирской практике мне не раз приходилось сталкиваться с «трудными» людьми, и не раз воспоминание об этом разговоре с комиссаром помогало мне найти правильные и нужные слова, чтобы убедить человека и уберечь его от ошибки. Мне припоминается недавний случай, имевший место в 1960-61 годах, когда я командовал Приволжским военным округом.

Прокурор округа приносит мне на подпись представление Министру обороны для предания суду военного трибунала капитана военно-воздушных сил «Х», который категорически отказался ехать к новому месту службы по своим личным соображениям.

Спрашиваю, кто с ним говорил? «Все», — отвечает прокурор. Вызываю командующего ВВС округа генерала Цедрик и задаю тот же вопрос.

— Его даже вызывал в Москву Маршал Вершинин. Разговаривали с ним все. Всем заявил: «Не поеду», — докладывает генерал Цедрик.

Рука потянулась к ручке, чтобы подписать представление, но... на полпути остановилась.

«А ведь я сам с ним не разговаривал...», — подумал я. И снова вспомнилась беседа с комиссаром Бабичем в Крыму.

И, уже не колеблясь, я положил ручку на стол и приказал:

— Вызвать ко мне капитана «Х».

На другой день он явился. Спрашиваю:

— В чем дело? — И тут же рассказал ему свои колебания с направлением его дела Министру обороны. Одновременно рассказал ему и о моем случае в Крыму, и о том, что благодаря комиссару,

его человечности, я оказался не в тюрьме, а нормально продолжал службу в армии, дослужившись до высокого поста — командующего войсками округа.

Спустя полчаса капитан «Х» встал и сказал:

— Спасибо, товарищ командующий, за науку. Я сам, видимо, не подумал как следует.

— Ну, вот и хорошо, — сказал я.

Но за попытку к отказу отсидите на гауптвахте десять суток, а потом поедете к месту новой службы.

— Слушаюсь, товарищ командующий! — И четким шагом капитан «Х» вышел из моего кабинета.

Так урок комиссара Бабича оказался полезным не только для меня. Иногда я задавал себе вопрос — как мог узнать комиссар Бабич все обо мне и подготовить мне такую встречу. Ответил мне на этот вопрос мой товарищ по кавкурсам Петр Сысоевич Ильин — ныне генерал-майор в отставке, потерявший ногу в Великой Отечественной войне. И ответил он мне только в июле 1962 года, спустя сорок лет, у себя дома, в Киеве, где я навестил его.

Оказалось, что это он, будучи председателем ячейки РКП (б) и РКИ (рабоче-крестьянской инспекции) на курсах, наблюдая мои похождения, пошел к комиссару Бабичу и проинформировал его о моей особе. Он дал мне характеристику, зная меня по Белой Церкви.

ГЛАВА 5

Жизнь на Крымских кавкурсах вообще была богата всякими событиями, совершенно разными по своему характеру, значению в политике и в быту, но все они были крайне динамичными, бурными и волновали своей романтикой. Так, весной 1923 года у нас пронесся новый, взволновавший всех, слух.

— Братва! Слыхали?.. У нас будут производиться киносъемки какой-то картины. Бригада для съемок уже едет к нам с аппаратурой, — передавалось от одного к другому.

Каждый из нас гадал, что это будет за картина? Кто и как будет в ней участвовать?

Но вот приехали и виновники беспокойства. Состав всех трех эскадронов и пулеметной команды был собран на плацу. Режиссеры объяснили, что будет сниматься кинокартина под названием «Банда батьки Кныша». В одном из эпизодов этой картины надо изобразить конный бой красной конницы с бандой. В этом эпизоде будут участвовать все эскадроны и пулеметная команда.

Далее уже разъясняли наши командиры эскадронов. Мы должны были действовать так: 2-й эскадрон и часть пулеметной команды, пересаженная на

гражданские брички, должны были изображать банду, соответственно переодевшись для этого, а 1-й и 3-й эскадроны с остальной частью пулеметной команды — красную конницу.

Началась подготовка, особенно во 2-м эскадроне — им вель нужно было добыть обрезы, одежду.

Физрук курсов, только что прибывший на эту должность, конником не был, но очень хотел участвовать в этой съемке. Он упрашивал вахмистров и командиров 1-го и 3-го эскадронов, но безрезультатно.

— Куда тебя брать? — говорили ему. — Ты ведь на лошади будешь сидеть, как собака на заборе, и за луку будешь держаться, да еще в атаке «мама» будешь кричать... — и со смехом его выпроваживали.

Зато во 2-м эскадроне физрука ждала полная удача.

— Пусть, — согласился командир эскадрона, — он ведь будет в «банде», пусть сидит, как сумеет. Дайте ему коня помирнее и шашку, — распорядился в заключение командир.

Утро следующего дня застало нас в исходном положении для съемок. Красные и «бандиты», разъединенные 2-3-х километровым расстоянием, изображали отдых на стоянке. По общему сигналу «Тревога» обе стороны должны были быстро подтянуть подгруппы, вложить в рот лошадям трензеля, вскочить на коня и мчаться в атаку друг на друга, обнажив шашки. А «бандиты» еще должны были на скаку стрелять из обрестов.

Удары шашками мы должны были наносить друг другу только плашмя и отражать их специальными приемами. Все это было усвоено нами. Съемочные камеры были направлены на стоянки сторон и на середину между сторонами, т. е. примерно в то место, где по расчетам должны были встретиться атакующие стороны.

Участники съемок нервничают в ожидании сигнала. Уже подан предупреждающий сигнал на трубе «Внимание!»

— Тра-та-та-та, та-та... — слышался сигнал боевой тревоги. Все бросились к своим коням.

— Садись!.. — слышалась протяжная команда.

Через две-три минуты стороны уже мчались друг другу навстречу, махая на скаку шашками.

Физрук тоже мчится в атаку, вытаращив глаза. Он дико озирается по сторонам, судорожно ухватившись обеими руками за переднюю луку седла.

Чувство безрассудного азарта, которое полностью захватывает коней и всадников, мчащихся в атаку, охватило всех, и теперь физрук уже перестал держаться обеими руками за луку седла

и держится одной левой, а правой выхватывает из ножен шашку и неумело начинает ею махать вокруг себя. Рядом, на полкорпуса впереди, мчится всадник «Х» и делается жертвой «лихости» физрука... Кровь хлещет из разрубленной щеки, курсант «Х», почувствовав на губах соленый привкус крови, звереет и забывает, что он идет в атаку не на врага, дико вращает белками глаз...

— Зарублю... — хрипит он. Скачущие рядом пытаются его обезоружить, образуется клубок всадников, лошадей. Хрип, ругань, стоны, лязг железа слышатся вокруг. И все это происходит в секторе съемок киносъемочных камер третьей группы. Режиссеры в восторге. Бой получается настоящий, «актеры» уже не играют, а живут!

Но творческая радость режиссуры была преждевременной. Налетевшие новые группы всадников с обеих сторон разносят «в пух и прах» всю третью киносъемочную группу, невольно попавшую в центр неожиданно образовавшейся свалки.

Через пять-десять минут на поле «битвы» можно было наблюдать весьма нерадостную картину, деталью которой была растоптанная на земле киносъемочная аппаратура и метавшийся по полю в своем экипаже, в черкеске, но без шапки начальник курсов Шейдеман, который в отчаянии схватился руками за голову.

Так закончился наш «дебют» в кино-съемках. Я так до сих пор и не знаю, вышла эта картина в свет или нет.

Этот год принес до сих пор неведомое мне новое ощущение и внес смятение в мои мысли, чувства, перепутал ясное и четкое представление о жизни и вселил страх перед чем-то неведомым и в то же время очень любопытным. Если бы об этом писал писатель, то, видимо, историю, которую я хочу здесь поведать, назвал бы романом со всеми лирическими подробностями. Я это романом назвать не могу, а как назвать это, пусть читатели судят сами.

Однажды, в воскресенье, я пришел в курсовой клуб, расположенный рядом, на спевку самодеятельного мужского курсантского хора. После хора должен был быть вечер танцев, на который уже начали собираться приглашенные курсантами знакомые девушки. Они пробрались в зал, где шла спевка, и внимательно следили за ней.

Когда репетировали всем известную украинскую песню «Заковала та сива зозуля», я солировал:

По синему морю байдаки пид витром гулають

Братив щоб рятуваты запорожцы чим свит поспешають...

До конца репетиции я чувствовал на себе пристальные взгляды сидевшей в средних рядах блондинки с весьма милостивым лицом и высокой прической типа пушкинской Татьяны.

Мною овладело смятение. Я не знал, куда мне деваться от ее взглядов. Я чувствовал, как краска заливала мое лицо. Если бы мне пришлось повторить соло, я бы уже не смог, так я был взволнован. Я чувствовал какую-то неловкость и скованность.

Репетиция окончилась. Все ринулись со сцены, спеша к выходу. По дороге меня подхватил под руку мой друг по хору — баритон Авдеев и заставил сесть рядом с собой на скамейку у стены.

— Куда торопишься? Давай поглазем на публику, да и на девчат посмотрим. Смотри, какие тут красавицы есть. Ты ведь умеешь танцевать? Умеешь, я знаю, вот и потанцуй с кем-нибудь, а я посмотрю, — уговаривал меня приятель.

Любители танцев уже убрали скамейки и очистили середину зала. На сцене расположился курсовой оркестр.

Раздались волнующие звуки старинного вальса «На сопках Маньчжурии». По сторонам оглянуться не решаюсь, чтобы не встретить глаз незнакомки.

И вдруг... скорее почувствовал, чем увидел, что она идет, идет прямо на нас. Я испугался. Бежать? Но было уже поздно.

— Я думаю, вы не откажете мне в этом танце? — сказала она, протягивая мне руки, ласково и дружелюбно взглянув мне в глаза.

Я неуклюже поднялся. Не помню, что ей ответил, но видно что-то несуразное. Ободряюще улыбнувшись, она решительно потянула меня в круг.

Вальс я танцевал всегда неплохо, но на этот раз ноги у меня оказались деревянными, и я еле-еле их передвигал. Мое смущение увеличивалось еще тем, что она оказалась чуть выше меня ростом и старше меня, как выяснилось, почти на два года, к тому же до нас доносились остроты в наш адрес танцующих рядом курсантов.

Конечно, это был не последний наш совместный танец на этом вечере. Я проводил Олю домой. Она оказалась дочерью железнодорожника, чуть ли не начальника станции Симферополь, и жила недалеко от курсов. Оля мне очень нравилась, но о чем говорить и как себя с ней вести, я не знал. Это настолько меня удивило, что я стал избегать встречи с ней.

...Как-то однажды стою я часовым у входных ворот на курсы, держась правой рукой за эфес шашки. Взглянув

вдоль улицы, я вздрогнул от неожиданности. К воротам подходит улыбающаяся Оля... Умоляю ее уйти, объясняю, что нельзя разговаривать на посту, она, улыбаясь, говорит:

— Нет, Андрей, я не уйду. Здесь ведь люди проходят, и я могу ходить. Никто мне этого не запретит.

Так она и ходила до самой моей смены.

Такие хождения стали частыми. Их заметили многие курсанты, сделал меня объектом бесконечных шуток и острот, что порой доводило меня до бешенства. Это отразилось и на моем отношении к Оле. Появилось раздражение, доходящее порой до ненависти к ней. Она это почувствовала, и в ее обращении ко мне появилась робость.

Спустя несколько лет, вспоминая все это, мне пришлось пережить немало минут раскаяния. Было очень жаль Олю, которая так была мне предана. Ее чувства ко мне были, вероятно, более глубокими, чем мог тогда думать и понимать курсант-юнец. Особенно я «казнился» при воспоминании о таком эпизоде:

— Андрюшенька! Я вчера прождала целый день у ворот в надежде тебя увидеть. Да и хотела уговорить тебя что-нибудь покушать. Разве я не вижу, какой ты худой, от ветра качаешься. У меня аж сердце разрывается.

Она действительно не раз приносила мне еду и уговаривала хоть что-нибудь скушать, но я из гордости и самолюбия ни разу ничего у нее не взял — боялся насмешек товарищей. А она от этого очень страдала.

— И вот вчера, — продолжала Оля, — пока я здесь ходила, бросив квартиру, в которой никого не было, забралась воры и унесли все ценные вещи. Завтра приезжают родители из гостей, а я даже не знаю, что им сказать. — Оля заплакала.

— А кто тебя просил «дежурить» здесь? — задал я ей жестокий вопрос. — Что ты ходишь за мной? Я тебе ничем не обязан, с тобой нигде не гулял, а ребята смеются надо мной.

Оля промолчала. Укоризненно посмотрела на меня и... ушла.

Этого взгляда, полного горькой обиды, я долго не мог забыть. Лишь много позже я понял, каким другом для меня была Оля. А я, как всякий мальчишка, не мог понять и оценить этого.

Оля больше никогда не встречалась мне на жизненном пути, и не знаю, где и как она прожила последующие годы, а их прошло немало; и не пришлось мне сказать ей о том, как глубоко я почувствовал и тяжело пережил свою черствость и бестактность по отношению к ней. Не скрою, что спустя десять лет я дважды пытался найти ее в Симферополе, но каждый раз мне отвечали, что «таковой в городе не значится».

Осенью 1923 года был произведен очередной выпуск краскомов в конницу, а нас, подлежащих к выпуску весной 1924 года, отправили по другим кавалерийским военным учебным заведениям. В числе небольшой группы попал я в город Елизаветград в 5-ю кавалерийскую школу, недавно переформированную из кавалерийских курсов Первой конной армии. Курсант Кошевой Петр Кириллович, учившийся на наших курсах, ныне генерал-полковник, командующий войсками Киевского военного округа, уехал к своим червонным казакам, но через год приехал к нам в Елизаветград, в нашу кавалерийскую школу, окончив ее годом позже меня.

А. А. Гречко, тоже наш курсант, уехал в Таганрогскую кавалерийскую школу, а после ее расформирования в 1924 году был направлен для продолжения учебы в Краснодарскую кавалерийскую школу. Так мы, «крымчане», разбрелись по всей стране, по многим учебным заведениям, чтобы добиться своей цели и стать красными командирами.

ГЛАВА 6

В холодную ноябрьскую ночь поезд приближался к станции Елизаветград. Вдали показались неяркие огни ночного города.

Поезд, лязгая буферами, остановился после завершающего толчка, от которого многие из нас в вагонах повалились друг на друга.

Вышли на перрон. Ночь, холод невыносимый.

Снега не видно, но мороз—градусов восемнадцать-двадцать, да еще при ветре, крепко давал себя чувствовать.

— Бр-р-р... у-ух, ну и собачий холод. — слышатся возгласы.

Построились. Началась перекличка по списку. Время тянется медленно. Хотим есть, а главное, наши трофейные английские табачного цвета шинелишки не выдерживают русского холода. Замерзли порядком. Не один из нас вспомнил теплую крымскую осень, и не один из нас о ней пожалел.

Наконец все формальности кончились, и нас повели в школу, которая размещалась недалеко от вокзала. Под жильё и учебные классы школа занимала, в основном, одно здание. Остальные здания, в том числе и манеж для верховой езды, были разбиты во время боев в годы гражданской войны, и от них остались только одни каменные коробки без крыш.

При разбивке, на второй день по прибытии с вокзала, я попал во 2-й взвод 1-го эскадрона, которым командовал

Глушенков, бывший вахмистр царской армии.

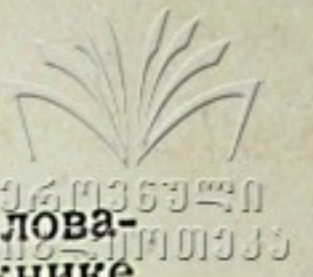
Разница между 1-ми Крымскими кавалерийскими курсами и 5-й кавалерийской школой сразу же резко дала себя почувствовать.

Преподавательский состав школы состоял из высокообразованных специалистов военных и общеобразовательных дисциплин. Все педагоги были в прошлом преподаватели юнкерского кавалерийского училища. Преподаватели военных дисциплин, в прошлом офицеры и генералы, относились к нам сдержанно, присматривались изучающе и ничем не выказывали ни своего расположения к нам, ни неприязни, но делали свое дело — передавали нам знания добросовестно. К таким относились товарищ Патер — преподаватель фортификации, преподаватель военной администрации бывший генерал или полковник Генерального штаба Левин и другие. Один только преподаватель тактики бывший генерал Ротштейн старался казаться «своим в доску», всегда с нами заигрывал, шутил, устанавливал ланибратские отношения, но вел свои занятия не всегда толково и не на высоком методическом уровне. Мы звали его за глаза «белым бароном» (видимо, за высокий рост и худощавость, а, может, потому, что он был совершенно седым).

Преподаватели общеобразовательных дисциплин были более демократичными и более душевными, особенно Еленевский, преподаватель русского языка и литературы, и математик Грузинов. Это были замечательные люди, которые с любовью, добросовестно учили нас и относились к нам с большим уважением. (Позже они стали жертвами репрессий в годы культа личности, как и многие другие.) Некоторые из нас бывали у них дома в порядке получения дополнительных консультаций, а иногда и в качестве гостей. Они нам подробно рассказывали о жизни и учебе юнкеров, о их кутежах, безобразиях, дуэлях, о нелепости их ритуалов и т. д.

В начале 1924 года был арестован начальник школы Соседов, бывший полковник царской армии. Толком никто не знал, за что его арестовали. Были слухи, что за связь с бандами: якобы, одной из банд руководил родной брат жены Соседова, тоже бывший офицер старой армии. Мы, правда, мало верили в это, так как Соседов искренне и хорошо относился к нам и мы его уважали. Как позже стало известно, Соседова реабилитировали, и он командовал бригадой где-то в Средней Азии.

Вместо Соседова начальником школы был назначен один из героев гражданской войны, награжденный двумя орденами Красного Знамени и оружием с

орденом Красного Знамени (серебряной шашкой), командир дивизии Червоного казачьего корпуса — Шмидт¹.

ГЛАВА 7

В коннице всегда любили рассказывать о боевом друге бойца — коне.

И действительно, кони — это очень умные животные, о которых стоит не только рассказывать, но и книги писать.

Вот и мне хочется кое-что поведать о своем коне Витольде.

За время учебы в 5-й школе мне пришлось ездить на двух конях. На одном ездил до 1925 года. Этот конь ничем не был приметен. Весной 1925 года мне вручили крупного коня темно-гнедой, почти вороной масти по кличке «Витольд».

Несмотря на то, что был он несколько тяжеловат для строевого типа коня, Витольд был очень красив, с хорошим характером, охотно брал препятствия и прекрасно шел на рубку. Витольд не капризничал, без толку не горячился. Он был хорошо управляем, а когда я пускал его в карьер для поражения целей шашкой или пикой, он шел как струна, не виляя, благодаря чему я мог метко поражать цели. Из-за таких качеств коня его хозяин редко не занимал первых мест на состязаниях. Мы очень быстро с ним сдружились. Он охотно шел на мой зов, и, когда на походе мы спешивались и вели коней в поводу, я никогда не вел его за повод, и Витольд следовал за мной, не отходя и не отклоняясь ни на шаг.

В школе, летом на плацу, а зимой в закрытом манеже, каждое воскресенье проводились конные состязания при свободном доступе в манеж горожан. Среди зрителей всегда было много наших знакомых и близких.

В одно из таких воскресений проходило очередное соревнование в манеже. Объявили перерыв. Группа курсантов с лошадьми стоит на очереди в предманежнике, в том числе и я с Витольдом. Напротив предманежника у противоположной стены на эстраде разместились школьный духовой оркестр. Музыканты, пользуясь перерывом, спустились с эстрады к знакомым покурить, побеседовать. Некурящий капельмейстер, с которым у меня были приятельские отношения, сидя на эстраде, сделал мне приветственный знак. Ответив на него, набрасываю повод на шею коня и приказываю:

— Витольд, стой! — и двинулся через манеж на эстраду.

¹ Он тоже спустя 12 лет был арестован и расстрелян в период культа личности.

Перебросившись несколькими словами, мы услышали в предманежнике шум, ржание лошадей, глухие удары копыт. Вижу, что это мой Витольд задними ногами лупит другого коня, который пытается укусить его за шею. Это же видит помощник командира эскадрона Карпов. Он кричит:

— Стученко! Ты что бросил коня, приведи этого дурака в порядок!

— Витольд! — кричу я. Витольд, приняв мой крик за зов, бросился ко мне. Проломив легкую перекладину, преграждавшую путь в манеж, конь в два прыжка оказался на эстраде. От этого вторжения на эстраду скамьи с трубами летят и падают на землю... Бью Витольда по морде, но конь, не привыкший к такому обращению, возмущается и становится на дыбы (дает свечку), сваливает остальные музыкальные инструменты, топча их копытами.

Не надо обладать большим воображением, чтобы представить себе, какой разыгрался скандал. Мне за него пришлось поплатиться тремя внеочередными нарядами.

Январь 1924 года на Украине был особенно холодным и, как бывает при больших холодах в средней полосе, малоснежным.

В один из таких холодных дней, закончив вечернюю уборку лошадей, спешим в казарму. У входа стоит дежурный по эскадрону, бывший «червоный казак», отвоевавший всю гражданскую войну, Гиге. Несмотря на сильный мороз, он стоит без шинели на нижней ступеньке крыльца, прислонившись головой к косяку двери, закрыв лицо руками, и все его тело как-то странно содрогается. После команды «Разойдись!» бросаемся к нему.

— Гиге! — кричим. — Что ты? Смеешься или плачешь, что с тобой?

Гиге поворачивает к нам залитое слезами и перекошенное лицо. Долго силится что-то сказать и наконец с трудом выговаривает:

— Ленин... Ленин... Ленин... умер! Последнее слово он выкрикивает и снова отворачивает лицо.

— Как умер? Ты что, с ума сошел? Кто тебе это сказал? — Мы ринулись в казармы.

Через час в клубе школы мы слушали горькую весть, в которую мы не могли поверить всем своим существом. Наш разум не воспринимал эту потрясающе ужасную весть. Ленина нет с нами... Ушел Ленин... Как же, как мы будем без него? И удушающий ком подкатывал к горлу.

Из клуба возвращались не строем, как обычно, а в одиночку. Шли в горь-

ком безмолвни. Что же теперь будет? Кто поведет страну, народ к коммунизму? Кто подскажет и укажет путь к нему?

Что-то хотелось сейчас сделать такое, чтобы весь мир увидел, на что мы способны, даже потеряв Ленина. Ленина нет, нет его...

Эта мысль вновь острой иглой впиалась в мозг, в сердце, мutilа разум.

На другой день все население города, и мы вместе с ним, вышли на траурную демонстрацию. На пять минут замерла жизнь, только заводские и паровозные гудки рвали сердце на части. Казалось, кровь застыла в жилах, замерла, и никогда не возвратится жизнь. Сильный мороз как бы обострял и усиливал это тяжелое чувство. Вся страна скорбила, провожая своего вождя в последний путь.

В казармы возвращались без песен. По команде расходились, покидая строй вяло, неохотно, точно боялись оторваться друг от друга и потерять связь между собой, ослабеть в горе. В ленинском уголке, подперев руками голову, упершись локтем в край стола, сидит молча, не шевелясь, наш курсант Бойчук. Его пустой взгляд упирается в стену. Как-то странно видеть таким Бойчука — вечного балагура, шутника, весельчака, всегда тренькавшего на мандолине. От всего этого еще острее и больнее чувствовалась потеря вождя.

После смерти Ленина необычно серьезно и старательно мы принялись за свои дела. Нам казалось, что теперь без Ленина мы должны работать за двоих, за троих, так, чтобы каждый из нас имел право назвать себя ленинцем.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия, созданная Лениным, еще теснее спланивала свои ряды перед лицом большого горя, постигшего трудящихся всего мира.

* * *

Альфред Тукс, курсант выпускного класса, бывший «котовец»¹, за боевые

¹ Всю гражданскую войну он провоявал в бригаде Г. И. Котовского. По окончании Елизаветградской школы был оставлен в ней курсовым командиром. В 1934 году окончил академию им. Фрунзе и через несколько лет, еще до Великой Отечественной войны, умер.

заслуги во время гражданской войны был награжден двумя орденами Красного Знамени. Он отличался большой усидчивостью и добросовестностью в учебе и пользовался авторитетом среди всех курсантов и преподавателей школы.

На верховой езде между ним и заместителем командира эскадрона Карповым произошла стычка. Видимо, Карпов не учел, что перед ним не новобранец, а заслуженный боец, и по своему обыкновению сказал что-то едкое Туксу. Последний что-то ответил, сославшись на Котовского. Карпов не совсем уважительно отнесся к этому, и конфликт получил совершенно неожиданное развитие. Тукс, будучи очень горячим человеком, выскочил из манежа, бросив коня у здания школы, прибежал в каптерку, взял свой чемодан и извлек из него револьвер-наган. С наганом в руке Тукс побежал к манежу. Но Карпов к тому времени уже ушел из манежа, и прибежавший Тукс, не найдя его там, стал бегать по территории школы, громко требуя от всех встречных указать, где Карпов.

Друзьям удалось уговорить и обезоружить Тукса, а на другой день виновный был отчислен из школы и отправлен в корпус Котовского. Через неделю вместе с Туксом прибыл в школу сам Г. И. Котовский. В кабинете начальника разыгралась бурная сцена.

— П...п...чему, кто смел о...отчислить Тукса и за что? — гремел голос Котовского.

Далее послышался треск дерева. Это письменный стол начальника школы не выдержал излишнего гнева Котовского. Кулак его остался невредим, а стол пришлось отправлять в ремонт.

После этой бурной сцены Котовский прошел в классы, в спальные помещения, в столовую, на манеж, всюду побывал. Остывший от гнева, он тепло разговаривал с курсантами, особенно с котовцами, расспрашивая их обо всем. Григорий Иванович, успокоенный, уехал, оставив Тукса заканчивать учебу в школе.

Нужно представить себе, как переживали котовцы, когда летом 1925 года пришла страшная, потрясшая своей нелепостью весть об убийстве Г. И. Котовского. Большая делегация, в основном из котовцев, была отправлена для отдания последней чести легендарному полководцу красной конницы.

Продолжение следует

Михаил ДАВИТАШВИЛИ

Эликсир плодородия

Это было более полувека тому назад — Важа Пшавела с пшавскими пастухами спустился с гор в Ширакскую степь. Она очаровала, околдовала поэта своим раздольем, буйными травами. И возникла у него мысль — возродить тучные земли этой древней житницы Грузии, которую частые нашествия чужеземных завоевателей разорили дотла. По почину поэта выросли вскоре здесь три селения: Земо-Кеди, Квемо-Кеди и Архилос-кало. И ожила ширакская степь...

Я вспомнил это сегодня, в дни, когда она стала именинницей. Никогда еще наша республика не продавала столько хлеба государству, как в прошлом, 1963 году, пятом году семилетки. Грузинские хлеборобы вырастили 43 миллиона пудов зерна и из них более 12 миллионов пудов засыпали в закрома Родины. И среди них свыше двух миллионов золотистой ширакской пшеницы.

— Пшеница? О какой пшенице может идти речь в Грузии? Чай, виноград и фрукты — вот, что характерно для нее, — можно услышать иной раз.

Для таких «знатоков» экономики наиболее убедительным свидетельством их неправоты, очевидно, будут статистические данные, которые я здесь привожу. В нашей республике 68 процентов общего количества посевных площадей приходится на зерновые культуры, которые распространены во всех районах Грузии. И если в восточных районах основной зерновой культурой является пшеница, то в западных — кукуруза.

Декабрь 1963 года — пятого года семилетки войдет в историю как веха огромного значения. Глава Коммунистической партии и Советского правительства Н. С. Хрущев, выступая на Пленуме ЦК КПСС с докладом «Ускоренное развитие химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа», образно назвал химизацию «революцией в сельском хозяйстве». И как метко, на мой взгляд, мудро, было замечено относительно крылатых слов Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», что сегодня, если бы был жив Владимир Ильич, то сказал бы, видимо, так: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства».

Каждый Пленум Центрального Комитета нашей родной Коммунистической партии Советского Союза является большим событием в жизни партии и народа. Декабрьский Пленум займет особое место, как Пленум, выработавший грандиозную программу развития в стране Большой химии — одной из наиболее прогрессивных отраслей экономики, позволяющей ускорить создание материально-технической базы коммунизма.

Новый стимул к ускоренному движению к коммунизму — вот, что означают, образно говоря, решения декабрьского Пленума ЦК КПСС.

— Химия — это чудеса, — сказал академик В. Каргин. Вот благодаря этим

чудесам сейчас и произойдут поистине революционные преобразования в сельском хозяйстве. Не случайно участник Пленума председатель колхоза имени Джапаридзе Сигнахского производственного управления Нико Кочиашвили, накопивший ценный опыт применения удобрений, недавно сказал:

— Партия призвала нас взять на вооружение химию. Этим оружием мы проложим путь к коммунистическому изобилию.

...Эликсир плодородия — такое выражение прочел я в одной из многих статей о минеральных удобрениях. Оно привлекло внимание своей конкретной выразительностью. В самом деле, как лучше и ярче назвать те порошки и камешки, те гранулы, которые, будучи брошенными в землю умелой рукой хлебороба, дают такой замечательный эффект? Я не буду пересказывать, какую прибавку урожая дают минеральные удобрения. В последнее время об этом много пишут. Хочу коснуться лишь некоторых близких нам культур. Так, например, давно уже известно, что для чайного листа органические и минеральные удобрения — поистине драгоценный дар. Средняя урожайность одного гектара чайной плантации без внесения удобрений не превышает 1 000-1 200 килограммов, а при внесении полной дозы удобрений, рекомендуемых агроправилами, достигает четырех, а то и пяти-семи тысяч килограммов на гектар, т. е. в четыре-семь раз больше. Можно с уверенностью сказать, что та большая победа, которой добились чаеводы республики, собравшие в прошлом году 186 тысяч тонн высококачественного чайного листа, достигнута в значительной степени благодаря умелому применению минеральных удобрений.

В 1963 году средний урожай пшеницы по Грузии составил примерно 12 центнеров с гектара, в то время как в колхозе имени Джапаридзе, расположенном в Ширакской степи на неполивных землях, с площади более чем в 2 000 гектаров, использовав удобрения, собрали по 30 центнеров зерна. Практика свидетельствует, что в Грузии при внесении удобрений на орошаемых землях обычным должен стать богатырский урожай в 50-60 центнеров пшеницы с гектара. А кукурузы после применения химизации можно получать в 3-4 раза больше.

Союз земли и химии — ключ к изобилию. Другим союзником высоких урожаев является орошение. На совещании работников сельского хозяйства Северного Кавказа Никита Сергеевич Хрущев посоветовал хлеборобам Грузии выделить под урожай 1964 года 130 тысяч гектаров орошаемых земель. По

мере ввода новых оросительных систем до 1970 года под зерновые будет выделено еще 150 тысяч гектаров земли. С учетом внесения полной нормы минеральных удобрений производство зерновых в нашей республике достигнет 100-110 гарантированных миллионов пудов.

Как указано в решениях исторического декабрьского Пленума ЦК КПСС, производство минеральных удобрений в нашей стране неизмеримо возрастет. Однако еще многие и многие годы потребности в нашем «добром друге», как земледельцы называют удобрения, будут превышать его потребление. И в этой связи на Пленуме совершенно справедливо большое внимание было уделено проблемам рационального использования удобрений.

Каждый центнер удобрений — это дополнительные тонны чая, винограда, пшеницы, кукурузы. Следовательно, правильное и умелое использование удобрений позволит с меньшими средствами получить большие результаты. А как у нас относятся к хранению и транспортировке удобрений? Я слышал рассказ про одного умного председателя колхоза, который приезжал на станции железных дорог и просил разрешить своими силами почистить, выровнять и утрамбовать площадки, на которые высыпали удобрения из вагонов. Этот председатель хорошо знал, как небрежно у нас хранятся порой удобрения, как часто мокнут они под дождем, выветриваются. Над ним кое-кто посмеивался, а он собирал двойные урожаи. Коль минеральные удобрения названы эликсиром плодородия, их надо беречь, умело и с максимальной пользой расходовать, а не разбрасывать «на глазок», как это у нас практикуется. Различные почвы имеют и разные запасы основных питательных веществ, кислотности. Поэтому необходимо знать «почерк» каждой почвы, чтобы, не плутая в потемках, вносить в землю столько удобрений, сколько следует.

Наукой экономичного и целенаправленного использования удобрений первыми в Грузии овладели специалисты Очхамурского чайного совхоза И. Путуридзе и Б. Голиадзе. Они справедливо решили, что заниматься земледелием вслепую нельзя. В Очхамури сотрудниками кафедры агрохимии Грузинского сельскохозяйственного института совместно с И. Путуридзе и Б. Голиадзе были составлены картограммы каждого отдельного участка в совхозе. Почвенные карты помогли очхамурским чаеводам экономить удобрения и одновременно получать рекордные урожаи чайного листа.

Только за один год, благодаря применению картограмм, в Очхамурском сов-

хозе сэкономили 105 тонн суперфосфатов и 30 тонн калийных удобрений, а урожайность чайного листа повысили в среднем на 951 килограмм с гектара! За счет сэкономленного в совхозе фосфора и калия можно удобрить не менее 150-200 гектаров посевов кукурузы. Вот вам и замечательное подтверждение огромного значения агрохимических карт для организации рационального земледелия!

Записав показатели Очхамурского совхоза себе в блокнот, я задумался. Какой большой резерв экономии получился бы, если каждый чайный совхоз и колхоз по примеру очхамурцев научился бы рационально расходовать удобрения и сберегать их. На скольких тысячах гектаров зерновых культур могли бы хлеборобы Грузии дополнительно применить минеральные удобрения и получить солидную «прибавку» урожая!

Те, кто сейчас кичится урожаями, достигнутыми с помощью внесения удобрений, могли бы при их научно-обоснованном использовании получить без всяких дополнительных затрат в два и три раза больший урожай. Между тем у нас в Грузии еще не изжито своеобразное пренебрежение к почвенным исследованиям, и это наносит большой ущерб и хозяйствам, и государству. Только отдельные колхозы и совхозы в республике имеют почвенные картограммы.

Но иметь их еще недостаточно.

Химизация сельского хозяйства настоятельно требует не только резко повысить культуру земледелия, но и овладеть всем труженикам деревни химическими знаниями. К этому призывал на Пленуме всех трудящихся и Н. С. Хрущев. Научиться правильно хранить и применять все виды удобрений — самая неотложная задача. Это хорошо поняли в артели села Саниоре Телавского производственного управления. В газете «Соплис цховреба» в дни, предшествующие Пленуму, они писали: «Давайте, товарищи, в длинные зимние вечера сядем за парты, во всех тонкостях изучим вопросы удобрения полей!» И с той поры на страницах «Соплис цховреба» организован заочный всеобуч по агрохимии; из числа крупнейших ученых агрохимиков, почвоведов, энтомологов и животноводов создан при редакции совет содействия пропаганде химических знаний в нашей республике.

За зиму каждого хлебороба необходимо обучить основам химических знаний. В шестом году семилетки массовый всеобуч должен охватить всех колхозников, и тогда в поле они выйдут как знающие, рачительные хозяева драгоценного эликсира плодородия.

Чтобы успешно решать проблемы хи-

мизации сельского хозяйства в каждом производственном колхозно-совхозном управлении, будут созданы опытные агрохимические лаборатории. Для лучшей организации химического всеобуча в деревне можно использовать опыт системы политического просвещения и подобно кабинетам политического просвещения создать в колхозах и совхозах агрохимические кабинеты на общественных началах, которые превратятся в центры распространения химических знаний на селе. Тем более, что в некоторых передовых колхозах такие агролаборатории уже созданы.

Пока в стране строятся новые химические предприятия, на сооружение которых ассигнована только в течение семи лет неслыханно громадная сумма в 42 миллиарда рублей, наши ученые многое могут сделать для повышения эффективности уже имеющихся ресурсов удобрений.

В этом отношении очень показательны опыты грузинских химиков. Они обратили особое внимание на повышение процентного содержания питательных элементов в удобрениях. В самом деле, вместе с удобрениями производятся, перевозятся и вносятся в землю миллионы тонн бросового вещества. Об этом много говорилось как в докладе, так и в выступлениях участников Пленума. Грузинские химики предложили в качестве одного из решений этой проблемы шире внедрять в практику производство жидких удобрений и прежде всего аммиачной воды. Опыты доказали, что азот аммиачной воды не сколько не уступает по своей эффективности азоту аммиачной селитры, производимой Руставским азотно-туковым заводом, и к тому же ее производство гораздо проще и значительно дешевле. При этом отпадает необходимость в строительстве цехов азотной кислоты и аммиачной селитры. Наши ученые добиваются, чтобы уже в нынешнем году на Руставском заводе началось производство аммиачной воды. Для этого не потребуется почти никаких дополнительных затрат.

Грузия — богатейшая кладовая полезных ископаемых — несомненно обладает неограниченными запасами сырья для производства удобрений. Их надо упорно искать и организовывать их разработку. Некоторые такие сырьевые ресурсы, кстати сказать, уже исследованы и изучены.

На Пленуме шел разговор о большой отдаче, получаемой от применения в виде микроудобрений марганцевых шламов. Длительные опыты кафедры агрохимии Грузинского сельскохозяйственного института, проведенные на коричневых, темно-коричневых и аллювиальных почвах, убедили, что применение

марганцевого шлама в комплексе с другими удобрениями дает прибавку урожая винограда в 10-12 центнеров, сахарной свеклы — 60 и овощей — 90 центнеров с гектара. Возрастает урожайность пшеницы и кукурузы. В нынешнем году в Чиатура войдет в строй специальная установка, способная полностью обеспечить все потребности нашей республики в марганцевых микроудобрениях.

Трудно, почти невозможно в одной статье даже перечислить проблемы развития производства удобрений, над которыми работают наши ученые. Это — большой и благородный вклад в чашу коммунистического изобилия. Задача ученых сейчас в том, чтобы результаты лабораторных испытаний и исследований быстрее внедрялись в земледельческую практику. К сожалению, путь от лабораторного стола ученого до колхозно-совхозного поля очень долог. Помню, еще в повести Георгия Гулия «Весна в Сакене» рассказывалось, как в горной деревушке Псху построили мельницу для переработки фосфоритного камня и удобрительных туков. Таких небольших фосфоритных месторождений в Грузии немало. Могу, например, назвать Лечхумское и Годоганское. Легко перерабатываемые из камней в муку фосфориты хорошо усваиваются растениями, особенно на кислых подзолистых почвах. Создать такие местные фабрики фосфоритных удобрений под силу любому колхозно-совхозному управлению нашей республики. Между тем разговоры об их создании ведутся уже много лет, однако сдвигов, как говорится, никаких.

Не могу в связи с этим не вспомнить и такие местные удобрения, имеющиеся в нашей республике в избытке, как торф, мергель, речной ил. Если их похозяйски, разумно использовать, то, как говорят специалисты, валовой выход зерна значительно возрастет. В этом вопросе нельзя не согласиться с группой ученых, обратившихся с письмом в Центральный Комитет КПСС; они справедливо указывают на слабую оснащенность сельского хозяйства складами и машинами для внесения удобрений, в силу этого страна не получает от использования удобрений и половину того, что можно иметь при хорошей организации дела. Надо строить хранилища удобрений, оснащать колхозы и совхозы специальной техникой. Для нашей республики это особо важная задача, так как надо признать, что вопросам организации агрохимической службы у нас не придавалось серьезного значения и начинать это дело надо с азав.

Дары Большой химии многое могут дать и для роста продуктивности ско-

та. В 1961 году на зональном совещании передовиков сельского хозяйства Закавказья Н. С. Хрущев поддержал предложение Д. Гусейнова о широком использовании нефтяного ростового вещества НРВ в качестве стимулятора роста. Это вещество не только увеличивает продуктивность животноводства, но и способствует увеличению коэффициента использования минеральных удобрений растениями на 15-20 процентов. Наш сосед — братский Азербайджан в состоянии полностью обеспечить все потребности республики в этом веществе.

Интересные работы по органическому синтезу веществ, являющихся энергичными стимуляторами роста, проводятся на кафедре органического синтеза Тбилисского государственного университета. Как видит читатель, в нашей республике делается очень многое для претворения в жизнь проблемы химизации сельского хозяйства. Конечно, это только первые шаги. Еще больше предстоит сделать.

В феврале нынешнего года, сообщил в своем заключительном слове на декабрьском Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев, будет созван специальный Пленум Центрального Комитета, на котором предстоит заслушать доклад министра сельского хозяйства И. П. Волоченко; на этом Пленуме получат подробное освещение актуальные вопросы развития сельскохозяйственного производства. Но и на декабрьском Пленуме шел большой разговор о развитии земледелия и, в частности, о такой важной народнохозяйственной проблеме получения гарантированных урожаев, как орошаемое земледелие.

Для засушливых районов Грузии орошение имеет громадное значение. Можно предположить, что на февральском Пленуме ЦК КПСС будут решены кардинальные проблемы широкого развития орошаемого земледелия в нашей стране. На развитие ирригационных сооружений в Советском Союзе Третьей сессией Верховного Совета СССР предусмотрены на 1964-1965 годы значительные средства. Но в области орошаемого земледелия наши колхозы и совхозы многое могут сделать своими силами.

В заключительной речи на декабрьском Пленуме ЦК Н. С. Хрущев призвал южан с этой целью шире применять опыт совхоза «Кубанец», который, используя природные возможности, своими средствами организовал у себя орошение и добился хороших устойчивых урожаев кукурузы.

У нас в республике есть свои энтузиасты местного орошаемого земледелия — это колхозники Кварельского колхозно-совхозного производственного

управления. Орошая поля своими средствами, строя небольшие плотины и каналы, они повышают урожайность полей. Но кто, какой писатель или журналист ярко и красочно рассказал об этой народной инициативе? Были небольшие информации в газетах, и все. А трудовой подвиг и инициатива кварельцев заслуживают большего.

В октябре прошлого года на зональном совещании работников сельского хозяйства в г. Зугдиди выступил кандидат в члены Президиума ЦК КПСС первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе. Он говорил о том, что орошение в Западной Грузии позволит на одной и той же площади выращивать по три урожая в год. Это вполне реальная задача. У нас в республике тройные урожаи выращивают многие энтузиасты. Но кто с достаточной полнотой рассказал об их замечательных делах? А ведь такое знакомство помогло бы перейти от отдельных опытов выращивания двойных и тройных урожаев к массовым производственным посевам.

— Показать самым широким кругам советских людей огромные возможности, которые открывает перед нами химия, — долг художников слова, работников кино, газет и журналов, — сказал на Пленуме Никита Сергеевич Хрущев.

Прошедший 1963 год, пятый год семилетки, был трудным для сельского хозяйства, но посмотрите, каким урожайным годом славных свершений наших тружеников явился он! Центральный Комитет КПСС и Советское правительство трижды приветствовали рабочий класс, славное колхозное крестьянство и интеллигенцию нашей республики за замечательные трудовые достижения.

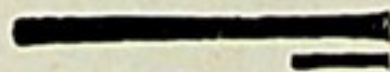
Первыми получили приветствие чаеводы. Мир не знает таких высоких урожаев зеленого чайного листа, которого добились они. Ни у кого в мире, кроме нас, нет таких чайных машин, которые создали наши конструкторы. В исторически короткие сроки наша республика стала самой передовой в мире чаеводческой страной.

Второе приветствие получили грузинские хлеборобы. Никогда еще наша республика не засыпала в закрома государства столько зерна. И это несмотря на трудные погодные условия. Хорошо потрудились наши хлеборобы, а впереди у них годы напряженной борьбы за большой урожай зерновых. Кому же, как не нашим писателям и поэтам, художникам, всей творческой интеллигенции прославлять и воодушевлять их на новые трудовые подвиги?

Третье приветствие получили строители и химики. Центральный Комитет КПСС и Советское правительство приветствовали их в связи с замечательной трудовой победой — введением в строй комплекса цехов по производству капролактама — ценного сырья для получения синтетических волокон, корда и других необходимых для народного хозяйства товаров, а также дополнительных мощностей по производству минеральных удобрений. Руставский азотно-туковый завод становится в ряд химических гигантов нашей страны. А впереди еще стройки новых химических гигантов. Грузия индустриальная вписывает в свою характеристику еще одну веху. К таким отраслям ее тяжелой индустрии, как металлургическая, машиностроительная, электротехническая и другие прибавляется Большая химия. Уже в 1965 году в Рустави вступит в строй завод-гигант синтетического волокна.

Многое уже сделано, но впереди еще большие свершения и большой поход всего грузинского народа за химизацию народного хозяйства своей республики; нам предстоит еще внести свой достойный вклад в великое дело создания материально-технической базы коммунизма.

Решения декабрьского Пленума нацеливают наших творческих работников на работу над большой гражданской темой, на глубокое проникновение в жизнь, во внутренний мир людей, героически сражающихся за коммунизм на его передовом, ударном фронте.

Щедрость таланта

Предлагаемые журналом «Литературная Грузия» вниманию читателей впервые публикуемые высказывания самых разных по убеждениям и вкусам людей о творчестве Ладо Гудиашвили являются лишь частью обширного материала, накопившегося главным образом в связи с большой выставкой художника, состоявшейся в 1957 году в Тбилиси и Москве.

В подборку вошли также отдельные высказывания посетителей Музея искусств Грузии, где экспонируются некоторые произведения Ладо Гудиашвили, а также квартиры художника, которая сама по себе является изрядной достопримечательностью, как хранилище произведений автора, очаг редкого гостеприимства радушных хозяев.

Из разрозненных высказываний не составишь полного впечатления, в особенности о таком художнике, каким является Ладо Гудиашвили. Но одно чувство, пронизывающее все эти фрагменты, — чувство благодарности художнику за открытие нового уголка мира прекрасного, видимо, и побудило журнал к их опубликованию.

Мы приветствуем это. Мы также рады приветствовать нашего чуткого, как бы вечно трепещущего, воспламененного неугасимым огнем созидания, скромнейшего человека, нашего Ладо, изумительное творчество которого стало гордостью и национальным достоянием грузинского советского народа.

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
 министр культуры Грузинской ССР.

Деятели литературы и искусства о Ладо Гудиашвили

Сент-Бев писал, что путешествия расширяют кругозор... И если я приглашаю вас совершить длительное путешествие в творчество грузина-художника Ладо Гудиашвили, то это не только потому, что оно удовлетворит нашу склонность к пластичности... но еще и для того, чтобы развить нашу восприимчивость к прекрасному, нашу щедрость в понимании самой изысканной красоты...

Я спрашиваю себя: что я знаю о Грузии? Прежде всего, кажется, что эта таинственная страна очень далека. Если я верно сохранил в памяти мои детские путешествия по географическим картам, то Грузия должна находиться (она без сомнения там и находится) между морем, которое называется Черным (что же оно могло, доискивался я, совершить такого, чтобы его так назвали), и Каспийским морем, походившим на карте на шею и голову ставшей на дыбы лошади. Когда мы рисовали очертания этого уголка земли на детских картах, мы штриховали карандашом бумагу, чтобы изобразить горы. Это был Кавказ. Были еще розовый Тбилиси, нефтеносный Баку, порт Батуми на Черном море и, наконец, персидская граница.

Я сохранил мистическое представление о далекой Грузии, в котором перемешивались воспоминания о пестрых картах, высоких горах, странно звучащих названиях городов, об изумительных танцорах и, наконец, о войнах, облаченных в длинные черкески с разукрашенными поясами.

Самое любопытное то, что творчество Ладо Гудиашвили — такое чисто грузинское, окрашенное местным колоритом, никогда не утрированное, — не разрушило моего хрупкого представления о его стране, которое я сохранил с детства. — я искренне благодарен ему за это.

Сейчас я больше осведомлен, по крайней мере, — об этом превосходном художнике. Ладо Гудиашвили родился в Тбилиси, столице Грузии. Поначалу он

занимался сам, а затем поступил в частную академию. Знание древне-грузинской живописи, прекрасных фресок и орнаментов, как, например, монастырей Зарзма и Ошки, дало толчок к формированию его художественного вкуса...

Ладо Гудиашвили посвятил себя изучению искусства своей страны, занимался живописью, не подражая и не копируя древних мастеров. Первые же выставки произведений художника в Тбилиси выдвинули его как лучшего художника. Ему была поручена важная задача: изучение древней грузинской архитектуры и искусства. Позже ему была назначена стипендия, позволившая поехать во Францию. В Париже Гудиашвили расширил свои познания, развил свой талант, который был признан и оценен сразу же, как только он выставил свои произведения в Осеннем салоне, в Галерее Независимых, на различных выставках — будь то во Франции, в Бельгии, или в Америке... Художник добился блестящего успеха.

Рассмотрим творчество Ладо Гудиашвили. Глубоко национальное по своему колориту, оно отображает самые обыденные картины грузинской жизни. Читатели сами имеют возможность ознакомиться с этими предельно живыми, сверкающими чувствами полотнами и рисунками, часто сделанными с теплотой и юмором. Это освобождает меня от необходимости описаний, которые лишь умаляют их достоинства. И к тому же я собираюсь лишь разобратся в истоках и замыслах столь самобытного таланта Гудиашвили. Можно сказать, что при всей самобытности персонажи Ладо сохраняют в себе нечто вроде священного уважения к манере византийского искусства, что отличает грузинское искусство вообще. Однако Ладо оживляет эту манеру, подобно тому, как грузинская архитектура придает гибкость византийской.

Мое представление, или, вернее, чувство, испытываемое мной к Грузии, которое я сохраняю благодаря творчеству Ладо Гудиашвили, показывает, насколько грузинское искусство осталось самобытным, несмотря на влияния, которые ему пришлось претерпеть на протяжении веков вследствие завоеваний и опустошений. Впрочем, заметим, что, несмотря на бесчисленные бедствия и внутренние междоусобицы, жертвой которых была Грузия, она сохранила вплоть до наших дней свою самобытность, свою литературу, свой язык, свое искусство. Вот почему одна из самых больших заслуг Гудиашвили в том, что он настойчиво отстаивал национальный колорит, характеризующий каждое его произведение. Здесь заключена одна из самых интересных проблем творчества нашего художника.

Художник не должен отрекаться от своего национального темперамента — я бы сказал даже, что в приверженности к формам выражения, которые нам чужды, есть немалая доля снобизма. Это хорошо показал нам Гудиашвили. О том, что Ладо испробовал и все новейшие профессиональные достижения изобразительного искусства, достаточно красноречиво свидетельствует его творчество. Натюрморты он рисует с известным кокетством, как это любят в Париже. Некоторые из его чудесных рисунков карандашом обнаруживают склонность к идеям пластичности, забытым с древних времен, но возрожденным в наши дни. Но художник почувствовал властную необходимость творить, исходя из истоков грузинского народного искусства... Свободное владение перспективой, этим маленьким изобретением, таким же ограниченным, как три единства Аристотеля, приводит художника к вольному построению композиции. Его изящный и мощный рисунок, гибкий — без изнеженности, энергичный, но не грубый, живой, но не противоестественный. Итак, сейчас можно определить причину восторженного волнения, которое вызывает у зрителя творчество Гудиашвили. Она кроется, конечно, больше в плане эмоциональном, нежели в живописном...

В творчестве Гудиашвили понятие красочности — это не дань моде, а проистекающее из нового восприятия жизни качество искусства. Творчество Гудиашвили привлекает нас не только внешней формой. Мы чувствуем, что персонажи художника живут интенсивной, насыщенной, интересной жизнью, и это нас не удивляет, а волнует и трогает.

Возвышенное искусство Гудиашвили полностью оправдывает средства выражения, к которым прибегает художник, изысканное мастерство, которое он обнаруживает в каждом из своих полотен и рисунков, — свидетельство его зрелости как человека и как живописца. Новые истины, новые находки приходят к тем, кто имеет большое и щедрое сердце.

Ладо Гудиашвили, который смог в своем творчестве установить прочное согласие между разумом — поскольку он не пожертвовал им в угоду чему-либо иному — и побуждениями своего личного восприятия, создал самобытное и жизнестойкое искусство, которое — волнует, очаровывает и увлекает.

Морис РЕЙНАЛЬ
(Франция).

Увиденные мною картины Ладо Гудиашвили производят сильное впечатление.

Ладо Гудиашвили — один из наиболее своеобразных художников нашей многонациональной страны. Его самобытный талант связан с традициями грузинского национального искусства, и это обстоятельство придает особую ценность его творчеству.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ.

Каждая из многочисленных картин Ладо Гудиашвили приковывает к себе внимание зрителя своим глубоким замыслом, высоким мастерством и чарующим полетом художественной фантазии, выражая жизненную правду, преломленную в сознании художника-творца.

За каждой картиной — глубокий мыслитель-художник, воплотивший чудесный мир своих идей и чувств в самых разнообразных формах, своими корнями уходящих в глубины истории искусства грузинского народа. В том и состоит величие творчества Ладо Гудиашвили, что, будучи глубоко национальным, он тем самым достигает вершин общечеловеческого искусства.

В яркой, бодрой, радостной телесности — великая жизнеутверждающая сила творений Ладо Гудиашвили.

В его сатирических работах видишь неповторимого художника то с тонкой улыбкой на лице, подчас иронической, то с гневом вскрывающего человеческие слабости. И достигает он всего этого до гениальности простым мазком волшебной своей кисти.

Г. АХВЛЕДИАНИ,
академик Академии наук Грузинской ССР.

Мир

Слава художнику, который сумел выдержать единство стиля своего искусства, связанного со всей глубиной национальной традиции, с великим гением грузинской культуры. Богатство образов, глубина идейного содержания, широта диапазона, своеобразие и смелость живописных решений выделяет индивидуальность творчества Ладо Гудиашвили среди всех современных художников. Гу-

манизмом пронизаны все произведения художника, отражающие его неизменную связь с жизнью грузинского народа, несущие проповедь высоких идеалов, подчиняющих себе зрителя...

**Ж. МАЦУЛЕВИЧ,
Л. МАЦУЛЕВИЧ,**

кандидат искусствоведческих наук
(Ленинград).

Картины Ладо Гудиашвили оставляют неизгладимое впечатление. Я впервые увидел произведения большого художника-мыслителя, тематика творений которого и умение видеть безграничны, как океан. Особенно примечательны полотна «Смерть Пиросмани», портреты Д. Гурамишвили, Н. Бараташвили, Бесики, несравненные образцы графики. Всего и не перечтешь. В сокровищницу нашей национальной культуры Гудиашвили и вправду внес бесценный вклад... Он так же прекрасен и неповторим в живописи, как Сулхан-Саба Орбелиани в литературе.

Акакий БЕЛИАШВИЛИ.

С чувством восторга обозрел я маленькую часть блестящего творчества Ладо Гудиашвили, которому по праву принадлежит место среди великих художников современной эпохи.

Чрезвычайно волнуют замечательные образцы графического искусства. Обозрение каждого живописного полотна вызывает такое же волнение, какое испытываешь при входе в храм. Каждый из зрителей сумеет понять изобразительные средства Ладо Гудиашвили и вникнуть в глубину его искусства.

Джеймс ОЛДРИДЖ
(Англия).

Сегодняшний день надолго останется в нашей памяти. Своеобразный колорит, совершенство композиции и рисунка, ярко выраженная индивидуальность художника — все это подлинная гармония искусства.

**Галина УЛАНОВА,
Вадим РЫНДИН.**

Был счастлив снова познакомиться с давно знакомым и давно любимым искусством Гудиашвили. Самые сердечные пожелания и самое искреннее восхищение.

Вениамин КАВЕРИН.

Я потрясен и взволнован высочайшим мастерством — искусством Ладо Гудиашвили, которое является выражением глубокой и чистой совести художника, твердой веры в свои идеалы. Меня глубоко тронуло щедрое, горячее гостеприимство этого великолепного дома, являющегося храмом искусства. Я счаст-

Слезы

лив возможностью встретиться в обстановке столь большой человечности с высокими представителями грузинской советской культуры.

Паоло АЛАТРИ,

Генеральный секретарь Общества Италия — СССР

Я не поэт, но мне хотелось бы обладать поэтическим даром, чтобы поблагодарить чудесного художника за ту радость, которую он доставил своим необыкновенным искусством. Как хотелось бы увидеть одно из общественных зданий Тбилиси расписанным его фресками, украшенным его мозаикой.

Борис ПОЛЕВОЙ.

То щедрое и сердечное гостеприимство, которое мы, два американца, почувствовали сегодня, мы никогда не забудем.

Мы хотим принести благодарность этому дню.

Мы полюбили Грузию — по милости работ Ладо. Мы восхищены его истинным искусством, творчеством этого большого мастера. Этот день мы будем помнить всю жизнь и сочтем себя самыми богатыми людьми, если этот, уже ставший нам близким, друг посетит нас. Пусть вечно у вас царят мир и счастье.

Ваши Салли и Рокуэлл КЕНТ.

Девушка Лиана

Самый радостный и приятный визит — хорошее искусство, хорошее вино, хорошая беседа.

Это утверждает меня во мнении, которое я питаю много лет, — что художники — это лучшие хозяева.

Д. Б. ПРИСТЛИ.

Это была самая счастливая встреча из всех.

Жанетта ПРИСТЛИ.

Куда бы я ни кинул взор в поисках красоты, сердце мое говорит: «Она только здесь».

Фаиз Ахмад ФАИЗ
(Пакистан).

Я пленен вашими картинами, блистающими необыкновенной прелестью. Мне они доставили большое удовольствие...

Я не хочу говорить о своем впечатлении, произведенном на меня вашим творчеством, избитыми словами.

Я глубоко убежден, что ваше творчество — это сказочная мечта, созданная музыкой ваших красок.

Тоцуо КУРОДА.

профессор, заведующий кафедрой русской литературы Университета г. Васеда (Япония).

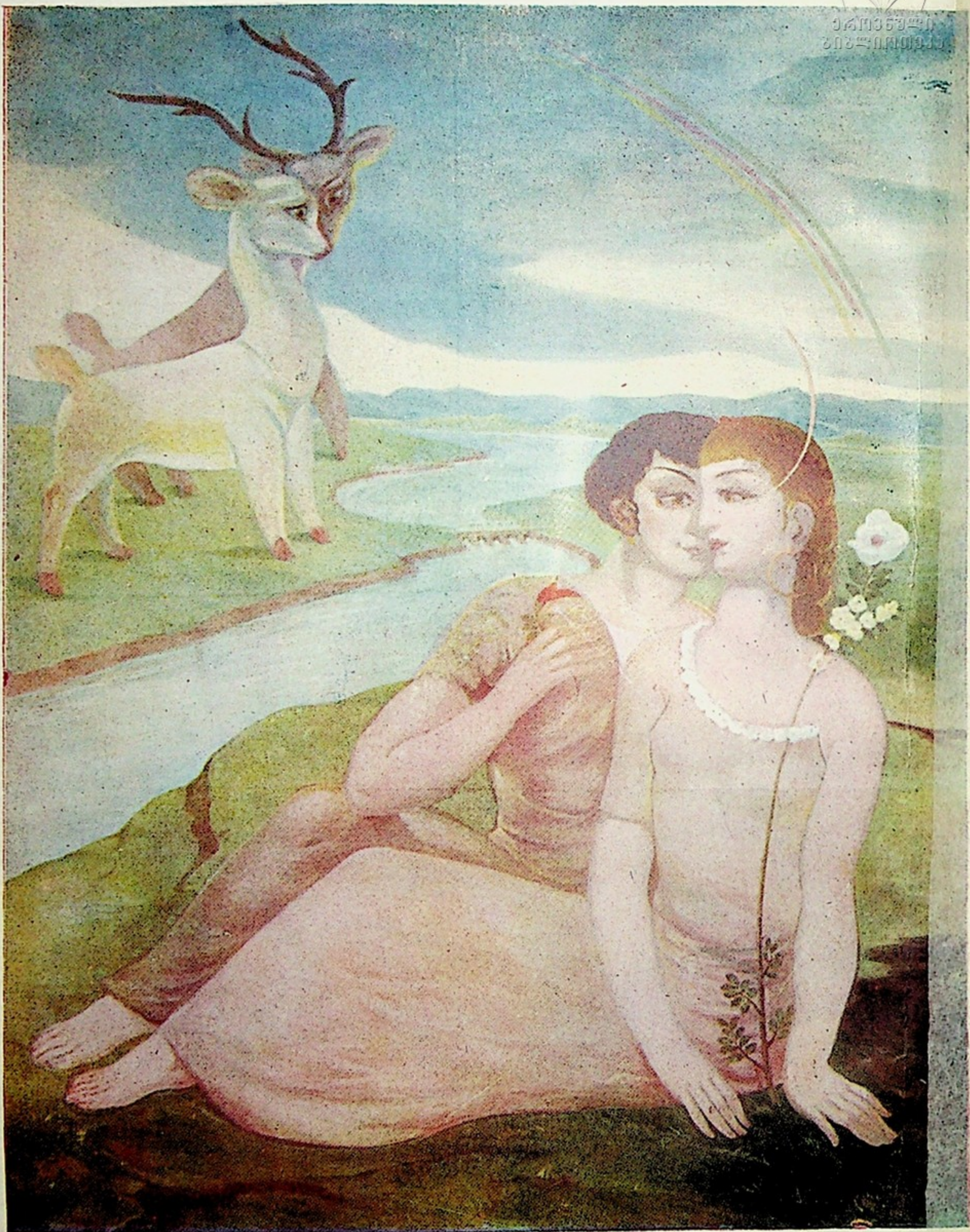
Выставка Ладо Гудиашвили не только радостное событие нашей культурной жизни, она заставляет задуматься: уже давно ни одна художественная выставка не вызывала столь огромного интереса, столь волнующую реакцию зри-

СИМФОНІЯ ЛАНЕИ

СБОРЩИЦЫ ЧАЯ

საქართველოს
სამხრეთ-აღმოსავლეთი
საგარეო ურთიერთობების
სამსახური

Ладო ГУДИАШВИЛИ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Ладო ГУДИАШВИЛИ

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

საქართველოს
საქართველოს

На нашей вкладке публикуются ре-
продукции новых работ народного ху-
дожника Грузии Ладо Гуднашвили

ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ

СТАРЫЙ ТБИЛИСИ

телей, общего восхищения. Это объясняется не только неповторимым своеобразием таланта Ладос Гудиашвили.

Выставка Гудиашвили показала, каких удивительных результатов может достичь художник, обладающий богатством внутреннего мира, когда он бескорыстно любит свое искусство, когда его искусство искренне.

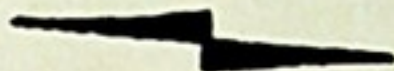
Вахтанг БЕРИДЗЕ,
заместитель директора Института истории искусств АН
Грузинской ССР.

Я считаю Л. Гудиашвили большим, очень большим художником, который славит и будет славить в веках Грузию и Советский Союз.

Марсель ЖЕРАР,
советник по вопросам культуры Посольства Франции в
СССР.

Кто не знает художника Ладос Гудиашвили, тот не знает, что такое Грузия.

Константин КРЕХЛЕР,
концертмейстер Государственного Пражского оперного театра.

Реваз ТВАРАДЗЕ

Заметки о поэтической культуре

Каждый, кто внимательно наблюдает за развитием современной грузинской поэзии, безусловно должен был заметить: работать в этой области с каждым днем становится все труднее.

У этого обстоятельства две причины.

Прежде всего в нашем сознании постепенно изменилось само понятие о «хорошем стихотворении». На протяжении последних десятилетий развитие грузинской поэзии идет так стремительно, техника стихосложения настолько обогатилась и усовершенствовалась, изобразительные средства стали столь доступны, что даже начинающие поэты демонстрируют свободное владение ими. И поэтому достижение успеха за счет одной лишь голы техники становится все менее возможным.

С другой стороны, необыкновенно вырос духовный уровень наших читателей (что, в свою очередь, является следствием роста и обогащения самой окружающей действительности) и, следовательно, возрос уровень требований, предъявляемых к поэтам и поэзии. Сегодняшний читатель не хочет удовлетворяться поэтическими творениями низкого технического уровня, но его не вводят в заблуждение и такие произведения, где форма, быть может, и близка к виртуозности, но авторы которых не могут сказать ничего нового, самобытного, до этого неизвестного и неисследованного.

Все это так, но порой названные трудности замечаются не всеми, в первую очередь — их не видят те начинающие и молодые поэты, которые плохо знакомы со спецификой литературы и психологией творчества, а также те читатели, у которых о литературе вообще и поэзии в частности создалось поверхностное представление.

Для многих начинающих и молодых поэтов характерна одна ошибка: им кажется, что их духовная потенция неисчерпаема и никогда не настанет время, когда им уже нечего будет сказать читателям. В раннем возрасте, когда восприятие внешнего и внутреннего мира происходит главным образом при посредстве эмоций, у человека нередко зарождается иллюзия, что подлинное творчество — не что иное, как обнаружение соответствующей формы для выражения этих эмоций, а также отдельных мыслей и рассуждений, представляющихся в этом возрасте чрезвычайно значительными. Но позже наступает зрелость интеллекта, личность приобретает способность рефлексии, «эмоциональный» туман понемногу рассеивается, что влечет за собой ослабление «поэтического» взгляда на мир, его утрату и, как следствие, отсутствие наблюдений, которыми хочется поделиться с людьми. Только люди, рожденные подлинными поэтами, сохраняют способность своеобразного эмоционального восприятия действительности и взгляда на мир, которая необходима для достижения вершин поэзии. Для них интеллект является не «помехой», а, наоборот, величайшим союзником.

Ибо все, что создается под влиянием одних только эмоций, вне могучего воздействия интеллекта, лишь стихоплетство, рифмотворчество и ничто иное. Кстати, именно по этой причине люди, случайно «попавшие» в поэты, всегда враждебно настроены против интеллектуальности и со страхом и растерянностью наблюдают, как с развитием рефлексии предметы и явления лишаются той привлекательной эмоциональной оболочки, которая единственно и питала их творчество.

В процессе упомянутого нами формирования личности самые добросовестные и требовательные к себе из «случайных» поэтов добровольно отказываются от стихотворства, а более упрямые и крепколюбые (да и практически!) из них продолжают неистово добиваться своего, в той или иной степени (нередко и довольно хорошо) овладевают стихотворной техникой и окончательно превращаются в литературных деяг.

Со своей стороны некоторые читатели, которые судят о поэзии легко и поверхностно, нередко не могут отличить подлинно талантливую поэзию от бездарного. Им кажется, что если стихотворение «удовлетворительно» с технической стороны, да к тому же и пробуждает определенный эмоциональный отклик, — то все уже в порядке и мы имеем дело с истинной поэзией.

Примечательно, что заблуждения подобного рода не являются уделом лишь читателя-новичка. В настоящее время такое множество стихотворцев овладело искусством изложения своих мыслей и эмоций в достаточно претенциозной форме, что даже опытному в литературных делах человеку нелегко бывает порой провести четкую грань и определить, где кончается подлинная поэзия и начинаются случайные поделки — однодневки.

Подобное положение вещей может существовать и потому, что у нас недостаточно изучены вопросы поэтической культуры. Понятие поэтической культуры для меня включает и те отношения, которые существуют между содержанием и формой, между объектом изображения и самим изображением, а также способность художника максимально гармонизировать эти отношения.

* * *

Понятие поэтической культуры имеет еще один аспект, на который в наши дни следует обратить особое внимание. Это — чувство ответственности художника, высокая требовательность к самому себе. Владелец подлинно высокой поэтической культуры должен уметь подавлять и преодолевать в себе соблазн фиксировать все свои мысли и эмоции в стихотворной форме. Далеко не все, что промелькнет перед поэтом минутным, случайным впечатлением, является предметом поэзии. То, что рождается в душе под влиянием скоропреходящего впечатления, должно быть проведено сквозь чистилище интеллекта, в противном случае конечный результат подобного рода поэзии может оказаться в лучшем случае лишь очередным образцом альбомной лирики.

Но если поэт не сможет преодолеть

искушения излить в стихах то или иное мимолетное чувство и увлечение, поскольку они, эти чувства и переживания, представляются ему значительными и интересными, он должен обладать хотя бы достаточной решительностью, чтобы отвергнуть соблазн опубликования подобных произведений, обязанных своим появлением узко-личным, случайным, минутным переживаниям. Ибо то, что тебе самому представляется важным и глубоким, может отнюдь не показаться таковым сотням и тысячам читателей.

Разумеется, в творческой практике представленная здесь схема отнюдь не осуществляется столь просто и прямолинейно. Нет точных рецептов, нелегко провести черту между ценностями интимного и общественного звучания. Часты случаи, когда узко-личная на первый взгляд лирика находит отклик в тысячах сердец (ведь были мгновения, когда Николозу Бараташвили казалось, что его «Мерани» имеет значение лишь как попытка облегчить страдания попавшего в плен дяди поэта Ильи Орбелиани). И напротив — то, что автору (и некоторым читателям) представляется адресованным массам, не может порой затронуть душевных струн даже у одного или двух почитателей.

Понятие поэтической культуры подразумевает также умение найти верный путь при разрешении этого сложного процесса.

У Галактиона Табидзе есть одно стихотворение («Только сердце...»), в котором говорится о сугубо личных переживаниях и воспоминаниях: может быть, только самому поэту говорят о чем-то значительном такие детали, как «Там вдали Алазань...» и «Двадцать второе августа девятьсот двадцать второго...». Но тем не менее стихотворение это овладело тысячами сердец. Для того, чтобы объяснить тайну этого воздействия, недостаточно просто объявить, что Галактион Табидзе владел волшебной палочкой, способной обращать в золото все, к чему она прикасается. Ясно, что величайшее значение имеет тут несравненное мастерство сочетания звуков и слов (не случайно это, как и некоторые другие стихотворения Галактиона, в переводе многое теряет, — во всяком случае в существовавших до настоящего времени переводах). Но главное все же заключается в том большом и возвышенном чувстве, берущем за душу, которое и явилось первопричиной создания этого стихотворения. Чувство это в высшей степени личное и субъективное, но, благодаря своему величию и возвышенности, оно далеко выходит за пределы субъективизма.

Да простят мне поэты, о которых пойдет речь в дальнейшем,

ибо вовсе не думаю сравнивать их таланты с величием Галактиона Табидзе. К поэзии Галактиона Табидзе пришлось обратиться лишь потому, что он общепризнан метром и мерилом грузинской поэзии XX столетия. А когда речь идет о литературных вопросах, всегда лучше ориентироваться на высокие образцы. Ведь истинной целью каждого писателя и поэта является именно приобщение к подлинной литературе!..

Поэт Александр Бегашвили пишет:

Сердце мое издавна опалял
Огонь, искрящийся из твоих глаз...
Не в радости и не на пиру,
А в горе познакомился я с тобой в Ваке¹.

Поэт Хута Гагуа рассказывает:

Я удовлетворил свою жажду поцелуя,
Интересно, отчего же она плачет?
Уходи,
Уходи,
Уходи, говорит она,
Я все расскажу матери.

Ведь нам абсолютно безразлично, сумел или нет познакомиться на кладбище в Ваке Александр Бегашвили с понравившейся ему девушкой, а также насколько успешно удовлетворил свою «жажду поцелуя» Хута Гагуа! Прежде чем решиться на опубликование (в книге!) этих стихотворений, авторам следовало бы определить, насколько интересны и волнующи для других события, несомненно важные для них самих. Никто не может запретить человеку записывать в своих дневниках все, что заблагорассудится, но надо ведь различать собственный дневник и книгу, адресованную нескольким тысячам читателей!

Здесь следует отметить одно обстоятельство. Во времена культа личности и впрямь давалось предпочтение плакатной поэзии, но именно в этот период создавали свои лирические произведения Галактион Табидзе, Георгий Леонидзе, Ираклий Абашидзе, Симон Чиковани, Григол Абашидзе и другие). Но сегодня, когда лирика обрела полную свободу выражения и признание, мы являемся свидетелями другой крайности: заметно снизилась требовательность к публикуемым произведениям как со стороны авторов, так и издательств. И количество альбомных посвящений, выдаваемых за образцы лирики, необыкновенно возросло.

В качестве примера «альбомной» лирики можно привести стихотворение того же А. Бегашвили:

¹ Все стихотворения в статье приводятся в подстрочных переводах.

Когда я тебя называю прекраснейшей,
Ты, красавица, сердисься и запрещаешь мне это...
Хорошо, я замолчу, но знай,
Что ты превосходишь всех красавиц!
Ты тотчас же взглянешь на меня сердитым
глазом.

Если я похвалю твое стройное тело.
Хорошо, я больше не решусь на похвалы,
Но знай, что ты — лань!
Когда я называю тебя красивой, очаровательной,
Я подмечаю гнев в твоих глазах.
Хорошо, я не скажу этого больше, но знаю,
Что ты всех лучше среди красивых женщин.

Примечательно: тенденция снижения требовательности к своему творчеству и вынесению произведений на суд общестественности без строгого отбора настолько усилилась, что захватила довольно значительную часть поэтов. Результатом этой тенденции и являются те стихи, которые не имеют общественного звучания и остаются лишь принадлежностью узкого круга салонных друзей поэта или даже одного его.

Чтобы яснее было, о чем идет речь, приведем еще один пример:

Пятый день среди стольких людей
Ищу я тебя так,
Как бабочку среди цветов
Ищет ребенок.

(Гиви Дзнеладзе)

Почему после чтения известных стихов Галактиона Табидзе «двадцать второе августа» и «девятое октября» становятся для читателя почти что сакральными числами? Потому, повторяю, что чувство, связанное с этими «прозаическими» деталями, столь велико, что оно не уместится в тесных границах субъективного и находит отклик у множества читателей. А «пятый день» у Гиви Дзнеладзе остается никому, кроме автора, ничего не говорящей подробностью; читателю совершенно безразлично, произойдет ли все это на пятый день, на десятый или двадцатый. Здесь переживание автора не вызывает сопереживания у других, его боль не становится болью читателя, который остается равнодушным. Потому что сами по себе эти чувства и переживания незначительны, случайны (что подтверждается и сравнением: «Ищу тебя, как бабочку ищет ребенок» — это о любимой девушке!).

* * *

В грузинской поэзии последнего десятилетия с достаточной ясностью определилось одно примечательное явление — тенденция сближения поэзии, ее изобразительных средств и приемов с прозой. Эта тенденция проявляется

прежде всего в увеличении элементов рассудочности, стремлении к предметности, к изображению таких деталей, которых поэзия в традиционном понимании, казалось, избегала и которые, опять-таки согласно традиции, считались принадлежностью лишь прозы. Проявляется эта тенденция также в словесном материале, строении фразы и интонации.

Вот несколько примеров:

Вдоль ограды зоологического парка,
У долины,
Изломанной,
Как стих Маяковского...
Было около половины пятого —
Я увидел знакомый вечер...
Вечер,
Конечно,
Не узнал меня
(В деревне я не носил костюма).

(Мухран Мачавариани)

В доме живут и хотят еще
Жить долго, спокойно и так же, как сейчас,
Или еще лучше... И ветер мосты
Раскачивает и наполняет мокрыми листьями.
(Отар Чиладзе)

Тут может возникнуть один вопрос: насколько приемлема подобная тенденция и насколько соответствует она свойствам поэзии?

Прежде всего отметим: упомянутая тенденция появилась у нас не сегодня. Сейчас лишь выдвинулись на первый план те элементы, которые, думаю, можно было отметить и прежде в творчестве некоторых поэтов старшего поколения. А в западной литературе эта тенденция настолько усилилась, что, насколько мне известно, в противоположность ей, в качестве реакции, уже зародился новый поток — стремление к античной чеканности стиха. Что же касается принятия или отрицания этого пути, то это уже, как говорится, дело вкуса.

Следует сказать лишь одно: упомянутая тенденция таит в себе и большую опасность; достаточно поэту превратить стремление к рассудочности и предметности в самоцель, при достижении средства позабыть о цели — углублении в духовный мир — или хотя бы на мгновение потерять чувство меры и поэтический вкус, как сейчас же результат получается незавидным — стихотворение преобразуется в прозу (в самом неблагоприятном смысле этого слова), утомительную поделку и кислую «философию» со всеми присущими натурализму элементами. Я не стал бы ничего говорить по этому поводу, если бы в стихах некоторых поэтов не наблюдалась опасность подобного снижения.

Тенденция сближения поэзии и прозы проявилась в творчестве далеко не всех

поэтов, появившихся на литературной арене в 50-е годы (а в настоящей статье речь идет главным образом именно о них). Наблюдается она в стихах Мухрана Мачавариани, Арчила Сулакаури, Отара Чиладзе, Силована Нариманидзе, Гиви Гегечкори, Гиви Дзnelадзе и некоторых других поэтов.

Но есть одна главная тенденция, крайним проявлением которой и является попытка сближения поэзии с прозой и которая роднит значительную часть поэтов, появившихся на литературной арене в упомянутый период. Это стремление к увеличению элементов рассудочности за счет мелодического тонуа стихотворения.

Начиная с давних времен, точнее со средних веков, в грузинской поэзии ясно различаются две линии: одна опирается в основном на музыкальные принципы, другая же обращает на эту сторону сравнительно меньше внимания, перенося акцент в другую сферу. Стихотворения поэтов первого ряда не терпят снижения мелодического тонуа строки, что происходит, например, при глухих или безударных рифмах. В стихотворениях поэтов второго типа мы с самого же начала не настраиваемся на какие-либо особые музыкальные эффекты. В таких случаях главное значение имеет не звучание слова или фразы, а максимальная точность и доступность изложения мысли автора, логики его рассуждений.

В стихах поэтов первого ряда мысль, переживание, настроение выражаются преимущественно в привлекательной оболочке музыкальных фраз. Поэт обязательно стремится найти для глубокой мысли и глубокого чувства адекватную мелодическую форму. Для вторых — мысль, эмоция, настроение имеют более самодовлеющее значение, здесь эстетическое наслаждение доставляет нам сама обнаженная мысль, чувство.

Подобный ход рассуждений у многих, должно быть, может породить вопрос: какой из двух упомянутых путей предпочтительней, более приемлем и национален.

Такие вопросы сознательно и несознательно возникают довольно часто. Этот факт свидетельствует только лишь о том, что мы основательно позабыли о понятии консолидации, привыкли к суждениям о поэзии в категорически императивном тоне. Такие вопросы не возникают, когда речь идет о Ш. Руставели, Д. Гурамишвили, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела, а если даже и возникнут, мы стараемся отеснить их на задний план. Если же разговор заходит о современном поэте и кому-либо покажется, что его творчество в чем-то отходит от национальной традиции, разнится от общепринятой поэтической интонации, мы

готовы восклицать: «Распни, распни его!».

Все это происходит потому, что нам порой кажется, будто вне мелодичности, инструментированности грузинская поэзия никогда не существовала и отказ от них означает отрицание национальной традиции, национальной природы стиха, и даже больше того — осквернение ее.

Как же обстоит дело?

Наряду с поэзией Шота Руставели, музыкальной, полифонической, в истории грузинской литературы известны стихи другого типа. Вспомним Рати Орбели, поэта X—XI веков. Я нарочно противопоставляю образцы, столь удаленные от нас по времени. И творчество Рати Орбели, при явственном акцентировании содержания, смысла за счет музыкальности фразы, является, на мой взгляд, одним из блистательнейших образцов грузинской поэзии. И оно, это творчество, имеет столько же прав называться истинно грузинским, национальным, как и бессмертные строки поэмы Руставели.

Здесь именно и находится ключ к разрешению поставленного выше вопроса. Ошибочно мнение, будто с момента своего зарождения грузинская поэзия опиралась исключительно на музыкальное начало. Для нее вовсе не были чуждыми произведения, созданные на иных принципах, произведения, привлекательность которых зиждется на достижениях совершенно иной сферы. Именно на этих принципах создавалась древнегрузинская духовная поэзия, им следовали Н. Бараташвили и И. Чавчавадзе, а также некоторые современные поэты старшего поколения. И, как уже было сказано, большая часть поэтического поколения, вышедшего на арену в 50-х годах, — сознательно или бессознательно, — отдает предпочтение этому принципу (предпочтение, разумеется, вовсе не значит, что исключительно все стихотворения этих поэтов написаны в такой манере.)

Между прочим, именно этим обстоятельством и неверным толкованием понятия традиции порождены все те бесконечные споры, которые ведутся у нас вокруг «сложной» и «ясной» поэзии. Вместо того, чтобы сразу же точно определить, что следует понимать под термином традиция, вместо того, чтобы проанализировать стихи упомянутого ряда поэтов и лишь после этого делать выводы, мы или бездумно отрицаем, или же столь же огульно воскуряем фимиам их творчеству. Здесь мы имеем дело с поразительным смешением понятий. С одной стороны, ошибочно отождествляются традиция и подражательство (отказ от всякого поиска), ставится знак равенства между сложностью и туманностью; с другой стороны, не раз-

личаются подлинное новаторство и неоправданные эксперименты, интеллектуальность и любознательность.

Сложное и туманное — не одно и то же.

Сложное и доступное — не исключает одно другое.

Надо сожалеть, что все это приходится доказывать.

У поэтов — последователей тенденции, о которой шла речь выше, и впрямь встречаются отдельные туманные, неясные стихотворения или строки; но их, подобных стихотворений и строк, гораздо больше у эпигонов. Это вовсе не означает, что саму тенденцию следует осуждать и отрицать. Гораздо лучше попытаться разобраться в причинах, вызвавших выдвижение этой тенденции на передний план.

Первой причиной усиления элементов рассудочности в стихе является необычайно возросшая усложненность психики современного человека (не думаю, чтобы эта мысль нуждалась в пояснении). Время требует постижения всех закоулков этой сложной психики, что вызвало, как следствие, и усложнение поэтического мышления. А это, в свою очередь, привело к ослаблению музыкальной стороны.

Существует еще одна — чисто литературная причина. У виртуозов стиха, основанного на музыкальном принципе (Ш. Руставели, авторы «Тамариани» и «Абдул-Мессии», Бесики, Гурамишвили, А. Церетели, Важа Пшавела), в XX веке появился такой гениальный наследник, как Галактион Табидзе.

Можно поклоняться Галактиону Табидзе. Возможно также, хоть и маловероятно, что кому-то его поэзия не нравится. Но нельзя пройти мимо творчества этого гениального поэта и его воздействия на грузинский стих XX столетия.

Однако этим дело не ограничивается. Наряду с Г. Табидзе последователями музыкального принципа являются такие поэты, как Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Колау Надирадзе, Валериан Гаприндашвили, Терентий Гранели, Григол Абашидзе, Ладосатиани, Анна Каландадзе и другие, — большинство той группы поэтов, которая в полный голос заявила о себе в 20-е, 30-е и 40-е годы.

Из числа молодых поэтов этого принципа придерживаются, в основном, Шота Нишнианидзе, Джансуг Чарквиани, Нодар Гурешидзе, Морис Поцхишвили, Заур Болквадзе, Медея Кахидзе и некоторые другие. Что же касается большинства поэтов, начавших несколько позже, то они, как уже отмечалось, предпочитают другой принцип. Как видно, по их представлению, Г. Табидзе и другие видные представители грузинской поэзии XX века настолько исчерпали возможности стиха, построенного на музыкальном принципе, что открытие новых сторон в

этой сфере кажется уже маловероятным. Именно такова была последняя из причин, обусловивших выдвигание этой концепции на первый план.

Чтобы не остаться отвлеченным, приведу несколько примеров. Вспомним тонкую музыкальную инструментовку, ритмическую гибкость, сложность и оригинальность рифмовки в стихе Шота Руставели и Галактиона Табидзе. Последователи их поэтических принципов верят в неисчерпаемость потенциальных возможностей грузинского языка, верят в то, что этих возможностей достаточно для выявления нового — усложненно-поэтического мышления в стихе, где музыкальная сторона по-прежнему будет оставаться на первом плане.

Каковы же особенности стиха тех поэтов, которые следуют противоположному принципу? Проанализируем с этой целью стихотворение Тамаза Чиладзе «Кинцвиси»:

Меня смущает твоя усталая улыбка,
Нескончаемая земная грусть,
О, так тихо и так одиноко
Таёт лед в горах под лучами солнца.
Я не смогу принести тебе ветку сирени
И не смогу обещать тебе весну,
Тихи небеса, и, словно дождь,
Их охлаждают твои пальцы.

Первое, что привлекает наше внимание при ознакомлении с этим коротеньким стихотворением, это необычайный контраст: насколько велико рожденное созерцанием этого великолепного памятника искусства впечатление, восхищение и душевный подъем, настолько же затруднен путь проявления этого впечатления, восхищения, подъема. Автор словно бы опасается высказать до конца все, что ему хочется сказать, боится позволить нам заглянуть вглубь его души. Его чувства максимально сдержанны. Во внешнем облике стихотворения нет даже следа буйства чувств. Все, что увидено и прочувствовано поэтом, доносится до нас не в виде непосредственного переживания, а как результат вдумчивого анализа.

Для стихотворения, созданного подобным образом, музыкальность, разумеется, вторична или второпланова. Обузанный пафос не нуждается в мелодическом одеянии. Это явление самодовлеющее, и предназначено оно для того, чтобы вызвать у читателя настроение размышления, концентрацию мысли.

Я сознательно выбрал из книги Тамаза Чиладзе такое стихотворение, которое создано под впечатлением созерцания великолепного памятника искусства, так как хочу для сравнения привести стихотворение, написанное при сходном душевном порыве, — «Никорцминда» Галактиона Табидзе.

Никому не придет в голову сказать, что Г. Табидзе при создании «Никорц-

минда» чем-либо ограничивал свой восторг и пафос, чем-либо пытался сдерживать непосредственность их проявления. Все это стихотворение — единое чувство пафоса, восторга — призвано вызвать у нас ответное чувство и само доставляет нам эмоциональное удовлетворение. Это — опьянение, самозабвение, магическим образом передающееся читателю. И читатель впрямь увлечен, захвачен этим стихотворением. Потому для него и являются столь значительными, решающими, определяющими: динамика, ритм, музыкальность.

Первые же строчки стихотворения Тамаза Чиладзе располагают нас не к ожиданию каких-либо музыкальных эффектов, не к восторгу и пафосу, а к размышлениям. Следует отметить, что автор не отказывается в своем стихотворении от аллитерации или своеобразного благозвучия, но звуковая сторона в целом не является главной, привлекающей внимание в первую очередь. Потому (в противоположность «Никорцминда») все стихотворение в целом построено на незвонких, глухих, неброских рифмах — рифма не должна привлекать к себе читательское внимание, к которому так бережно относится автор.

После первых строк стихотворения, посвященного улыбке фрески и ее общему — грустному настроению, достаточно четко определился предмет созерцания поэта. В дальнейшем могли представиться два пути.

Первый: уснастить описание новыми деталями, которые дали бы читателю возможность сопереживания чувству восторга от величия зрелища (фрески) и авторского отношения к нему. Мысль в таком случае не была бы высказана в «голом» виде; эстетическое же удовольствие нам доставило бы само описание предмета и последовательность изложения мыслей, а не раздумье над приведенными деталями.

Именно так построил бы стихотворение поэт, отдающий предпочтение музыкальному принципу (в частности, так написана «Никорцминда»).

Второй: указанные детали приобретают самобытное, самодовлеющее значение, и поэтическое раздумье развернется на базе данного «материала», или же будет создан новый образ, который даст нам толчок для подобного раздумья.

Ясно, что Тамаз Чиладзе избирает второй путь.

Сравнение с тихо и одиноко умирающим под лучами солнца в горах льдом — это великоплетно найденный образ (в основе которого лежит качественная близость, а не внешнее сходство сравниваемых предметов). Он дает нам возможность заглянуть в суть как объекта поэтического изображения (фрески), так и чувства автора. Проследим путь, который от созерцания фрески сквозь недра рефлексии ведет до первых строк стихо-

творения. Этот образ служит оправданием также и строки — «нескончаемая земная грусть».

Что касается следующей строфы, то ее первая часть («Я не смогу принести тебе ветку сирени и не смогу обещать тебе весну») усиливает то настроение, которое создало в нас первое четверостишие. Но в этом случае уже в центре внимания оказывается не самый объект, а авторское отношение к нему. Что же касается заключительных строк («Тихи небеса, и, словно дождь, их охлаждают твои пальцы»), то они, на мой взгляд, являются определенным отступлением, которое не вызывается необходимостью и постольку нарушает целостность стихотворения и настроения.

• • •

Мы не случайно коснулись вопроса о целостности стихотворения и вызванного им настроения. С ним связана весьма значительная проблема — проблема употребления ассоциаций.

В современной поэзии роль ассоциации чрезвычайно велика. Примерно — как роль метафоры в поэзии средних веков. Удачно примененная ассоциация помогает формированию поэтического образа, углублению и обогащению переживания, цельности чувства, усилению эстетического воздействия. Ассоциациями широко пользуются почти все видные поэты наших дней, в том числе — и многие современные грузинские поэты, главным образом, — последователи указанной тенденции.

По моему убеждению, глубоко заблуждаются те, кто считает пользование ассоциациями явлением «нежелательным», достойным осуждения. Эгого взгляда придерживается, например, литературный критик Вадим Назаренко, объявляющий ассоциативное мышление проявлением простейшего, низшего уровня механизма познания. (См. его книгу «Язык искусства», Ленинград, 1961).

Это заключение по меньшей мере наивно и выражено в претенциозной и категорической форме (автор прибегает даже к помощи учебника психологии в доказательство того, что ассоциации являются результатом лишь усталого или расстроенного сознания). Современную поэзию уже вообще нельзя представить вне ассоциативной образности, и разрешение вопроса о ее праве на существование не находится в компетенции литераторов и критиков.

Все это так, но не следует забывать об одном: ассоциация действительно обладает овойством сближать часто случайные, весьма далеко отстоящие друг от друга по своей внутренней сути предметы и явления. Поэтому при пользовании этим приемом в стихотворении следует соблюдать большую осторожность, такт.

Автору необходимо тонкое чувство меры, не то может разрушиться не только цельность стихотворения и вызванного им настроения (что, впрочем, само по себе уже смертельно для поэзии), но и вообще разбиться образная система, утратиться мысль, идея стиха, который превратится в ребус, не поддающийся разгадке. Я потому останавливаюсь на этом вопросе, что в сегодняшней грузинской поэзии нередки случаи насильственного, протivoестественного употребления ассоциаций, их бездумного и безрассудного использования, когда вместо подлинных ассоциаций нам предлагают их имитацию, порождающую невразумительные строки, образы, стихи. И отнюдь не только бездарные эпигоны оказываются жертвами этого искуса — его порой не избегают даже талантливые поэты.

Вот один пример:

В Грузии любовь так хороша,
Как появляются
Листья на цветущем дереве.
И сердце так привольно,
Как с лугов зеленоватый цвет
Подымается до неба и там растекается...
Радостного много, как травы,
И труд так добр,
Как по вечерам в деревнях перебирают
кукурузу.

(Нелли Габричидзе)

Это образец насилия над ассоциациями, образец того, как даже у способных поэтов (когда они не могут преодолеть соблазна писать во что бы то ни стало оригинально) ассоциации из союзников превращаются в противников.

Как уже было сказано, подобных случаев в нашей сегодняшней поэтической практике не так уж мало.

• • •

Здесь мы должны коснуться одной проблемы, которая вызвала в последнее время много споров и обсуждений (правда, пока что главным образом — неофициально). Это — проблема грузинского нерифмованного стиха.

Не подлежит сомнению, что в последние годы участились случаи употребления нерифмованного стиха, и поэты, особенно начавшие писать в 50-е годы, проявляют к нему все возрастающий интерес. Симптоматично, например, что в первой книге стихов Тамаза Чиладзе мы находим лишь одно нерифмованное стихотворение, во втором сборнике таких стихов пять, а в третьем — уже восемь. К нерифмованному стиху обращаются Мухран Мачавариани, Отар Чиладзе, Джансуг Чарквиани, Гиви Гегечкори, Таризел Чантурия, Гиви Дзнеладзе, Силован Нариманидзе, Нелли Габричидзе, Паша Цициашвили, реже —

Нодар Гурешидзе, Шота Нишнианидзе, Медея Кахидзе и другие.

Означает ли это обстоятельство, что необходимость подобного метода стихосложения обусловлена жизнью и поэтической практикой? Или это всего лишь влияние зарубежной поэзии, простой каприз, эксперимент, которому не суждена долгая жизнь?

Между прочим, как я мог убедиться в многочисленных частных беседах, большинство писателей старшего поколения придерживается именно этого второго взгляда и наблюдает за настойчивыми экспериментами своих младших коллег с иронической улыбкой. По их убеждению, нерифмованный, белый стих не сможет укорениться в грузинской поэзии, так как он не соответствует ее природе и навязан ей извне.

Если говорить о моем личном мнении, то эстетическое удовольствие, доставляемое мне любимыми рифмованными стихотворениями (так же, как и стихотворениями, созданными главным образом на музыкальном принципе), не сравнимо с тем, которое может дать нерифмованный стих. Во всяком случае, мне кажется, в новой грузинской поэзии, начиная с XIX века, пока что нет и, по всей вероятности, очень нескоро появится такое нерифмованное стихотворение, которое можно было бы смело поставить рядом с написанными рифмованным стихом шедеврами Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе или Ираклия Абашидзе. Но это лишь мой личный взгляд, основанный на субъективном, вкусовом критерии, у которого, быть может, и найдется немало сторонников. Ничего более. Другие, очевидно, мыслят и чувствуют по-иному. Поэзия же феномен настолько сложный, что в этой области больше чем где-нибудь нетерпимы попытки навязывания своих взглядов и вкусов другим. Позиция — «пляшите все под одну дудку» — здесь неприемлема.

Кроме того, если внимательно приглядеться к обстоятельствам дела, должно стать ясно: необычайное разнообразие и усложненность поэтического содержания, наблюдаемые в нашу эпоху, действительно властно потребовали включения в арсенал поэтических жанров нерифмованного, белого стиха. В руках истинного художника поэтическое содержание непременно выльется в адекватную форму. И уже один тот факт, что из-под пера хорошего поэта появилось хорошее нерифмованное стихотворение, сам по себе служит доказательством, что это стихотворение иначе и не могло бы быть написано: это обязательный закон творчества.

И действительно, среди лучших образцов мировой поэзии можно назвать множество таких нерифмованных стихов, которые даже нельзя представить напи-

санными в иной манере. Отсюда можно сделать лишь один-единственный вывод: нерифмованный стих вызывается к жизни специфическим поэтическим содержанием, а не просто капризом или манерничаньем его создателя.

Даже если оставить это в стороне, неправильно думать, будто нерифмованный стих не соответствует природе грузинской поэзии, чужд ей, навязан извне насильственно; неверно считать, будто в этой области у нас нет традиции.

Нерифмованным же стихом созданы блистательнейшие образцы старой грузинской поэзии, обнаружением и исследованием которых Павле Ингороква внес неопределимый вклад в сокровищницу грузинской культуры. Это такая традиция, которой справедливо гордился бы любой народ! Вспомним стихи упоминавшегося выше Рати Орбели, не уступающие рубайам Омара Хайама.

Илья Чавчавадзе дважды касался проблемы нерифмованного стиха. В 1860 году он писал: «Разве без рифмы не было бы поэзии? Возьмите хотя бы нерифмованные стихи князя Гр. Орбелиани, хотя бы... «Горести О.». перечитайте его внимательно, сколько поэзии в этом нерифмованном стихотворении!.. Поэзия — это выражение истины, жизни, а не цепь беспорядочно соединенных рифм».

Может быть, это было лишь незрелым взглядом двадцатитрехлетнего поэта? Но в 1892 году Илья Чавчавадзе повторил, что Григол Орбелиани «дал нам первый, но превосходный и несравненный образец грузинского нерифмованного стиха».

Этим он показал нам, что возможен и на грузинском языке нерифмованный стих, так называемый «белый стих», который по звучности и музыкальности не уступает рифмованному. Его «Рабочий Бокуладзе» является несравненным примером подобного «словосложения».

Если бы открытия Павле Ингороква были известны во времена Ильи Чавчавадзе, ясно, что он не назвал бы творения Григола Орбелиани первыми образцами грузинского нерифмованного стиха.

Но ведь сегодня мы имеем превосходнейшие и древнейшие образцы грузинского нерифмованного стиха! Вот тот корень, тот фундамент, из которого должен произрасти и на котором должен обосноваться новейший грузинский нерифмованный стих.

Пусть никто не сочтет эту мысль парадоксальной и не скажет: между древнегрузинской поэзией и XX столетием дистанция огромного размера, что могут дать поэту — нашему современнику хотя бы те же религиозные гимны Рати Орбели? В ответ на это можно сказать: даже такие ультрасовременные поэты, как Уолт Уитмен и Амин Райхани, опирались на древнюю литературную традицию. Один взял основой своего поэтического языка английский текст

Библии, второй — коран. Нечего говорить, что здесь имеется в виду лишь форма, наследование поэтической культуры, а не какое-либо воздействие религиозного характера. Именно так следует понимать и обращение современных грузинских поэтов к древнейшим своим предшественникам.

В связи с традицией должен добавить: эксперименты Григола Орбелиани не остались в новой грузинской поэзии одинокими; видные поэты нашего времени (даже если не говорить об Иване Мачабели) создали немало образцов подобного рода, тем самым доказав еще раз, что «возможен и на грузинском языке нерифмованный стих».

Все вышесказанное следует хорошо помнить, прежде чем ополчаться против нерифмованного стиха. Без этого наше суждение будет непременно односторонним, необъективным.

Но у рассматриваемого вопроса есть и другая сторона, вне которой нельзя представить картину в полном объеме. Дело в том, что у некоторой части молодых поэтов — сторонников нерифмованного стиха — нет ясного представления обо всем, о чем говорилось выше. У них создалась губительная иллюзия, будто все, что было создано до них, гроша ломаного не стоит и подлинная поэзия начинается только с их творчества. Разговор о старой грузинской поэзии покажется им просто смешным, зато они охотно перечислят фамилии иностранных поэтов, известных им лишь понаслышке, или отдельные строки из их стихов. За границей же, известно, нерифмованный, белый стих пользуется большой популярностью, в чем, разумеется, нет ничего предосудительного. Западные поэты создают такую стихотворную форму, которая полностью соответствует их духовному складу, сформировавшемуся, в свою очередь, под влиянием их жизненных условий. (В то же время, чтобы ни говорили о новаторстве этих поэтов безоглядные любители их творчества, оно, это творчество, вовсе не стоит вне традиций, а наоборот — исходит из вполне определенных традиций.) Стих Уолта Уитмена полностью выражает духовные потребности американцев того времени: отказ от сентиментальных фраз, энергичная, прямая интонация, ускоренный ритм, изображение активной жажды жизни столь же активным, напористым языком, обильное пользование «реквизитом» — вот что создало стих Уитмена. Не случайно Эмерсон назвал этот стих помесью «Бхагаватты» и «Нью-Йорк геральд трибюн».

То же самое можно сказать и о других зарубежных поэтах, будь это Гарсия Лорка, Сальваторе Квазимодо или кто-либо другой. Их поэзия — порождение той обстановки, которая определя-

ется обстоятельствами и ритмом окружающей их жизни. Это элементарная истина. Мы не сможем назвать ни одного подлинного художника, который бы не исходил из духовных запросов своего народа и традиций своей культуры, из окружающей его жизни.

Вот почему слепое подражание иностранным образцам не может привести ни к чему хорошему. Поэтому же и созданные такими подражателями нерифмованные стихотворения вместо эстетического наслаждения вызывают лишь чувство досады и недоумения. Претенциозный, крикливый тон, смешение грузинского и иноязычного синтаксиса (словно читаешь неудачный перевод!), безвкусные поделки опустошенных и творчески бессильных стихотворцев — конечно же, такие произведения не смогут укорениться в грузинской поэзии, сколь современными и привлекательными не казались бы они кое-кому.

В заключение должен сказать: нерифмованный стих требует ничуть не меньшей (а может быть — и большей) работы и мастерства, чем рифмованный. Проявление даже малейшей недоработанности в нем недопустимо. Каждый звук, каждое слово, каждое предложение должны взвешиваться строжайшим образом, чтобы замена их какими-либо иными казалась невозможной. (Излишне говорить, что все сказанное здесь не умаляет значительности труда поэта при создании рифмованного стиха.) В то же время по-настоящему хорошее нерифмованное стихотворение с первого взгляда даже не должно оставлять впечатления необычности: его «нерифмованность» должна замечаться лишь при специальном наблюдении. Без этого условия перед нами будет лишь ритмическая проза, а не белый стих (хотя следует учитывать и то, что провести четкую границу между ними нелегко).

Создание хорошего нерифмованного стихотворения под силу лишь тому, кто в совершенстве овладел обычным, рифмованным стихом.

Начиная с руставелевских времен и вплоть до конца XVIII века грузинская поэзия использовала преимущественно шестнадцатисложный размер. В XIV—XV веках возобладали восьми, десяти и четырнадцатисложные стихотворные строки. При этом восьмисложник в XX веке употребляется все реже, а десяти и четырнадцатисложник остаются основными размерами по сей день. Так, если обратиться в качестве примера к сборнику стихотворений Галактиона Табидзе, изданному в 1927 году, который остается наиболее полноценным из многочисленных изданий поэта, окажется, что из 636 стихотворений 265 написаны десятисложным метром.

В то же время в XX веке метрико-ритмическое многообразие грузинского стиха чрезвычайно обогатилось. В указанном сборнике Галактиона Табидзе использованы все разновидности строк с числом слогов от 4 до 14, а также 16 и 20-сложные строки и их различные сочетания. Исходя из этого, нам становится ясно, насколько велика и разнообразна ритмическая «вибрация» стиха Галактиона Табидзе.

Разумеется, это не могло быть случайным явлением, простым экспериментаторством в области ритма. Причина этого в том музыкальном принципе, который, как было сказано выше, лежит в основе поэзии Галактиона Табидзе.

Большее или меньшее разнообразие метрико-ритмической структуры наблюдается в творчестве всех тех поэтов, которые также строят свою поэзию на музыкальном принципе.

Каково же в этом отношении творчество тех, у кого музыкальный принцип отодвинут на второй план? Тут можно привести один весьма характерный пример: все стихотворения, вошедшие в первую книгу Отара Чиладзе, за исключением двух, написаны десятисложным размером. В основном тем же размером и его ритмическими вариациями пользуются Тамаз Чиладзе, Тариэл Чантурия, Гиви Гегечкори и другие — стих, который не основан на музыкальном принципе, не нуждается в особом ритмическом разнообразии, поскольку само понятие ритмики связано с музыкальностью. Стихотворцы этого рода

порой даже сознательно делают ритм статичным, чтобы сконцентрировать внимание читателя на одном предмете.

В этом отношении особый интерес представляет творчество Мухрана Мачавариани. Выше я упомянул его вместе с теми поэтами, в творчестве которых прослеживается тенденция сближения с прозой. Но здесь следует отметить: в последнее время в его стихах все меньше заметна тенденция сближения поэзии с прозой и отрицания музыкального принципа. Напротив, его последняя книга дает основание думать, что поэт все больше стремится к созданию стиха на основе руставелевского, музыкального принципа. Об этом свидетельствует лексика его последних стихотворений, их интонация, принцип построения фразы и, особенно, ритмическое разнообразие.

• • •

Выше я вскользь коснулся вопроса об использовании ассоциаций. На этом вопросе я не остановился подробнее потому, что ассоциации в стихе используются для создания поэтического образа. А проблема поэтического образа в современном стихе вообще настолько многосторонняя и интересная (с ней связана проблема мировосприятия художника), что нуждается в специальном разговоре. Основа для него появится лишь тогда, когда будут основательно изучены системы поэтических образов в грузинском классическом стихе, а также в стихе XIX и первой половины XX веков.

Гиви ГАЧЧИЛАДЗЕ

На конгрессе Международной федерации переводчиков

Международная федерация переводчиков — сокращенно ФИТ—создана десять лет тому назад. С момента ее основания было проведено четыре конгресса. Первый — в 1954 году в Париже, второй в 1956 году в Риме, а третий — в 1959 году в Бад-Годесберге (Западная Германия). IV конгресс совпал с юбилейной датой—десятилетием существования федерации. Проходил он с 31 августа по 7 сентября 1963 года в югославском городе Дубровнике, расположенном на берегу Адриатического моря. Пятый конгресс намечено провести в 1966 году в Хельсинки. Сам факт создания Международной федерации переводчиков свидетельствует о серьезном отношении к задачам и проблемам перевода во всем мире. В Советской стране переводческая деятельность давно получила достойное признание, переводчики художественных произведений у нас равноправные члены Союза писателей. На Западе, как показал и последний конгресс, переводчик прежде всего нуждается в определении и признании своего правового положения.

ФИТ объединяет организации переводчиков 25 стран. На четвертом конгрессе присутствовали представители 21 страны.

На конгрессе присутствовала группа советских наблюдателей—П. Антокольский, А. Гатов, Е. Калашникова, А. Кундзич и автор этих строк. С конгрессом совпало и пребывание в Югославии советских туристов, которые тоже имели возможность регулярно посещать его заседания. Среди них были видные советские переводчики и литературоведы — Т. Аксель, А. Бауга, А. Федоров, М. Лорье, А. Дейч, С. Макашин, А. Новицкий, В. Россельс, О. Самма, П. То-

пер, Е. Эткинд, Е. Конюхова, В. Коткин.

Выбор места для проведения конгресса не случайно пал на Дубровник. Это прекрасно сохранившийся средневековый город, по своим традициям являющийся одним из древних культурных центров Европы. В истории литературы южных славян есть глава, которая так и называется: «Литература Дубровника».

Открыл конгресс, проходивший в старинном дворце «Радници дом», председатель Союза переводчиков Югославии Златко Горинан, затем слово было предоставлено президенту ФИТа доктору Юлиусу Вьюнше, председателю по делам культуры Югославии Крсте Црвенковскому, председателю городского совета Дубровника Анте Божиновичу и главе литературной секции ЮНЕСКО французу Роже Кайюа. Было зачитано приветствие, присланное из Франции вице-президентом ФИТа Кайе, который ввиду болезни не мог присутствовать на конгрессе.

В тот же день открылась очень интересная выставка книг.

Югославская литература была представлена на ней, начиная с древнейших рукописей и кончая современными изданиями. Перед конференцзалом также была организована книжная выставка. Привлекали внимание издания известной французской энциклопедии Лярусс, издания Лангшейдта, разные технические словари, выставленные голландским издательством Эльсевьер. Кстати, Лангшейлт издает и ежеквартальный орган ФИТа под названием «Вавилон».

В первый же день конгресса, вечером, был устроен большой прием во Дворце Ректора. Встреча была очень интересной; в простой, неофициаль-

ной обстановке, сидя за столиками, представленными угощениями, разговаривали переводчики всех стран мира. Беседы велись на языках многих народов, шел широкий обмен мнениями по волнующим всех проблемам. Ленинградец Эткинд, свободно изъясняясь на немецком и французском языках, весь вечер провел в беседе с президентом ФИТа Вьонше. Многие из присутствующих иностранцев говорили по-русски. Среди них известный французский переводчик Пушкина профессор Менье. Постановка переводческого дела в нашей стране вызвала всеобщий интерес.

С нами все время бывала секретарь югославского организационного комитета конгресса Душанка Перович, которая прекрасно говорила и по-русски и по-французски. Мы были очень признательны ей за большое внимание к советским гостям, — она была нашим гидом на всех прогулках, помогала ориентироваться в незнакомой обстановке, и стоило нам только изъяснить какое-либо желание, как оно с помощью Душанки исполнялось словно «по щучьему велению».

Подружившись с ней, мы узнали о трудной и яркой судьбе этой обаятельной, еще совсем молодой женщины. Войну она провела в партизанском отряде, недавно перенесла тяжелую болезнь, но поражала нас своей неутомимой энергией.

Заседания конгресса начинались в 10 часов утра и кончались в 4 часа дня. На дневных заседаниях присутствовали только официальные делегаты. Поэтому у нас достаточно было времени, чтобы осмотреть город и его окрестности. Именно тогда ознакомились мы с достопримечательностями Дубровника, с утопающим в зелени островом Локрум, с деревней Цавтат.

В повестке дня конгресса стояло много организационных вопросов. Рольф Италияндер — ученый из Западной Германии, специалист в области истории Африки, заявил, что у ФИТа нет полномочий полноправной международной организации, поскольку в нее не входят страны Африки, Азии, Австралии и Латинской Америки, и настаивал на расширении границ этой организации. Как выяснилось впоследствии, это заявление дорого обошлось профессору Италияндеру: он не был избран членом нового совета федерации. Но конгресс все же вынужден был выделить специальный комитет для изучения предложения Италияндера.

Такой же комитет был создан для изучения вопросов, связанных с художественным переводом, под председательством поляка Жилинского, который, между прочим, в частном разговоре с нами сообщил, что в области художественного перевода федерация почти ничего не сделала. На конгрессе обсуждались также

вопросы перевода как художественной, так и технической и научной литературы, проблемы машинного и синхронного перевода, даже деятельность гидов-переводчиков. Судя по этому разнообразию проблем, затронутых на конгрессе, организация носит несколько аморфный характер.

Вообще, федерация произвела на нас впечатление профессиональной организации, которая главной своей задачей считает защиту прав и интересов переводчиков.

Но поскольку наболевшие вопросы перевода художественной литературы тревожили не только нас, а им почти не было уделено внимания на конгрессе, член комитета Жилинский внес предложение созвать особый симпозиум по вопросам художественного перевода. Это предложение получило всеобщее одобрение.

По предложению президента Вьонше была выделена специальная комиссия по разработке проекта издания всемирной истории перевода. Комиссия собиралась всего дважды, и в ее работе довелось принимать участие Эткинду и мне. Идея создания всемирной истории перевода вначале вызвала недоумение. Представитель ЮНЕСКО Кайюа прямо заявил: как можно писать историю перевода со всех языков на все языки? Тем более, что некоторые народности пока даже не имеют письменности и для них перевод существует только на языке жестов. Советские представители уточнили представленную идею: будет изложена история развития основных концепций перевода (преимущественно художественного) в каждой стране в отдельности. Уточнение было принято единогласно. Было решено продолжать вести работу в этом направлении при широком обмене мнениями и консультациях между представителями разных стран.

Из распространенных на конгрессе документов наше внимание привлек доклад профессора Италияндера «Развивающиеся страны и переводчик», в котором автор настаивает на необходимости для переводчика глубокого ознакомления с этнографией народа, с языка которого он переводит, на необходимости пожить подольше среди этого народа, изучить его повседневную жизнь.

Много говорилось о подготовке кадров квалифицированных переводчиков, обсуждался опыт систематического обучения переводчиков в академических школах. Такие школы имеются в Англии, США, Голландии, Бельгии и Швейцарии. Правда, ничего не было сказано об опыте подготовки переводчиков в советской высшей школе. Докладчик Чарльз Фрерк (Англия) вносит несколько практических предложений, которые касаются методики обучения языкам в школах и университетах, глубокого изучения вопросов теории перевода, учреж-

дения центральных подготовительных курсов переводчиков и специальных семинаров, обмена информацией по вопросам подготовки переводчиков и т. д.

Самым значительным документом конгресса явилась Хартия переводчика, утвержденная на последнем заседании конгресса. В этой Хартии говорится об общих обязанностях и правах переводчика, о его экономическом и социальном положении, о принципах образования обществ и союзов переводчиков, о функциях национальных организаций и Международной федерации переводчиков. Хартия объявляет перевод постоянным, всеобщим и необходимым делом, который делает возможным обмен духовными и материальными ценностями между народами, обогащает их жизнь и содействует лучшему взаимопониманию. Поэтому, независимо от различия условий, в которых развивается это дело в разных странах, перевод должен быть признан определенной независимой профессией. Отсюда же — понимание социальной функции переводчика, его обязанностей и прав, структуры его профессиональной организации.

В один из свободных вечеров у нас была очень интересная встреча с югославской делегацией. В основном нам приходилось отвечать на бесконечные вопросы наших друзей о всех сторонах жизни и работы советских переводчиков, об исследованиях, сделанных советскими учеными в области теории художественного перевода, о подготовке кадров молодых переводчиков.

Здесь нам удалось убедиться, насколько больше внимания в Советском Союзе уделяется развитию науки о переводе. Ни в какой другой стране под переводческую деятельность не подводится такая серьезная научная база.

В капиталистической стране, где издатель — частная фирма, никто не заинтересован в теоретических исследованиях, обобщениях деятельности переводчиков. Там существует только проблема прибыли от переводной литературы. Социалистические страны уделяют больше внимания вопросам теории, в особенности Польша и Чехословакия. Делегаты из Чехословакии были именно теоретиками перевода (профессор Илек и доктор Иржи Леви). В Югославии, по-

видимому, делается значительно меньше в этом направлении. Поэтому большое внимание привлекла моя информация о системе подготовки переводчиков в Тбилисском государственном университете.

Тот же интерес к работе советских переводчиков почувствовали мы во время встречи с югославскими писателями в Белграде перед отъездом на Родину.

На конгрессе с речью выступил руководитель нашей группы Павел Антокольский. Он говорил о значении художественного перевода, о необходимости расширения контактов между переводчиками разных стран.

Конгресс памятен и многими встречами с интересными людьми. Там я познакомился с югославским профессором Недичем, который является переводчиком Шекспира. В день нашего отъезда на Родину Недич пришел ко мне в белградскую гостиницу «Балкан», и мы целый час беседовали о Шекспире и о наступающем 400-летию со дня его рождения. Весь мир готовится отметить эту дату. В Югославии уже завершили издание полного 18-томного издания произведений великого английского драматурга.

В день закрытия конгресса в Дубровнике Недич познакомил меня с профессором русского языка Ноттингамского университета (Англия) Янко Лавриным. Профессор Лаврин уже пожилой человек, по национальности словен. Под его редакцией и частично в его переводах на английском языке вышел сборник югославской поэзии. В 1910 году он был в Грузии. В Тбилиси, увидев картины Нико Пиросманишвили, был потрясен ими. Лаврин восторженно отзывался о Тбилиси и грузинском народе и просил передать искренний привет Грузии.

Исключительное внимание к группе советских переводчиков проявил вице-президент ФИТа Вьюнше. В Дубровнике он приглашал нас на свою виллу, но это было накануне отъезда, и в связи с хлопотами, вызванными этим, нам не удалось воспользоваться его гостеприимством.

Мы уезжали из Югославии с уверенностью в том, что участие в конгрессе было несомненно ценным и полезным для нас событием.

От книги — к книге

«Восходит, светает!» — третья книга молодого поэта Джансуга Чарквиани, недавно вышедшая на грузинском языке.

Думается, она интересна прежде всего потому, что в ней по сравнению с двумя предыдущими сборниками его стихов с наибольшей полнотой проявилась творческая зрелость ее автора.

Если в первой книжке Дж. Чарквиани «В тиши одной ночи» лишь наметились контуры тематики, стиль и манера, характерные для творчества поэта, для его будущих произведений, во второй книжке «Небо и фонтаны» проявилось возросшее поэтическое мастерство, то в третьем сборнике, о котором упоминалось выше, уже четко вырисовался творческий облик Джансуга Чарквиани.

Иными словами, эти три книжки позволяют проследить путь их автора к зрелости. Первая — дает возможность судить о поисках молодого поэта, вторая — дает основание сказать, что эти поиски становятся более глубокими, жизненными, третья — свидетельствует о том, что поэт нашел свое место в жизни, «открыл» свой поэтический мир. Поэтому мы и находим в сборнике «Восходит, светает!» ту свежую струю, то новое восприятие явлений окружающей жизни, которые и привлекают нас в этом сборнике.

Итак, судя по книге «Восходит, светает!», как в жизни, так и в поэзии Дж. Чарквиани обрел твердую позицию. Это, думается, и должно служить основным критерием при оценке творчества любого поэта, ибо как бы талантлив он ни был, вне этой позиции он так и останется лишь «потенциальным» поэтом. А ведь народу, для которого, собственно, и творит поэт, важны именно результаты, плоды этой потенции; сама же она, как таковая, имеет значение только для самого автора.

Но следует оговорить — обретенная поэтом позиция вовсе не означает, что искания его завершены. Напротив, они продолжаются, тем более, что поэтиче-

ской натуре Джансуга Чарквиани свойственна постоянная неуспокоенность.

Пожалуй, можно сказать, что в стихотворениях Джансуга Чарквиани многое созвучно произведениям наших лучших молодых художников. Если внимательно прочитать последнюю книжку его стихов, нельзя не заметить, что в обрисовке характеров, в передаче того или иного настроения, в скупом, или, наоборот, обильном использовании «света» много общего с произведениями наших молодых живописцев.

На первый взгляд может показаться, что главное в стихах Дж. Чарквиани — их эмоциональная окраска, однако при более углубленном знакомстве с его поэзией приходишь к выводу, что эмоциональность в ней органически сливается с поэтическим интеллектом.

Целый цикл стихотворений в сборнике посвящен впечатлениям от путешествий. Называется он «Ракушки Средиземного моря». В памяти поэта глубоко запечатлелись люди, которых он встречал, те картины, свидетелями которых он был. Для этого цикла характерно не просто описание виденного, но и четкое, ясное отношение автора к нему. Поэт не перегружает эти стихи деталями быта, он умеет увидеть и показать самое главное, характерное для данной страны. И мы мысленным взором видим широкие улицы Рима, живых и эмоциональных итальянцев, слышим чарующие неаполитанские напевы. Мы потрясены полной трагизма жизнью тунисского юноши Кооли Манджи...

Книга «Восходит, светает!» не только вводит нас в мир сегодняшней молодой грузинской поэзии, которая все интенсивнее участвует в созидании нового во всех сферах нашей жизни; этот сборник стихов Джансуга Чарквиани, образно говоря, является интересным путешествием в духовный мир человека — нашего современника. Книга радуется талантом, непосредственностью и искренностью ее автора; она — новая веха на пути его творческого развития.

Лео Киачели

Умер выдающийся грузинский писатель, один из крупнейших мастеров советской художественной прозы Лео Киачели (Леон Михайлович Шенгелая) на восьмидесятом году жизни.

Вся жизнь и творческая биография Лео Киачели связаны с большими революционными и культурными преобразованиями Грузии начала XX столетия. Киачели был не только за-

мечательным писателем, но и профессиональным революционером-марксистом. Это в его квартире в Кутаиси в 1903-1904 годах была создана одна из социал-демократических организаций под руководством известного работника большевистского «Имеретинско-Мингрельского комитета» Алеши Джапаридзе, в будущем одного из двадцати шести бакинских комиссаров. Лео Киачели — активный участник революции 1905 года.

Бурная, богатая событиями жизнь Лео Киачели была нелегкой. Тюрма, бегство из неволи, нелегальная жизнь, эмиграция — таковы страницы жизни этого подлинного гражданина и писателя.

В 1907—1912 годах Киачели нелегально проживает в Москве. Здесь сближается с революционно настроенной русской интеллигенцией, посещает литературные вечера. К этому времени и относится начало его творческой деятельности. В грузинской прессе появляются его новеллы, привлечшие всеобщее внимание.

Но царская охранка не оставляет в покое Лео Киачели, и он в 1912 году вынужден эмигрировать в Швейцарию. В Женеве он продолжает учебу в университете, встречается с революционерами-марксистами и в 1914-1915 годах пишет свой первый роман «Тариэл Голуа», пронизанный революционным романтизмом, подлинно революционной патетикой.

В нашу советскую эпоху Лео Киачели одним из первых советских писателей становится на путь социалистического реализма. Он зачинатель грузинской советской прозы, один из крупных советских романистов и замечательный мастер новеллы.

В 1928 году появляется его роман «Кровь», а за ним эпическое произведение — роман «Гвади Бигва» (1938 год) о становлении грузинской деревни, о формировании нового человека. Это произведение было удостоено Государственной премии и переведено на многие языки мира.

В 1945 году выходит в свет новый роман писателя «Человек гор» — о героических защитниках Родины в годы Великой Отечественной войны, строителях новой жизни. Подлинным украшением советской грузинской новеллистики являются его известные произведения «Княжна Майя», «Алмасгир Кибулан» и другие. Перу Лео Киачели принадлежат многие переводы на грузинский язык произведений русской и мировой классической литературы. Он автор множества литературных и публицистических статей.

За выдающиеся заслуги в развитии советской литературы Лео Киачели был награжден орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Ушел от нас крупный писатель, человек безупречной моральной чистоты и скромности. Советская литература понесла большую потерю. Память о нем сохранится в наших сердцах.

**ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ**

Лиля БРАЙЛОВСКАЯ

Спокойное солнце и беспокойные люди

Я знаю точные географические координаты места, которое разыскиваю. Есть у меня и другие сведения о станции космических лучей в Тбилиси, почерпнутые из обзора «Советские станции космических лучей». Я знаю, например, что высота станции над уровнем моря — 500 метров, что она была организована в 1953 году, а руководство ее работой осуществляет научный сотрудник В. К. Коява.

Интерес к этой станции возник после беседы с Александром Варденовичем Бухникашвили — директором Института геофизики Академии наук Грузинской ССР в связи с проводимым в 1964 и 1965 годах Международным Годом Спокойного Солнца (МГСС). Александр Варденович тогда только вернулся из Рима, где в составе советской делегации участвовал в работе ассамблеи Международного комитета Года Спокойного Солнца. Состав участников МГСС был уже утвержден, всесторонне рассмотрены и обсуждены планы, программы, методика наблюдений. Александр Варденович приехал полный новых забот, поскольку почти все научные организации нашей республики будут участвовать в МГСС.

Из сугубо профессионального разговора, происходившего между ним и Василием Кондратьевичем Коява — руководителем тбилисской станции космических лучей, я поняла только то, что годы затишья солнечной деятельности будут отнюдь не спокойными для ученых-геофизиков.

Речь шла об установке на станции новой аппаратуры, о ходе строительства уникальной подземной лаборатории космических лучей, где в камерах, расположенных на пяти горизонтах под землей будут регистрироваться космические лучи высоких энергий. Василий Кондратьевич охотно пригласил меня на станцию, подробно объяснил, как ее

разыскать в лабиринте новостроек Делиси, но предупредил, чтобы на чудеса я не рассчитывала: «Для сенсации нет ничего. Обыкновенное научное учреждение».

* * *

Асфальтированная дорожка уводит в сторону от проспекта Важа Пшавела вдоль недавно отстроенных жилых домов. Новоселы пока только обживают район, устраиваются в нем поудобнее.

Бережливо подвязаны и политы саженцы — быть им большими деревьями! Кое-где разбиты палисадники, по врытым в землю шестам побежала вверх виноградная лоза и, переплетаясь наверху, образовала зеленую крышу беседки. Исчерчены клетками «классов» площадки перед подъездами.

Чуть поодаль — пока только растущие дома со всеми сопутствующими строительству деталями — подъемным краном, выкриками рабочих, разбросанными по площадке стройматериалами.

Внезапно делисские новостройки обрываются — перед глазами голая возвышенность, вокруг которой возводится кольцо бетонированной ограды; ее завершением служит небольшое одноэтажное строение. Чуть ниже идет строительство здания более значительного и солидного. Полоска асфальта, круто поднимаясь вверх, подводит прямо к входу.

Василий Кондратьевич сидел за своим столом, изучал какие-то бумаги и, как он выразился, «ломал голову» над графиком отпусков — начинался сентябрь, «бархатный сезон», и желающих воспользоваться отпуском в эту пору было больше, чем устраивало бы руководителя станции. Василий Кондратьевич показал мне еще целый ворох па-

пок и бумаг — самых неотложных будничных и земных дел.

— Пока я освобожусь, вас посвятит в наши «космические» дела старший научный сотрудник нашей станции Шаташвили.

Космические дела станции — это ее аппаратура: ионизационная камера, нейтронный монитор, кубический телескоп...

Л. Х. Шаташвили пытается раскрыть мне таинства, происходящие в этих мудрых и тонких машинах, которые доставляют ученым такие ценные сведения о том, что происходит далеко за пределами нашей планеты, дать элементарное представление об их назначении.

О вспышках на солнце, магнитных бурях, протуберанцах он говорил так любовно и увлеченно, с такой заинтересованностью, как о вещах глубоко личных. Казалось, простые житейские дела, заполняющие наши будни, не вторгаются в его жизнь, потому что слишком высоко он над ней поднялся.

У меня тоже уже смещаются все представления и начинает казаться, что я наблюдаю за Землей со стороны. Мне видится только небольшая планета в солнечной системе, вращающаяся вокруг своей оси, перемещающаяся в пространстве, а магнитное поле Земли, как панцирем окружающее ее, служит уже только естественным прибором, важным помощником ученых в их исследованиях. Космический луч — это вовсе не поток света, а непрерывно бомбардирующие из недр вселенной Землю заряженные частицы.

Я усваиваю, что ионизационная камера сообщает сведения непрерывно движущейся фотобумаге, а в нейтронном мониторе и кубическом телескопе фотографируются на пленку показания электроимпульсных механических счетчиков и пересчетных устройств. После обработки этого материала данные регистрации заносятся в специальные таблицы отдельно по каждому прибору. Затем эти данные сопоставляются, анализируются. Месячные таблицы составляют по международной стандартной форме, в которой учтены и сведения о пункте наблюдения, и характеристика регистрирующей аппаратуры.

Я осматриваю похожую на огромный белый глобус ионизационную камеру. Лули Хаимович возится у фоторегистратора, внимательно изучает пленку, напоминающую электрокардиограмму, делает какие-то пометки на прикрепленном к стене большом разграфленном листе. Специальные часы показывают гринвичское время.

Здесь странно было думать о том, что только час назад меня занимала новая улица, новые дома и что сейчас меня от этой обыкновенной «земной» жизни отделяют считанные шаги.

«Неужели увлечение наукой заставляет людей отрешиться от всего вокруг?», — подумала я.

Шаташвили смотрит на свои часы и просит прощения:

— Я вынужден прервать свою лекцию. Сегодня футбол...

С Василием Кондратьевичем мы сталкиваемся у входа. Он тоже заядлый болельщик — «но в последние дни так замотался, что остался без билета на стадион. Бегу домой к телевизору...»

• • •

Наблюдения Международного геофизического года (МГГ) проводились в период максимума солнечной активности, когда на поверхности солнца появляются различные образования — взрывы, пятна, протуберанцы, флоккулы и т. д. Эти явления повторяются примерно через каждые 11 лет.

Подведение итогов МГГ (1957-59 гг.) выявило совершенно грандиозную картину исследований и результатов, достигнутых за время геофизического года. Но для науки не меньший интерес представляет «поведение» солнца и в период минимума солнечной активности. И снова был решен вопрос о широком международном сотрудничестве геофизиков. В 1964-65 годах будет проведен Год Спокойного Солнца (МГСС).

В «Ледовой книге» Юхана Смуула есть такие строки:

«Чтобы описывать корабль, надо быть либо профессиональным моряком, либо полным профаном, не отличающим носа от кормы. Профессиональный моряк дал бы точные сведения о судне, перечислил бы все детали, назвал бы все машины, привел бы все цифры, обозначающие площадь и объем всех помещений, количество лошадиных сил, оборотов винта, вес и т. д. Профан смотрит на корабль в гавани сквозь флер поэтичности, а во время морской болезни — сквозь призму ненависти, судно для него — то красавица, то ведьма. Все зависит от обстоятельств и, в значительной степени, от характера воспоминаний».

Мне кажется — эти слова применимы ко многим случаям, и, в частности, к науке.

Очень часто, так называемый «популярный очерк на научную тему», написанный не специалистом, человеком, мало сведущим в этой области, только вводит читателя в заблуждение, запутывает его и в без того сложных научных теориях. Поэтому там, где речь пойдет о сугубо научной стороне работы станции, пожалуй, следует предоставить слово большому советскому ученому, одному из основоположников этой отрасли науки — Л. И. Дорману, который в одном из своих самых значительных и объемистых трудов «Вариации космических

лучей и исследование космоса», излагает предмет и задачи науки.

«С момента открытия космического излучения наметились два основных направления в физике космических лучей: 1) «ядерное» — выяснение природы элементарных частиц и ядерных взаимодействий; 2) астрофизическое и геофизическое (космофизическое) — решение проблем происхождения и вариаций космических лучей, а также (в последние годы) изучение радиационных поясов. В предыдущие десятилетия преобладающим направлением было первое. Второму уделялось значительно меньше внимания, и здесь были достигнуты весьма скромные результаты. Однако в последние годы положение существенно изменилось.

Исследование космических лучей с помощью ракет и спутников позволило советским и американским ученым открыть новое замечательное явление — радиационные пояса Земли...

По мере более глубокого понимания природы и свойств поясов становятся все более понятными такие геофизические явления, характеризующие влияние солнечной активности на Землю, как магнитные бури и полярные сияния.

Накопление экспериментальных данных по вариациям космических лучей и осмысливание этих данных на основе результатов космической электродинамики и физики плазмы показало огромные возможности, заложенные в этом разделе физики космических лучей, находящемся на стыке с гео-, гелио- и астрофизикой. Эти исследования показали, что космические лучи являются прекрасным, весьма чувствительным зондом, прощупывающим электромагнитные условия в космосе...

Космические лучи, приходя на землю из Галактики и от Солнца, не только приносят ценную информацию о различных астрофизических и геофизических процессах, но и сами играют важную, а часто и решающую роль в протекании многих процессов: хромосферных вспышек на Солнце, образовании протуберанцев...

Исследование условий в космическом пространстве идет широким фронтом. Немалая роль принадлежит здесь физике космических лучей, в которой объектом и орудием исследования являются высокоэнергичные частицы — «посланцы космоса», несущие ценную информацию об условиях в области пространства, где происходит зарождение, ускорение и распространение этих частиц, т. е. в Метагалактике и в Галактике, в межзвездном и межпланетном пространстве, в оболочках звезд и Солнца, в окрестности Земли и в земной атмосфере».

Вот коротко о той области науки, к которой наша тбилисская станция космических лучей причастна самым непо-

средственным образом. Систематическое накопление материала по непрерывной регистрации космического излучения — в этом основная задача коллектива станции.

В процессе обработки накопленного материала научными сотрудниками станции М. В. Алания, Т. В. Кебуладзе, В. Г. Коридзе, Л. Осепашвили, О. Г. Рогава, аспирантом А. М. Чхетия создаются интересные исследовательские работы.

Некоторые работы Л. Х. Шаташвили получили известность среди ученых не только нашей страны, но и за рубежом.

Когда в начале 1963 года в Москве проходила Всесоюзная конференция по итогам проведения МГГ, тбилисская станция космических лучей представила четыре исследовательские работы. Все они обсуждались на международных конференциях в Хельсинки, в Киото (Япония) в 1961 году, на Всемирной конференции в г. Беркли (США), в Индии — в декабре 1963 года.

Сам Василий Кондратьевич Коява настолько поглощен научной работой, что остается только удивляться, как этот человек совмещает невероятный объем организационных и административных дел со значительными научными исследованиями.

Наряду с другими советскими учеными ему принадлежит исследование редчайшего в природе явления, которое было зафиксировано в 1956 году.

23 февраля, около четырех часов по мировому времени на краю солнечного диска произошла грандиозная вспышка, подобной которой прежде ученым наблюдать не приходилось. Явление это было настолько интенсивным, что, когда в Лондоне из регистрирующего аппарата в момент вспышки раздался оглушительный треск, дежурный по станции, объяснив это неисправностью прибора, немедленно его выключил. Эта вспышка на Солнце повлекла за собой изменения некоторых явлений как в космосе, так и на Земле. В частности, отмечалось значительное увеличение интенсивности космических лучей.

Но при всей своей деловитости, энергии, напористости Коява так пока и «не удосужился» подготовить и защитить диссертацию и получить ученое звание. У него на этот счет свои взгляды: «Это не самое важное, это формальности...»

• • •

В беседе со мной Василий Кондратьевич больше опирается на документы. Их немало — целая папка докладных, ходатайств, решений, постановлений и всякой другой официальной переписки.

Но это не просто дань бюрократизму — в них биография станции.

Изучая документацию, а потом слушая рассказы коллег и учеников Васи-

лия Кондратьевича, я убеждаюсь, что очень во многом своим существованием эта станция космических лучей обязана выдающемуся (я сейчас не боюсь даже этого громкого слова) энтузиазму Коява.

Все началось в 1951 году, когда в Тбилиси приехал Н. В. Пушков — директор Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР. Он осматривал специальные павильоны земного магнетизма, знакомился с работой отдела земного магнетизма при геофизической обсерватории. Тогда с ним и встретился сотрудник этого отдела — Василий Кондратьевич Коява. Во время пребывания Пушкова в Грузии Коява виделся с ним неоднократно и каждый раз настойчиво возвращался к одной и той же теме — в Тбилиси необходимо создать пункт для непрерывного наблюдения и исследования интенсивности космического излучения.

Приводились данные с учетом всех условий и возможностей. Все они были «за» и ни одного «против».

Предлагался проект соответствующей лаборатории, в котором были продуманы такие детали, которые обычно приходят в голову, когда решены хотя бы все основные вопросы.

Пушков заинтересовался идеей Коява, отнесся к ней очень внимательно и, уезжая в Москву, обещал непременно помочь.

Изучение космических лучей в космофизическом аспекте было тогда делом совсем новым и, что греха таить, малопопулярным — в перспективность его верили не очень.

Пушков долго молчал, и Василий Кондратьевич решился напомнить ему о его обещании в письме. Вскоре пришел ответ о том, что Н. В. Пушков поставил этот вопрос перед правительством и ждет решения.

В июле 1952 года из Москвы пришло постановление об организации наблюдений за космическими лучами при гидрометеослужбе.

Благодаря напористости Коява, которого назначили начальником лаборатории, к декабрю 1952 года уже было сооружено небольшое помещение во дворе гидрометеослужбы.

В марте 1953 года уже была установлена ионизационная камера и начала вестись работа.

Это был шестой в Советском Союзе пункт наблюдений за космическими лучами после Москвы, Якутска, Свердловска, мыса Шмидта, Иркутска.

Работали напряженно, с увлечением. Но Василия Кондратьевича продолжали одолевать все новые и новые проекты, идеи.

К счастью, он принадлежит к той категории людей, для которых мечта, действительно, первый пункт плана — она всегда рождается на реальной основе, и даже мысль о том, чтобы отказаться от

ее осуществления, Коява расценивает как измену по отношению к самому себе и к делу, которому служит. В 1956 году станцию переводят из ведомства гидрометеослужбы в систему Академии наук Грузинской ССР, связав ее работу с деятельностью Института геофизики. Потом началась борьба за выделение нового участка для размещения станции.

Участок Василий Кондратьевич выхлопотал с дальним прицелом — еще только возводилось первое небольшое здание лаборатории, а ему уже виделись проводимые здесь сложные научные работы, которые подстать большому исследовательскому институту. Все на этой большой территории отвечало требованиям и мечтам Коява.

В 1957 году здесь появилась новая регистрирующая аппаратура: нейтронный монитор и кубический телескоп.

В октябре 1958 года были начаты регулярные наблюдения по программе Международного геофизического года.

А вот передо мной документы с уже более свежими датами.

Докладная записка, адресованная Председателю Государственного Комитета Совета Министров Грузинской ССР по координации научно-исследовательских работ, по поводу письма председателя научного совета по комплексной проблеме «Космические лучи» при Президиуме АН СССР академика Скобельцына Д. В. Вот ее текст:

«В лаборатории (станции) космических лучей Института геофизики АН ГССР в настоящее время подходит к концу строительство подземной лаборатории по исследованию интенсивности вариаций космических лучей.

...Этот комплекс даст возможность получить весьма важную информацию об электромагнитных условиях в межзвездном и межпланетном пространстве. Поэтому в настоящий момент остро ставится вопрос об оснащении его вполне современной аппаратурой».

А вот строки из решения секции Междуведомственного Геофизического Комитета при АН СССР от 22 апреля 1963 года: «Считать направление работ по развитию космофизических исследований в Грузии правильным.

Признать целесообразным установку монитора на горе в Цхра-Цхаро и супермонитора на высоте до 800 метров над уровнем моря».

Пожалуй, убедительнее этих, казалось бы, сухих строк трудно рассказать о размахе работ станции.

Еще никогда ученые не уходили так далеко в глубь Земли для непрерывной подземной регистрации космических лучей.

В Советском Союзе подземная регистрация космических лучей проводится на двух станциях — в Москве и Якутске. Некоторые зарубежные исследователи, например, в Лондоне, Будапеште, для этой цели приспособливают станции метро.

Специальная лаборатория для подземной регистрации космических лучей глубиной в десятки метров, вот-вот вступит в строй на тбилисской станции.

Наземное сооружение шахты выглядит маленькой серой башенкой в метрах пятидесяти от здания станции. Вокруг — следы последних строительных работ — мотки проволоки, листы жести, обрезки труб. Внутри нет ничего, кроме кабины лифта, опускающегося в глубь огромного колодца, на пяти горизонтах которого находятся камеры, специально оборудованные для подземных наблюдений.

— Поскольку всю проделанную здесь работу мне приходится, буквально, ощупывать руками, я лифтом не пользуюсь, а хожу вниз пешком, — говорит Василий Кондратьевич, — приглашаю и вас на эту прогулку, если только не боитесь испачкаться... Другие неприятности здесь исключены — все прочно, надежно и ничего непредвиденного произойти не может. Просто нет того комфорта, какой мы создадим здесь через несколько месяцев.

Считанные ступеньки, и мы идем по покрытым цементом виткам крутого спуска. Этот путь в шахту осуществлен по тому же принципу, по которому сделан пандус на нижней станции канатной дороги тбилисского фуникулера.

Тусклые лампочки освещают нам проход. Стены пропитаны сыростью, с них стекает вода и хлюпает у нас под ногами. Василий Кондратьевич недоволен:

— Этого не должно быть, здесь инженеры в чем-то просчитались и в ближайшее время должны исправить свою ошибку.

Он идет уверенно, размашисто, будто перед ним не крутой штопор узкой дорожки, а широкое асфальтированное шоссе. Он замечает малейшие недоделки в работе строителей, ворчливо выговаривает что-то по их адресу.

Говорит он быстро, и, когда сердится, я не всегда отчетливо разбираю — о чем это он?

— Если бы это начинали строить сегодня, я предложил бы многое сделать иначе...

Через узенький освещенный коридорчик, мы проходим в камеру.

— Это первый горизонт — 3 метра 75 сантиметров, — объявляет Коява.

— Только всего?

Мне кажется, что с поверхности земли мы прошли уже куда большее расстояние.

Мы продолжаем кружить вокруг клетки лифта, опускаемся все глубже и глубже.

Проходим по точно таким же коридорчикам в камеры, находящиеся на глубине семи с половиной, пятнадцати, тридцати и более метров. Самое нижнее помещение необычайно велико по размерам. Здесь будет установлена особо точная аппаратура с большим охватом наблюдений.

К концу путешествия утомляет, кружится голова, невольно то и дело опираешься на перила.

Я слежу за Василием Кондратьевичем, но он не только, по-видимому, не ощущает ничего неприятного, а наоборот, еще с большим воодушевлением придирается к качеству работ. (Но как за этим ворчанием откровенно проступает гордость за свое детище!) Он рассказывает о том, как здесь все будет выглядеть после завершения строительства, о создании новой аппаратуры, супермониторе, который станция намерена приобрести у какой-то канадской фирмы. Мы говорим о предстоящих в новом году работах по программе Международного Года Спокойного Солнца.

Так же легко и привычно он преодолевает обратный путь. Мы обходим всю территорию станции, осматриваем строительство большого нового здания, где вскоре разместится весь коллектив — в связи с увеличением научных исследований разрастается и семья геофизиков, работающих здесь. В старом помещении останется только аппаратура.

Обойти всю территорию не так просто — шесть гектаров.

— И все же, Василий Кондратьевич, для чего вам такая огромная площадь? — спрашиваю я, уже покидая станцию.

— Есть в нашей науке одна интереснейшая проблема — так называемые широкие атмосферные ливни. Для наблюдений нужны большие пространства. Мы пока не имели возможности заняться этими наблюдениями...

Что ж, зная Коява, я могу утверждать — станция займется ими непременно.

Мамия АСАТИАНИ

Кутаисские встречи

В тридцатые годы Кутаиси жил как-то особенно напряженно и интересно. Именно в ту пору здесь были построены РионГЭС, литопонный и консервный заводы, шелкоткацкий комбинат и швейная фабрика, положено начало добычи, обработки и вывоза гумбрина и барига.

Рассказывая об этом периоде кутаисской жизни, нельзя также не вспомнить об одном факте исторического значения, который сыграл большую роль в становлении промышленности не только Кутаиси, но и всей Грузии.

Еще по инициативе Владимира Ильича Ленина московский пролетариат прислал в подарок кутаисским рабочим оборудование для суконной фабрики, которая стала пионером индустрии города.

Все это повлекло за собой не только рост численности рабочего класса, возросшее уважение к труду, вызвало новые отношения между людьми, но и изменило внешний облик города, содержание и ритм его жизни. В короткий срок Кутаиси стал одним из крупных промышленных центров республики.

В те годы он был также и центром области, в которую входили не только Имеретия, но и вся Мегрелия, Гурия, Рача-Лечхуми и Сванетия.

Во главе области стояли партийные и советские работники, которые представляли один из передовых отрядов грузинской интеллигенции.

Секретарем областного комитета партии был Вано Дарахвелидзе, молодой, очень способный и образованный человек, отличавшийся редкой скромностью.

Весь состав областного комитета партии, как правило, активно участвовал в культурной жизни города. К примеру, как работники обкома, так и руководители партийных и советских органов области наряду с членами художественного совета театра и представите-

лями общественности принимали участие в предварительном обсуждении выпускаемых спектаклей, а также новых произведений грузинских писателей.

Бурное индустриальное строительство и те радикальные изменения в жизни города, о которых уже говорилось, не остались вне поля зрения грузинских писателей. Почти каждое воскресенье сюда приезжал кто-либо из выдающихся деятелей грузинской литературы.

Среди этих писателей были — Михаил Джавахишвили и Нико Лордкипанидзе, Шалва Дадиани и Георгий Хуцишвили, Константин Гамсахурдиа и Константин Лордкипанидзе, Симон Чиковани и Бесо Жгенти, Паоло Яшвили и Гицян Табидзе, Галактион Табидзе и Ираклий Абашидзе, Александр Кутатели и Поликарп Какабадзе, Симон Хундадзе и Бенито Буачидзе, Демна Шенгелая и Колау Надирадзе, Серго Амаглобели и Шура Дудучава.

Они знакомились с новостройками и с уже вступившими в строй фабриками и заводами, устраивали здесь литературные вечера и диспуты, выступали перед рабочими, читали им свои новые произведения, так как были глубоко заинтересованы в мнении кутаисцев об их книгах.

Такой активизации грузинских писателей в Кутаиси способствовали выходящие здесь литературная газета «Слово и дело», вокруг которой они группировались, и литературный журнал, а также местный театр, в котором в ту пору режиссером работал Котэ Марджанишвили, внесший в тот период немалый вклад в развитие искусства Советской Грузии.

Директором Кутаисского театра и одним из руководителей газеты «Слово и дело» был Карло Каладзе, живший тогда в Кутаиси.

Частью гостем города бывал Галакти-

он Табидзе. Остановливался он обычно в гостинице «Гранд-отель», звонил отсюда по телефону знакомым, затем поднимался на гору Баграта.

— Отсюда, друзья, — обычно говорил он, — я вижу и РионГЭС, и Гелати, — и старое, и новое. Здесь все мне кажется иным — и небо, и земля.

Помню, однажды Галактион приехал в Кутаиси с Георгием Хуцишвили. Их пригласил к себе Джаджу Джорджкия, директор Кутаисской хозяйственной школы, живший тут же при ней. После обеда, на который были приглашены также Дия Чианели (Давид Чхеидзе), Гриша Габуния, заведующий отделом агитации и пропаганды Кутаисского городского комитета партии, Котэ Деметрадзе и автор этих строк, Галактион и Георгий читали свои стихи. Галактион, как всегда, словно опасаясь забыть одну из строк, торопился при чтении. А Георгий, напротив, читал громко, внятно, четко выговаривая каждое слово.

Галактиону нравилось, как читал свои стихи Георгий, и он признался:

— Как хорошо читает стихи Георгий; за это я его и люблю. Но он пишет и прозу. А мне рассказы не удаются. О чем ни подумаю, стихи получаются. Иначе, наверное, или задохнулся бы, или сошел с ума.

Потом все пошли к Рионскому водохранилищу. Это недалеко от дома Джаджу, и потому шли пешком.

Красота пейзажа, который открылся перед нами, взволновала всех, но особенно — Галактиона и Георгия. Они радовались, как дети.

— Как давно я здесь не был, — говорил Галактион, — клянусь, другого такого уголка не найти!.. Посмотри, Георгий, вокруг — на эти цветы, деревья, родники, на наш Риони, стиснутый рукой человеческой в этой гигантской колодке! Видал ли ты что-либо красивее этой картины! А теперь приглядитесь к развалинам крепости Баграта. Разве не похожа она на истерзанную воронами грудь Амирани! Вот и стены разрушены, и купол облез, а все еще стоит всем на удивление. Будто жалуется небу на врагов своих, злобных и кровожадных.

Георгий слушал Галактиона и медленно шел по дороге.

Молодежная бригада Ираклия Оболадзе взрывала скалы, прокладывая тоннель. После взрыва мы тоже вошли в него и там повстречали начальника строительства РионГЭС Владимира Джикия, инженера Баграта Микеладзе и посланных на строительство электростанции тогда еще молодых инженеров Гоги Чоговадзе, Бориса Ломидзе, Давида Гуния, Петре Цулукидзе, Михаила Чачава и других.

Они рассказали нам, что несколько дней назад здесь произошел неприятный случай — во время пробы, когда

по каналу был пущен поток воды, и без того мягкая почва совсем размокла, обрушилась, и весь канал пополз вниз...

Человеческих жертв не было, но убыток это нанесло огромный. Теперь все думали и решали, как ликвидировать эту беду. И вот что предложил Владимир Джикия, принадлежавший к той плеяде советских гидростроителей, которые возводили еще ДнепроГЭС, человек, за плечами у которого был огромный опыт в этом деле: на том же месте снова провести тоннель, верней, восстановить первый, что и было выполнено.

В один из этих трудных дней Джикия и увидел Галактиона и Хуцишвили, которых никак не ожидал здесь встретить.

— Видимо, сам бог мне послал вас: гениям все под силу, помогайте нам, скажите, что делать, — пошутил Джикия.

Галактион, по своей всепдашней привычке поднес руку к подбородку, обхватил его (тогда он бороды еще не носил), задумался и сказал:

— Дорогой друг, если бы с помощью стихов можно было выстроить РионГЭС, стихов нашего Акакия хватило бы на сто гидростанций! Это — ваше дело, дело инженеров. А если вы в чем-то просчитались, свою вину на нас не перекладывайте.

Потом вместе с В. Джикия и Б. Микеладзе мы пришли туда, где находились турбины. Там, у Мухнарского леса, где сейчас кончается тоннель и начинается канал, мы неожиданно увидели актеров. Среди них были Ушанги Чхеидзе, Шалва Гамбашидзе и Ивлита Джорджадзе. Их привел сюда осмотреть строительство РионГЭС заведующий организационным отделом областного комитета партии Тело Корсавели.

В этих местах всегда дует ветер. Вот и в тот день — только мы вышли из тоннеля, как он с остервенением набросился на нас. Несмотря на это, Шалва Гамбашидзе, поздоровавшись со всеми и обняв Галактиона, тут же прочитал наизусть его стихотворение «Из Цхалтубо в Кутаиси летящий ветер...».

Галактион опешил.

— Как мне помнится, это стихотворение я еще не публиковал. Откуда же вы его знаете и как успели уже выучить наизусть? Вот это талант! Хотя, дорогой друг, если говорить по правде, сейчас ветер дует со стороны Гелати, а не Цхалтубо. Этот ветер — с вершин, а Цхалтубо внизу...

Этот шутливый тон Галактиона почему-то не понравился Георгию Хуцишвили.

— Значит, если быстро выучил его стихотворение, — ты способный и даже гениальный человек. А если нет — так бездарь!

Нужно сказать, что Шалва Гамбаши-

дзе, этот талантливый актер и душевный, непосредственный человек, умел как-то особенно смеяться, от души и заразительно, и если уже начинал смеяться, то остановить его было невозможно. Так и в тот день, помню, хохотал он буквально до слез. Сначала все смотрели на него с улыбкой, а потом не выдержали и тоже залились смехом.

Не смеялся один Галактион. Он отошел в сторону, теребил себя за подбородок и молча смотрел на всех.

Ивлита, решив, что он обиделся, подошла и ласково заговорила с ним. Это ободрило его, и он, наконец, тоже улыбнулся.

Вскоре Владимир Джикия привез нас к четвертому участку РионГЭС, где работали турбины, и все нам здесь показал.

Никогда не забуду, как мы тогда впервые увидели экскаватор. Управлял им молодой машинист. Георгий Хуцишвили влез к нему наверх в кабину и, узнав, что он грузин, пришел в неописуемый восторг.

Галактион снизу наблюдал за огромным стальным хоботом машины.

В тот год на строительстве электростанции работало много молодежи, пришедшей сюда по призыву комсомола.

Экономика наша тогда была еще очень бедна, индустрия только становилась на ноги. Плохо было с хлебом, теплой одеждой... Болезни косили людей. Но, несмотря на это, они весь день работали, а вечером большинство из них посещало школу для малограмотных. И любопытно, что не было случая, чтобы кто-нибудь из молодых строителей не вышел на работу или пропустил занятия в школе, расположившейся в бараке. Это была какая-то удивительная, революционно настроенная молодежь. Я думаю, не ошибусь, назвав ее так. Она фанатически верила в свой завтрашний день и с неизменной улыбкой переносила все трудности.

Был выходной день, и вместе с Джикия мы зашли в молодежное общежитие. Молодые строители с радостью встретили нас, сразу же окружили, перезнакомились. Началось чтение стихов и новелл. Первым читал Дия, потом Джаджу, я и, наконец, Георгий и Галактион. Оба были в прекрасном настроении, читали без усталости, много и охотно, ободренные вниманием и интересом слушателей, просивших их читать еще и еще.

К вечеру, возвращаясь в город, пошли по Гомской дороге, чтобы проводить Володю Джикия. У Рионского водохранилища был в то время духан Алавидзе. Туда и повел нас Володя.

Кстати, помню, по дороге произошел такой случай. У самого подножия горы Баграта есть источник. Он соединяется с Риони тоннелем, замаскированным и

скрытым от глаз прохожего. Видно, в давние времена это было сделано для того, чтобы враг не узнал о существовании здесь воды. С годами тоннель разрушился, и источник казался совсем запущенным, заброшенным. Поэтому подойти к нему было трудно. Когда мы остановились у этого источника, чтобы передохнуть, Галактион обратился к Володе Джикия:

— Дорогой друг! То, что источник в таком состоянии, тебе непростительно — чтобы исправить его, нужно всего два мешка цемента и сотня кирпичей. Ведь это в твоей власти сделать. Подумай, пройдет здесь усталый путник, утолит жажду и добром помянет тебя. Исправь, друг, источник, обязательно исправь...

Джикия обещал выполнить эту просьбу. И действительно, через неделю источник был зацементирован и обновлен. Но прохожий, припадающий в зной к этому источнику, так и не узнает, что мысль восстановить его принадлежала Галактиону и что, отдавая дань глубокого уважения поэту, ее осуществил Владимир Джикия.

У Алавидзе Ушанги Чхеидзе даже не пригубил стакана с вином, да и не поел толком.

— Перед спектаклем не могу, — признался он.

— Зато я как раз перед спектаклем люблю хорошенько поесть, — отозвался Шалва Гамбашидзе. — А Ушанги ни к чему не прикоснулся, словно на молитву идет.

Да, Ушанги был удивительным человеком. На сцене — сильный, необузданный; когда он читал стихи, казалось, все девять Амирани вселялись к нему в душу, а в обычное время, в общении с людьми это был сдержанный, степенный человек; обычно он сидел спокойно, и с его красивого лица не сходила вежливая улыбка.

Мне кажется, что сила актерского обаяния Ушанги Чхеидзе — в его глазах и голосе. Лично я ни у кого больше не видал таких выразительных глаз. А голос... Хорошо, что голос его сохранен для потомства. Но мне кажется — в записях на пластинках что-то утрачено. Возможно, это объясняется тем, что запись производилась во время болезни Ушанги и голос его тогда звучал не так, как обычно.

Вообще, силой своего неповторимого дарования он умел заставить зрителя то унести куда-то ввысь, в тихое, безоблачное небо, то снова ввергнуть его в водоворот страстей и бури жизни.

Так как Ушанги гримировался сам, он ушел в театр раньше нас. А мы немного опоздали на спектакль.

Котэ Марджанишвили сидел в шестом ряду партера, где и для нас были оставлены места. Он недовольно посмотрел

в нашу сторону, но ничего не сказал. Очевидно, присутствие Галактиона и Джикия удержало его. Обычно Котэ никому не прощал опоздания на спектакль. Мы молча поздоровались с ним и тихо сели на свои места.

А через несколько мгновений, полностью отрешившись от событий минувшего дня, вместе с актерами мы уже жили жизнью героев спектакля, дышали их дыханием.

И в этом, конечно, в первую очередь была заслуга Котэ Марджанишвили. Особенность его дарования сказывалась в умении не только видеть каждую деталь в спектакле, но и быть вдохновителем его в целом; словно волшебник или гениальный дирижер, он мог поднять на небывалую высоту и весь спектакль и каждого актера так, что его, бывало, и не узнаешь.

Так произошло и с Ушанги Чхеидзе. Я бы сказал, что Ченчи — вершина его творчества. Эта труднейшая роль давала большой простор актеру для выявления его редкого дарования. По силе страстей и деспотичности этой дьявольской природы воплощение образа Ченчи требовало от актера огромного нервного напряжения. И порою мне кажется, что работа именно над этой ролью послужила первым толчком к тяжелому заболеванию Ушанги Чхеидзе.

— Посмотрите, дорогие мои, кто перед нами, — шептал Галактион, — наш Ушанги превзошел сегодня Эдмунда Кина.

А Георгий, бледный, с расширенными глазами, не отрываясь смотрел на сцену. Когда Ченчи-Ушанги Чхеидзе, лежа в постели, приказывает прислуге привести к нему Беатриче (ее играла Тамара Чавчавадзе), Георгий не смог побороть в себе ненависти к этому человеку и выбежал в фойе.

В гостиницу он пришел лишь утром и признался: «Если бы вчера вечером я увидел Ушанги, наверное, убил бы его».

После спектакля Галактион обнял Котэ, а затем пошел к Ушанги за кулисы. Вернулся он молчаливый и взволнованный. Да и все мы под впечатлением увиденного еще долго не могли произнести ни слова.

Уже в гостинице Галактион обратился к актеру Юзе Зардалишвили, с которым был в дружбе (после спектакля он пошел проводить нас):

— Скажи, Юза, правду: тебе понравились Ушанги и Тамара? Ведь, действительно, они несравненны в этих ролях?

Юза улыбнулся и спокойно ответил:

— Мне кажется все же, что главное в этом спектакле — третье лицо. Это — режиссер...

На следующий день Галактион и

Георгий уехали в Зугдиди. Мы их проводили до Риони...

А теперь я хочу рассказать об одной забавной истории из жизни Галактиона, также связанной с Кутаиси и кутаисцами.

Как-то мне (я тогда ведал вопросами политпросвещения в Кутаиси) звонит заведующий отделом народного образования Кутаисского исполкома Теймураз Чумбуридзе (крупный знаток античной литературы и видный общественный деятель) и сообщает, что Галактион сейчас на Рионском вокзале и ждет меня.

Был март, погода стояла дождливая, а в то утро и вовсе отвратительная. Я сел в фаэтон, запряженный парой породистых вороных (в ту пору на весь Кутаиси были всего три автомашины — у Васо Дарахвелидзе, председателя обл. исполкома Эраста Гвамичава и Владимира Джикия; а этот фаэтон передал в пользование нашего отдела несколько месяцев назад Э. Гвамичава), и помчался к Рионскому вокзалу. Приехал, вошел в зал ожидания. У стола сидит Галактион, перед ним наполовину распитая бутылка вина. Увидев меня, он говорит мне:

— Ах, дорогой мой Мамия, как я тебя ждал! Беда со мной приключилась, и только ты мне можешь помочь!

Я даже испугался. Смотрю на Галактиона — он чисто выбрит, выглядит вполне здоровым, одет в хороший костюм. Вот только плечи, пожалуй, чуть сгорблены. Ничего не могу понять!

— Я вижу, дорогой, ты не догадываешься, в чем дело. Меня обокрали. Подумать только, у Галактиона в Грузии украли пальто. Да еще в такой холод! Нет, здешний этого сделать не мог. Вор был чужой!

Я не мог в это поверить. Наверное, Галактион шутит! Огляделся, но пальто нигде не было видно...

Чтобы понять теперь, что это значило в те годы, должен напомнить — дорогих, хороших тканей тогда не было, с одеждой приходилось туго, носили мы пальто из такой толстой и грубой материи («бобрик»), что ее и пуля не пробил бы. На мне, конечно, было такое же пальто, тяжелое, неуклюжее. А стоило ему намочнуть, как вес его увеличивался чуть ли не в пять раз — и тогда уж лучше было его снять!

Я задумался — что делать, как быть?

Крупными хлопьями валил снег, временами перемежаясь с дождем, было сыро и холодно. А кто бывал в окрестностях Кутаиси, знает, что с Броцеулы в долине всегда дует ветер. В плохую погоду он бывает настолько силен, что сбивает с ног путника. Короче, я накинул на Галактиона свое пальто, мы, съездившись, сели в фаэтон и покатали в Кутаиси. В одном пиджаке я чуть не

умер от холода; но только мы въехали в Мухнарский лес, ветер немного стих и дал нам перевести дух.

По дороге Галактион рассказал мне, как все это произошло:

— Ехал я батумским поездом в мягком вагоне. Пальто висело тут же, в купе. Встал, а его уже нет. Сказать об этом постеснялся даже проводнику. Но куда в такую погоду я мог идти без пальто?! Позвонил тебе с Рионского вокзала. Тебя не оказалось. Тогда вспомнил о Теймуразе, позвонил ему, чтобы помог найти тебя.

Я постарался успокоить Галактиона, а сам все думал: как быть? Мое пальто в плечах было узко ему, да и ткань такая грубошерстная, что не предложишь такое Галактиону. И тогда я вспомнил друга своего детства Володю Шенгелия, зятя известного поэта Колау Надирадзе. Володя был директором Кутаисской швейной фабрики и к тому же депутатом Верховного Совета Грузинской ССР.

Как только мы приехали в Кутаиси, я позвонил ему.

— Ткани, которую можно было бы предложить Галактиону, у нас нет. Ведь бобриковое пальто не наденешь на него, — грустно сказал Володя.

Что делать? Еще по дороге Галактион предупредил меня: если не сегодня, то завтра ему обязательно надо быть в Цхалтубо. Там его ждет знакомая актриса, приехавшая из России. Вместе с Юзой он должен показать ей Имеретию.

Положение казалось безвыходным. Неожиданно по какому-то делу мне позвонил секретарь Кутаисского обкома партии Гриша Габуния. Я тут же рассказал ему о краже и в связи с этим о своих затруднениях. Гриша посоветовал обратиться к друзьям Галактиона — Георгию Кутателадзе и Николозу Блушвили. Оказывается, они должны были получить хорошие ткани.

Я тут же позвонил им. Николоз тут же через Ваниона Дарасели, который по нашей рекомендации только начал работать заведующим одной из местных библиотек, прислал мне отрез. Материал был прекрасный, дорогой, но слишком светлый. Я знал, это не устроит Галактиона. И тут вспомнил, что у Белого моста находится красильня Михако Ханчава. Вот к нему-то я и обратился за помощью.

— Покрасить я покрашу, и хорошо, но сушить придется два дня, — предупредил Михако, потом, немного подумав, дал совет отнести ткань после покраски на суконную фабрику, где есть специальный сушильный цех; там высушат отрез за один час.

И действительно уже к концу дня готовая ткань лежала перед закройщицами швейной фабрики, а вечером к Га-

лактиону пришел сам Володя Шенгелия с портными.

— Простите меня, дорогие. Это Мамия весь город всполошил, я бы не посмел вас так беспокоить, — грустно оправдывался Галактион.

Юза и Нико Кутателадзе, сидевшие тут же, улыбнулись. Галактион заметил это и ему стало, видимо, неприятно. Он обернулся к Юзе, на котором был простой, на первый взгляд, плащ, но подбитый мехом не то выдры, не то лисы (а я этого и не заметил раньше!), и сказал ему:

— Жаль мне тебя, дорогой Юза, какой тонкий плащ на тебе, а то бы я эту дорогую подкладку снял и к своему пальто пришил...

Юза явно испугался как бы Галактион и вправду этого не сделал.

Нико залился смехом.

По просьбе Володи Шенгелия портные работали всю ночь, и утром, когда мы еще завтракали, Галактиону принесли готовое пальто. Сшито оно было безукоризненно.

Когда мы уже садились в фаэтон, нам передали письмо от начальника Рионского вокзала Василия Чхеидзе, брата Дин Чхеидзе. В письме говорилось: «Кто-то с письмом прислал пальто. Пишет, что оно — Галактиона. Перешлите это пальто Галактиону в Тбилиси».

Видимо, Василий Чхеидзе не знал, что Галактион — в Кутаиси, и послал письмо кутаисским писателям в надежде, что они возьмут и переправят пальто в Тбилиси.

Я тут же послал фаэтон за этим пальто, и через час оно было у нас. Пальто, надо признать, оказалось дорогим, но все же сравнить его с новым было нельзя.

— Что же теперь делать, — развел руками Галактион. — Удобно ли вернуть новое пальто Николозу?

Я позвонил Николозу Блушвили. Он буквально чуть не задохнулся от смеха, узнав о курьезе с двумя пальто. Но о возврате пальто и слышать не хотел.

— Пусть это будет моим подарком Галактиону. Только передайте ему от моего имени, чтобы он так же хорошо писал свои стихи. А я привезу ему с Северного Кавказа еще и белую бурку. (На Северном Кавказе готовилось совещание штаба Армии, и Николоз с Георгием ехали туда. М. А.).

Так у Галактиона оказалось два пальто.

На следующее утро Галактион, Юза и я решили пойти в столовую «Азнаური», где готовили только грузинские блюда. Позвонили Нико Кутателадзе — брату Георгия Кутателадзе, чтобы и он пришел туда же. Столовая находилась тогда рядом со старым театром, а Нико

жил недалеко от гостиницы в здании бывшей классической гимназии. Нико принес из дому тарелку, полную сациви из бадриджан.

— Хотя повар здесь известный кулинар, — сказал Нико, — но и у него не найдется бадриджан в это время года. А я их сохранил и вот теперь преподношу вам.

Ко всем прочим достоинствам Нико Кутателадзе, прекрасного стрелка, страстного охотника, широкообразованного человека, знатока русской и зарубежной литературы, надо добавить и то, что он был большим знатоком грузинской кухни.

— Как ты нас обрадовал, дорогой друг. Эти бадриджаны приготовлены так же, как их готовила моя мать. После нее я еще такого удовольствия не получал. — И Галактион с аппетитом ел сациви из бадриджан, заправленное соусом из орехов и гранатового сока.

Завтрак затянулся. Мы сидели за столом, который стоял рядом с небольшим бассейном, в котором плавали рыбы. Видимо, получив заказ, повар поймал в бассейне рыбу и, пока она трепетала в его руках, распотрошил ее, а потом, еще живую, ловко бросил на раскаленную жаровню.

Галактион побледнел, глаза у него расширились, он встал и решительно заявил:

— Куда вы меня привели? Здесь, оказывается, дикари. Эти безбожники, пожалуй, и нас могут так же зажарить. Скорее уйдем отсюда!

Мы расплатились и вышли. Галактион долго молчал. Он никак не мог успокоиться. Потом завел нас во двор гимназии, несколько раз обошел стоявшие там тополя, снова вышел на улицу и остановился лишь около ателье известного в Кутаиси фотографа Давида Мхеидзе.

— Таких фотографий, как Датико, никто на свете не умеет делать, — сказал Галактион, — давайте, втроем (Нико покинул нас раньше, так как спешил на лекции. М. А.) сфотографируемся у него.

Мы вошли в ателье. Галактион обнял Давида, как брата.

— Мамия, дорогой, сфотографируйся без пальто. Когда-нибудь посмотришь на эту фотографию и вспомнишь, как тебе из-за меня пришлось ехать из Риони в Кутаиси в одном пиджаке.

Он силой снял с меня пальто, и нас сфотографировали.

В тот же вечер мы проводили Галактиона до Цхалтубо, а Юза даже остался там с ним на несколько дней.

Спустя дней десять Галактион позвонил мне в Кутаиси. Я послал за ним фаэтон, и уже вечером мы встретились в кутаисской гостинице. Он был доволен своей поездкой и все рассказывал, как побывал в деревне, повидал своих.

Вдруг в номер вошел директор гостиницы и сказал, что приехал Георгий Курулашвили (тогда, помнится, он был одним из секретарей ЦК компартии Грузии и, если не ошибаюсь, также редактором журнала «Мнатоби») и просит нас к себе. Мы вошли в его номер. Там был чуть ли не весь состав обкома партии (надо сказать, что в то время большинство работников областного комитета партии жило в этой гостинице). Все обступили Галактиона. Историю с его пальто они уже знали: наверное, им рассказал ее Гриша Габуния.

— Что же ты ко мне не обратился, — пошутил Георгий, — я бы вспомнил свою прежнюю профессию. Ты же знаешь, Галактион, что она мне больше удается, чем руководящая работа.

Потом Гриша Габуния раскрыл секрет, как было найдено пальто Галактиона.

Оказывается, железнодорожные охранники нашли в ресторане на станции Самтредия пальто с запиской, в которой говорилось: «Пальто поэта Галактиона Табидзе перешлите хозяину. Мы же ему обязательно напишем письмо».

Железнодорожники Самтредия навели справки и узнали, что Галактиона видели на Рионском вокзале. Вот они и послали пальто Василию Чхеидзе.

Галактион вспомнил, что в кармане его пальто лежала телеграмма от актрисы, которая ждала его в Цхалтубо, с его фамилией и адресом. Очевидно, по ней-то воры и узнали, кто был хозяином пальто.

ТБИЛИСИ

НА СЦЕНЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ТЕАТРА

На сцене Малого зала театра имени Ш. Руставели с большим успехом идут пьеса В. Розова «Перед ужином» в постановке режиссера М. Туманишвили (действие ее перенесено в Грузию) и сатирическая комедия Г. Нахуцришвили «Чинчрака» (режиссера Р. Стуриа). Это спектакли нового экспериментального театра, созданного по инициативе руководства театра имени Руставели.

В 1964 году театр осуществит постановки инсценированных рассказов молодых писателей — Г. Рчеулишвили «Маринэ», А. Сулакаури «Половодье», а также комедии «Автобус 43-а» А. Такайшвили и «Басни Саба» Г. Кинцурашвили.

В репертуар театра войдет и спектакль «Вечер поэзии», построенный на материале стихотворений, поэм и т. д. Он будет популяризировать произведения грузинских авторов.

ГОРИ, ЦХИНВАЛИ

ВЫЕЗДНЫЕ ЛЕКЦИИ-КОНЦЕРТЫ

По установившейся традиции, побывав в Телави, Поты и других городах республики, правление Союза композиторов Грузии провело недавно в Гори и Цхинвали лекции-концерты грузинской симфонической музыки.

Симфонический оркестр Грузинской государственной филармонии исполнил произведения А. Баланчивадзе, Д. Торадзе, В. Гокиели, С. Цинцадзе, Б. Квернадзе, О. Гордели и других.

Концерты сопровождались докладами о творчестве композиторов, развитии грузинской симфонической музыки. В Гори же состоялся авторский концерт композитора А. Мачавариани.

МОСКВА

«СОВЕТСКИЕ ХУДОЖНИКИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ»

Так называется выставка, которая открылась здесь в декабре минув-

шего года. 10 рисунков — «Чехословацкие зарисовки» — представил на выставку грузинский скульптор А. Горгадзе. Среди них — рисунки, исполненные тушью, сангиной, карандашом.

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ — МОЛОДОМУ РЕЖИССЕРУ

На Всесоюзном конкурсе телефильмов 1963 года короткометражный художественный фильм Грузинской телестудии «Быль, рассказанная кистью» был удостоен почетного диплома Государственного Комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению за интересную режиссерскую и операторскую работу.

«Быль, рассказанная кистью» — работа молодого режиссера (он же и автор сценария) М. Джалишвили и оператора Р. Кезели, посвященная вопросам коммунистической морали.

ПЕРЕД ВСЕМИРНЫМ КОНГРЕССОМ ЭТНОГРАФОВ

До Всемирного конгресса этнографов, который состоится в Москве в августе 1964 года, еще несколько месяцев, а издательство «Сабчота Сакартвело» начало уже готовить к изданию этнографические сборники и другие богато иллюстрированные материалы. Вот что рассказал о них заместитель главного редактора издательства Г. Квеладзе:

— Тематика трудов Института этнографии Академии наук Грузинской ССР, представленных к изданию, обширна и разнообразна. Здесь и фольклорный материал «Хевсуретия в прошлом и настоящем», и монография «Сванское село», и сборник «Хозяйственный быт и материальная культура грузинского народа».

Особенно интересна серия альбомов с текстом и репродукциями образцов набойки из разноцветных тканей, грузинской керамики, народных кукол, оружия и т. д.

Большой интерес представят почтовые открытки с изображением костюмов народов Кавказа.

Этнографические материалы издательства «Сабчота Сакартвело» (главный редактор Э. Маградзе) дополнят выступления и доклады грузинских этнографов на конгрессе и дадут наглядное представление о различных сторонах жизни грузинского народа с древних времен по сегодняшний день.

ЛЕНИНГРАД

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ГРУЗИНСКОЙ МУЗЫКИ

В начале декабря 1963 года на сцене Ленинградской филармонии состоялись концерты грузинской симфонической музыки. В их программе «Вторая симфония» А. Баланчивадзе, отрывки из оперы «Миндия» О. Тактакишвили, фортепианный концерт С. Насидзе, «Танец-фантазия» Б. Квернадзе, камерные сочинения С. Цинцадзе и молодых композиторов В. Азарашвили, Н. Вацадзе, Р. Карухнишвили и других.

ВИЛЬНИУС

ВЫСТАВКА ГРУЗИНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Свыше 600 произведений грузинских художников экспонировались недавно в пяти залах Литовского Музея искусств.

Наряду с полотнами Д. Какабадзе, У. Джапаридзе, Л. Гудиашвили, Е. Ахведнани, К. Магалашвили и других представителей старшего поколения художников, большой интерес посетителей вызвали работы молодых авторов — эскиз статуи Вахтанга Горгасала скульптора Э. Амашукели, иллюстрации к произведениям Важа Пшавела Т. Кубанейшвили, гравюры А. Бандзеладзе, пейзажи М. Хвития, Д. Медзмаришвили и других.

В декабре выставка грузинского изобразительного искусства была устроена на Украине, а с начала 1964 года — в Таллине.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ГАСТРОЛИ ОДИССЕЯ ДИМИТРИАДИ

Прага, Братислава, Брно — таким был маршрут гастрольных выступлений известного грузинского дирижера Одиссея Димитриади. В программе его концертов — произведения русских и грузинских композиторов; из грузинской музыки были исполнены «Вторая симфония» О. Тактакишвили, сюита из балета А. Мачавариани «Отелло» и другие.

Концерты прошли с большим успехом.

ВЕНГРИЯ

ТРЕТЬЯ ПРЕМИЯ — ТАМАРЕ ГАБАРАШВИЛИ

На Международном конкурсе виолончелистов, организованном в честь выдающегося виолончелиста и общественного деятеля Пабло Казальса, третьей премии удостоена аспирантка Московской консерватории имени П. И. Чайковского Тамара Габарашвили.

В 1962 году на Международном фестивале в Хельсинки талантливая виолончелистка завоевала первую премию и была удостоена золотой медали.

Концертный репертуар ее богат и разнообразен. Сейчас Т. Габарашвили готовит новое произведение Арама Хачатуряна «Рапсодию» для виолончели с оркестром.

США

МАРИНА МДИВАНИ — В АМЕРИКЕ

Два с половиной месяца совершала гастрольные поездки по Соединенным Штатам Америки и Канаде грузинская пианистка Марина Мдивани — лауреат международных конкурсов музыкантов-исполнителей имени Маргариты Лонг в Париже в 1961 году и имени П. И. Чайковского в Москве в 1962 году.

Не так давно пианистка с успехом выступила в «Карнеги Холл» в Нью-Йорке.

ТУНИС

НОВЫЙ ФИЛЬМ Г. АСАТИАНИ

На территории древних городов Туниса шли съемки первого советского научно-популярного фильма об истории древней культуры Карфагена. Автор сценария, режиссер и оператор — заслуженный деятель искусств Грузинской ССР Г. Асатиани, оператор О. Деканосидзе.

По словам члена-корреспондента Академии наук СССР профессора В. Авдиева фильм дает полное и яркое представление о замечательной архитектуре и поразительном искусстве древних народов, населяющих Северную Африку. Очень хорошо снято, — пишет в заключении о картине В. Авдиев, — лучшее в мире собрание античных мозаик, которые хранятся в музеях Туниса.

Дикторский текст М. Стуруа и приятное звуковое оформление производят на зрителя самое отрадное впечатление.

По достоинству оценил фильм «В стране древней культуры» и доктор исторических наук профессор А. Церетели. По его отзыву, фильм носит не-

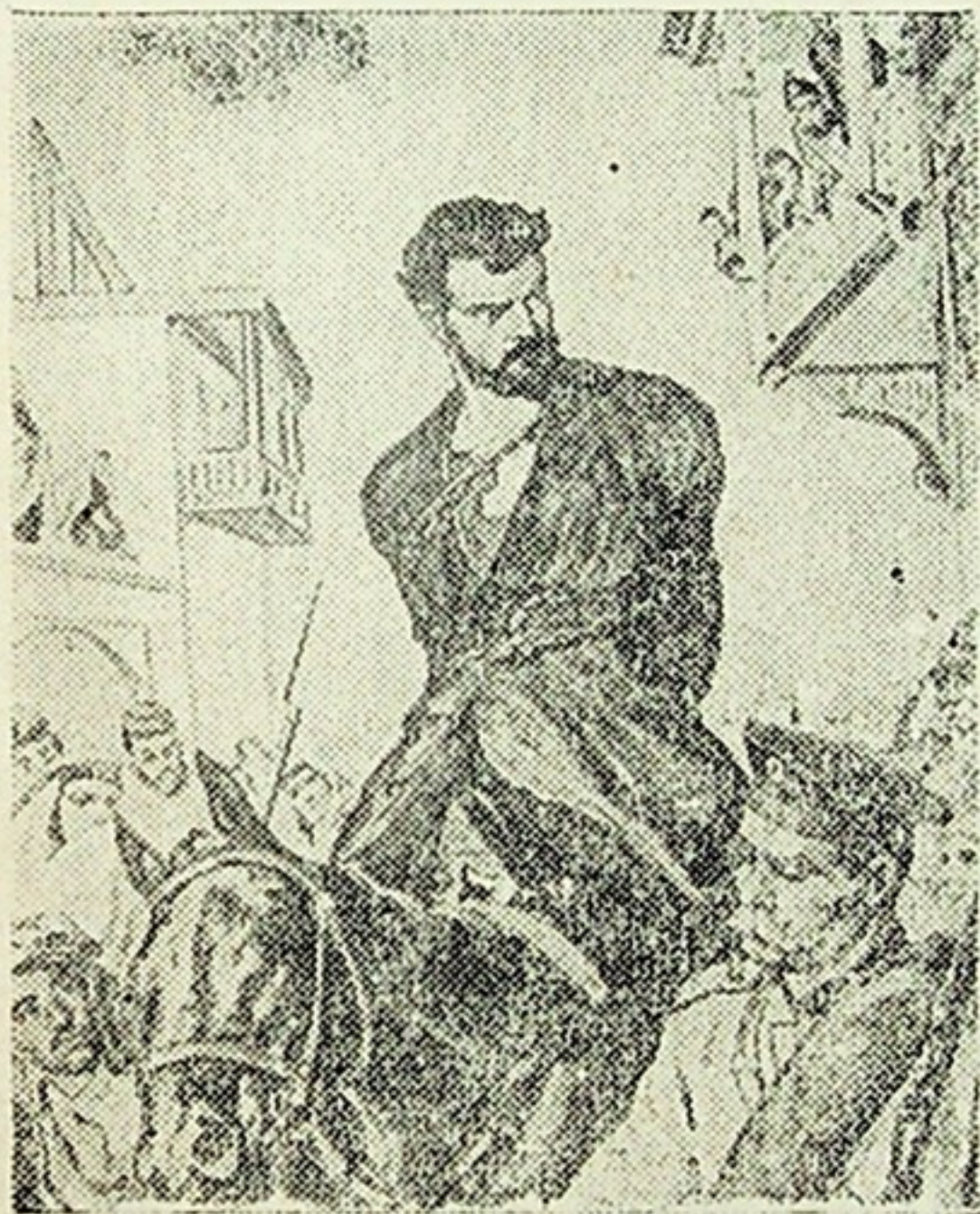
сомненно познавательный и воспитательный характер и с интересом будет встречен советским зрителем.

ФРГ

РОМАН М. ДЖАВАХИШВИЛИ — НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Роман выдающегося грузинского писателя Михаила Джавахишвили «Гиви Шадур» (рассказы из жизни Советской Грузии) — одно из последних изданий, вышедших в Мюнхене на немецком языке в переводе А. Метревели.

Им же издана в Мюнхене с текстом на грузинском, немецком, английском и французском языках серия художественных открыток — репродукции с рисунков И. Тондзе к произведениям Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», Важа Пшавела «Бахтриони», Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како», Михаила Джавахишвили «Арсен из Марабды».

ЛЭНГ В ГРУЗИИ

С известным английским грузиноведом Дэвидом Лэнгом наш сотрудник встретился накануне его отъезда из Тбилиси в Лондон. Обаятельный и простой, он сразу расположил к непринужденной беседе.

— Вы из «Литературной Грузии»? Рад познакомиться. Я читаю на родине ваш журнал и с большим интересом слежу за тем, что в нем печатается.

Впервые я приобрел один из номеров в Сухуми в 1962 году. Помню, на меня

сильное впечатление произвел роман Михаила Джавахишвили «Судьба женщины», печатавшийся в журнале.

Прошел год — и я снова на родине этого замечательного писателя, радуюсь расцвету Советской Грузии, ее успехам во всех областях экономической и культурной жизни.

На этот раз я мог более детально ознакомиться с историческими памятниками и местами Грузии, так как прибыл сюда по приглашению ГОДИКСа.

Несколько дней я с моим грузинским другом Нодаром Кочлашвили провел в Кахетии, осмотрел Телави, Сигнахи, Икалто, Греми, Шуамта, Алаверди. В Кварели мы посетили дома-музеи Ильи Чавчавадзе и Котэ Марджанишвили. В Месхет-Джавахетии я был восхищен непревзойденной архитектурой пещерного города Вардзия, созданного героическим грузинским народом в XII веке для защиты от иноземных захватчиков. Покорила меня и величественная красота древних грузинских крепостей Ацкури, Хертвиси, Тмогви.

В Кутаиси мы познакомимся с молодым, талантливым писателем и историком Леваном Саникидзе, который помог нам осмотреть развалины храма Баграта, такого же выдающегося памятника средневековой культуры, как Гелати.

И, наконец, — солнечная Аджария, страна цитрусов и необыкновенного гостеприимства.

Побывал я и в Махарадзе, осмотрел монастыри Шемокмеди и Лихаури.

От Лихаури я увожу на память «печать» на лбу, которую поставил при входе в монастырь.

— Как видите,—пошутил Лэнг, указывая на царапину, — «печать» довольно крепкая, сотрется не скоро.

Что же рассказать о Тбилиси? Об этом «теплом городе» у меня самые лучшие воспоминания.

Я смотрел новые постановки в театрах имени Ш. Руставели, К. Марджанишвили, посещал музеи, имел удовольствие встретиться с писателем Константинэ Гамсахурдиа, поэтом Георгием Леонидзе. Очень интересной и плодотворной оказалась для меня встреча с профессором Ильей Абуладзе, которому я передал на редакцию рукопись перевода с грузинского на английский «Мудрости Балавара». Этот замечательный памятник средневековой грузинской литературы выйдет в издании ЮНЕСКО.

Каковы мои планы на будущее?

По возвращении на родину думаю начать работу над историей грузинской литературы с древнейших времен по сегодняшний день. Познакомить английскую интеллигенцию с сокровищницей грузинской литературы — это ответственная и почетная задача.

Хотел бы я передать что-нибудь читателям «Литературной Грузии»?

Несомненно, обязательно — приветствие и наилучшие пожелания. Если разрешите, я воспользуюсь вашим предложением, чтобы выразить большую благодарность Грузинскому обществу дружбы и культурной связи с зарубежными странами, пригласившему меня сюда, моему учителю академику Акакию Шанидзе, другу, известному нумизмату, доктору наук Давиду Капанадзе и всем тем, благодаря кому я чувствовал себя в вашей стране как дома.

Я особенно рад, что именно здесь получил телеграмму из Лондона о присвоении мне Кембриджским университетом наивысшей научной степени — доктора литературы по грузинологии; ведь я веду кафедру грузинологии не там, а в Лондонском университете.

Наша беседа подошла к концу. Лэнг сердечно попрощался с нами, добавил по-грузински:

— Еще раз приношу вам благодарность за теплый прием. До будущих встреч, дорогие друзья.

Подписано к печати 28 января 1964 г. 6 печ. листов + 1 вкл.
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 418

Тираж 2400

УЭ 05424

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Отпечатано в типографии издательства ЦК КП Грузии
«Комунисти» — ул. Ленина, 14.

40 нод.

ИИДЕРС
79117